

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

Учёный

международный научный журнал

The Evolution
of Culture

THE SCIENCE
OF CULTURE

Modern Capitalist Culture

The Concept of Cultural Systems
A Key to Understanding Tribes and Nations

14
2016
Часть VII

16+

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 14 (118) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

На обложке изображен Лесли Алвин Уайт (1900–1975) — американский антрополог, этнолог и культуролог.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 15.08.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Glushakova D.

The current situation on the issue of disability in the Republic of Belarus..... 603

Мурзаев М. С., Орунбаев У. Б.

Традиции социализации кыргызов средствами пословиц и поговорок 606

Рухтин А. А., Пушкарская Л. С.

Социокультурные основания региональной модернизации современной России 609

Садыков Р. М.

Жилищная обеспеченность населения как фактор социальной устойчивости территорий..... 612

Типикина А. Е., Болтёнкова О. М.

Анализ эффективности реализации программы материнского капитала 615

Яковлева Э. В.

Особенности цензуры в интернет-СМИ 617

Яковлева Э. В.

Особенности формирования повестки дня СМК: экономическая цензура 619

Яковлева Э. В.

Теория Уолтера Липпмана и ее отражение в современной медиареальности..... 622

ФИЛОЛОГИЯ

Албанский В. В.

Социолингвистический статус академического французского языка в Нью-Брансуике 625

Атаджанов С. С.

Народная интерпретация образа Бахрама (на примере дастана «Бахрам и Гуландом») ... 629

Бартков Б. И., Верховцева Н. В.

Количественные структурно-семантические характеристики именного суффикса -тель в русском языке 631

Bartkov B., Verkhovtseva N.

Quantitative structural-semantic characteristics of nominative suffix -тель in the Russian language 632

Бартков Б. И., Яроцкая Р. А.

Исконная деривационная морфема -man в английском языке. Часть 2. Семантика, структура..... 638

Блытова И. В.

Особенности литературно-художественного стиля в городских легендах Хоккайдо 648

Головачева Е. А.

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецкой рецепции (период до Второй Мировой войны) 650

Долгова К. И.

Особенности языковой личности Криса Вейганта как субъекта англоязычного политического блог-дискурса 654

Kudratova Sh. K.

The category of modality in text interpretation..... 660

Порва О. Н.

Коммуникация как ключевое понятие медиа: современная проблематика, гносеологический аспект 661

Соколова Ю. А., Власова К. А.

Знаки речевого этикета по денотативному содержанию и их применение в различных сферах общения 663

Солиева М. Н.

Процесс перевода с использованием информационных технологий в самостоятельной работе студентов 666

Солиева М. Н.

Роль инновационных технологий в обучении иностранных языку в вузе 668

Сусоева Е. К.

Китайский язык. Особенности устного и письменного перевода 669

Токарева И. В. Образ России в произведениях Р. М. Рильке... 671	Шичкина М. Г. Перевод кинотекста в историко-культурном дискурсе (на примере фильма «Римские каникулы») 685
Худайбергана Н. Р., Рузиматов С. Гиперболическая семантика имен прилагательных 673	Яхьяева З. М. Имя прилагательное с точки зрения лингвокультурологии. Связь языка и культуры 688
Чигиринова О. Ю. Сохранение прагматического аспекта при передаче англицизмов на материале перевода романа Бенуа Дютертра с французского языка на русский..... 675	
Ширяева С. Н. «Пушкинский миф» в прозе С. Довлатова 679	
Шичкина М. Г. Идиостиль в переводе: к постановке вопроса 682	
	ПРОЧЕЕ
	Shamuratova G. Yu. Schlüsselkompetenzen Für Lebenslanges Lernen 690

СОЦИОЛОГИЯ

The current situation on the issue of disability in the Republic of Belarus

Darya Glushakova, PhD student;
Chengwei Wen, professor
Dalian University of Technology (Dalian, China)

The first *World report on disability* [1], produced jointly by WHO and the World Bank in 2011, implements the principles of the UN's *Convention on the rights of persons with disabilities* [2] and provides the comprehensive information on the current worldwide situation of persons with disabilities with relevance to the fields of public health, human rights and development and barriers they face in attempts to be integrated into the society. According to the report, more than one billion people worldwide have some form of disability and this number corresponds to about 15 % of the world's population.

The report uses some of the following terms and definitions [1, pp.301–309]:

Accessibility — describes the degree to which an environment, service, or product allows access by as many people as possible, in particular people with disabilities.

Barriers — factors in a person's environment that, through their absence or presence, limit functioning and create disability — for example, inaccessible physical environments, a lack of appropriate assistive technology, and negative attitudes towards disability.

Disability discrimination — any distinction, exclusion, or restriction on the basis of disability that has the purpose or effect of impairing or nullifying the recognition, enjoyment, or exercise on an equal basis with others, of all human rights and fundamental freedoms.

De-institutionalization — refers to the transfer of people with disabilities or other groups from institutional care to the life in the community.

According to the report, the most widespread barriers regarding persons with disabilities include the following [1, pp.262–263]:

1. Inadequate policies and standards;
2. Negative attitudes;
3. Lack of provision of services;
4. Problems with service delivery;
5. Inadequate funding;
6. Lack of accessibility;
7. Lack of consultation and involvement;
8. Lack of data and evidence.

In September 2015 the Republic of Belarus signed the *Convention on the rights of persons with disabilities* and at the present moment awaits its ratification. This important event should lead to the promotion of the principles of the *Convention* on the levels of state organizations and institutions and promote mass consciousness on the issue of disability among Belarusian citizens.

According to the Ministry of Labour and Social Protection of the Republic of Belarus, there are 551.4 thousand persons with disabilities registered with the labour and social protection services as of May 2016. This number includes: class I disabled group — 85.8 thousand, class II disabled group — 268.0 thousand, class III disabled group — 168.3 thousand, disabled children up to 18 years old — 29.1 thousand persons with disabilities. [3] These numbers include persons with physical and mental disorders of different nature and state of severity. Persons with mental and behavioral conditions (disorders) are considered the most vulnerable categories of persons with disabilities. [4, p. 8]

Organizations assisting people with disabilities in the Republic of Belarus defend the rights of persons with impairment, provide resources for medical and social rehabilitation, promote understanding of disability in mass culture and launch projects for social inclusion of persons with disabilities. Some of these organizations are: Public Association "Belarusian Society of the Deaf", Public Association "Belarusian Association of Persons with Visual Impairment", "Belarusian Prosthetic and Orthopedic Rehabilitation Center", "Office for the Rights of People with Disabilities", etc.

The emergence of new organizations such as the *Office for the Rights of People with Disabilities* helps to raise awareness of the difficulties in the lives of persons with disabilities, conduct research, educational seminars, conferences and other events that contribute to the development of legal culture and social consciousness regarding the disability issue.

The *Office* provided the analysis of the data, collected by the Independent Institute for Socio-Economic and Political Studies (IISEPS), which resulted in the following reports on the issue of disability: "Dynamics of public opinion on various aspects of disability in Belarus 2011–2016", "Zero re-

port on realization of the Convention on the rights of persons with disabilities”, etc. ISEPS interviewed the citizens of the Republic of Belarus on various topics regarding their perception of disability in 2011, 2012 and 2016, which resulted in the reports on the dynamics of national perception of disability and the disabled people. In 2011 ISEPS interviewed 1503 people, in 2012—1502 people, and in 2016—1508 people of various personal and professional backgrounds. [5] The Office also produced the “Monitoring of the availability of the 2014 World Cup Ice Hockey Championship”, which evaluated the level of accessibility of the event for persons with different kinds of disabilities.

The research on the “Dynamics of public opinion on various aspects of disability in Belarus 2011–2016” shows that educational background of the respondents has primary relation to their knowledge of the *Convention on the rights of persons with disabilities*. 46.3 % of people with higher education knew about the existence of the *Convention*, while among the respondents with primary and secondary education this number was much lower — only 20–22 %. [5, p.2]

While growing awareness of the existence of such document as the UN’s *Convention on the rights of persons with disabilities* is a positive tendency, the report findings show that the mere fact of knowing about the *Convention* has little effect on the attitudes of Belarusians towards the problems of people with disabilities and ways of their solution. “Knowledgeable” respondents show only slightly higher level of actualization and specification of the problems faced by people with disabilities, acknowledging that they may have more problems with finding financial support and getting education, compared to non-disabled citizens. But the attitude towards inclusive education, inclusive social policies and individual perceptions of people with disabilities has no correlation

with the fact whether the respondents know about the *Convention* or not. [5, p.3]

The general attitude of Belarusians towards the issues of inclusive social policies and providing social equality for persons with disabilities has shown some negative tendencies. The number of respondents who support the strategy of creating the inclusive environment for people with disabilities has declined by 12 % over the past five years. [5, p.7] It is important to stress that this number only shows the dynamics of the attitude change over time, and in 2016 the percentage of respondents supporting the principles of social equality (56.1 %) is still higher than the percentage of those who responded positively to the idea that people with disabilities should be institutionalized, i. e. live, get education and work in specialized service institutions (39.2 %). [5, p.7] Such factors as gender, age, living locations and geo-political views of the respondents have little influence on the abovementioned attitudes, and only the respondents with higher education show the support of the ideas of social inclusion more often than respondents with other educational background. [5, p.8]

The report shows that personal attitude towards persons with disabilities has not changed profoundly during the five-year period of 2011–2016. Only half of the respondents preferred the easiest way of communication with persons with disabilities, which is being neighbors, only about a quarter would accept working relationships and less than 10 % of the respondents considered a possible prospect of marriage with a person with a disability. This data shows that people would still prefer the most distant type of relationships with persons with disabilities as the most convenient one. It is important to mention that this kind of data only reflects common stereotypical ideas considering the perception of persons with disabilities in the society. Yet, this is the sign that persons with disabilities are still stigmatized in the public perception. [5, p.9]

Table 1

The acceptable kind of relationships with persons with disabilities:	2012	2016
Marriage	7.6 %	7.5 %
Working relationships	25.3 %	21.1 %
Friendship	40.3 %	39.1 %
Being neighbors	54.4 %	48.4 %
None of the above	17.8 %	17.3 %

* The data are taken from the report “Dynamics of public opinion on various aspects of disability in Belarus 2011–2016”.

The preparations for the World Cup Ice Hockey Championship held in Minsk in May 2014 gave rise to the development of the infrastructure which also resulted in the construction and putting into operation of the special features specifically designed for persons with disabilities. In doing so the government attempted to satisfy the needs of all groups of participants of the championship as well as to satisfy the requirements of the world community. The infrastructural changes expanded the existing disability-friendly objects

with special equipment and resulted in the further development of the barrier-free environment. Some of these objects include:

- ramps in sports objects and recreation facilities;
- specially designed subway elevators assisting the movement of the handicapped and the elderly between the subway levels;
- specially designed restrooms for persons with disabilities;

- call buttons in the subway entrances particularly on the roots were the World Cup Ice Hockey Championship was held;
- lifting platforms for wheelchair users in pedestrian subways (see Pic.1), etc.

Fig. 1. The lifting platform assisting wheelchair users in one of the pedestrian subways in Minsk, Belarus. (The photograph is the personal property of the article authors.)

The purpose of the “Monitoring of the availability of the 2014 World Cup Ice Hockey Championship” was to evaluate the accessibility of the event for participants with disabilities, including the provision of physical barrier-free environment, as well as the equal opportunity for participation for persons with disabilities in the championship events.

One of the criteria of the *Office for the Rights of People with Disabilities* on evaluating the accessibility of the objects of infrastructure and the related services for persons with disabilities is based on the principle that these objects and services cannot be partially accessible, “semi-accessible” or relatively accessible. That means that the object or service should consider the accessibility for all categories of the disabled persons, considering the nature and the severity of their disability. [6, p. 3]

The results of the monitoring show that sports objects provided better accessibility for the persons having physical disabilities rather than for the persons with sensory impairments. The monitoring also notices the lack of information about the championship and its logistics available in the Braille language. Some objects of recreation also showed the low level of accessibility for persons with physical disabilities. Even when ramps and related infrastructural elements were part of the building design, sometimes there were no restrooms of special design for persons with disabilities. Despite many critical moments, the monitoring however gave a positive evaluation of the assistance for persons with disabilities provided by volunteers during the events. [6, pp. 4–5]

One of the major problems of the implementation of the general principles of the *Convention on the rights of persons with disabilities* and the national legislative acts is the application of the term “persons with disabilities” without diversifying of the term “disability”. The term “disability” may

refer to a wide range of conditions, indicating full or partial loss of certain physical functions, as well as to the mental health conditions characterized by alterations in thinking or behavior. Even within the two main categories of physical or mental health dysfunctions we may differentiate the conditions according to the state of their severity, which may influence the degree of change of the current environment in order for the disabled people to enjoy equal social opportunities. The large category of persons with physical disabilities may be divided into more specific categories of wheelchair users, people with limited walking abilities, people with functional disabilities of certain parts or organs of the body, the sightless, the hearing impaired, etc. Mentally disabled people can also be divided into more specific groups according to the nature and the severity of their mental condition. According to these specifications people with different types of disabilities may need different kinds and level of assistance, technical support, methods of social inclusion and change of technical infrastructure. Acknowledging different types of disabilities and their diversification and correct representation in normative acts might have a positive influence on the improvement of the current situation regarding persons with disabilities and lead to further development of the barrier-free environment.

We may also conclude that the current Belarusian urban infrastructure is not yet barrier-free and a lot needs to be changed so that people with disabilities could have access to buildings and objects they wish to visit and the events they wish to be part of. Besides the issues of physical accessibility, people with disabilities as still stigmatized in the society, and only the positive shift in the mass understanding and the acceptance of disability can guarantee or at least stimulate the development of the barrier-free environment in both physical and social sense.

References:

1. World report on disability. World Health Organization, 2011 [Mode of access: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/en/]
2. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. The United Nations, 2006 [Mode of access: <http://www.un.org/disabilities/convention/conventionfull.shtml>]
3. Ministry of Labour and Social Protection of the Republic of Belarus [Website] // Сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Minsk, 2016 [Mode of access: <http://mintrud.gov.by/ru/chislinv>]
4. Zero report on realization of the Convention on the rights of persons with disabilities. // Нулевой отчет об исполнении Конвенции о правах инвалидов. Office for the rights of people with disabilities. Minsk, 2016 [Mode of access: http://www.disright.org/sites/default/files/source/07.05.2016/nulevoy_otchet.pdf]
5. Dynamics of public opinion on various aspects of disability in Belarus 2011–2016. // Динамика общественного мнения по различным аспектам проблематики инвалидности в Беларуси — 2011–2016 год. Office for the rights of people with disabilities. Minsk, 2016 [Mode of access: http://www.disright.org/sites/default/files/source/03.06.2016/dinamika_om_2011-2016.pdf]
6. Monitoring of the availability of the 2014 World Cup Ice Hockey Championship. // Мониторинг доступности Чемпионата мира по хоккею 2014. Итоговый отчет. Office for the rights of people with disabilities. Minsk, 2016 [Mode of access: http://www.disright.org/sites/default/files/monitoring_chm_polnyu.pdf]

Традиции социализации кыргызов средствами пословиц и поговорок

Мурзаев Маматали Султанович, кандидат психологических наук, доцент
Кыргызская академия образования (г. Бишкек)

Орунбаев Улан Батырбекович, старший преподаватель
Ошский государственный университет (Кыргызстан)

В статье рассматриваются вопросы социализации и формирования личности средствами пословиц и поговорок, зависимость содержания социализации личности от педагогической культуры народа.

Ключевые слова: социализация, формирование личности, средства народной педагогики, пословицы и поговорки, духовно-нравственные качества, духовно-нравственный кризис, этническая культура

Сегодня в условиях глобализации, усиление межкультурного взаимодействия и развитие информационной технологии усиливается духовно-нравственный кризис в кыргызском обществе. Поэтому духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения и исследование ее проблем является актуальным. В формировании личности важное место занимает использование традиций и средств народной педагогики, многими веками апробированные методы педагогического воздействия на подрастающее поколение по формированию их как личности, что положительно влияют на формирование у них духовно-нравственных качеств в современных условиях.

Значимость нашего исследования заключается в том, что вопросы влияния средств народной педагогики на социализацию и формирование духовно-нравственных качеств подрастающего поколения является одной из актуальных проблем в педагогической науке.

Каждый народ в своем историческом развитии выработал традиции социализации, которые обеспечивают передачу социального опыта народа от старшего поколения к подрастающему поколению.

Кыргызский народ тоже вырабатывал свои традиции социализации и уделял особое внимание воспитанию подрастающего поколения, заботился о том, чтобы дети с малых лет стали полноценными членами общества, и в длительный исторический период развития сформировал свои неповторимые традиции социализации, посредством которых осуществлял передачу национальных особенностей из поколения в поколения и способствовал тем самым сохранению своей этничности и самобытности культуры народа.

Социализация — это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны (часто недостаточно подчеркиваемый в исследованиях), процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [2, с. 267].

На социализацию и формирование личности влияют многочисленные факторы. Каждый фактор влияет своеобразно, безусловно способствует правильному или неправильному формированию сознания и поведения у подрастающего поколения.

Одним из факторов социализации и формирования личности является народная педагогика, так как в народной педагогике господствует живой опыт воспитания. Народный педагогический опыт сложен, многогранен и богат (Г. Н. Волков). Поэтому в формировании личности важное место занимает использование традиций и средств народной педагогики: во-первых, каждый народ располагает прогрессивными традициями и идеями и методами педагогического воздействия на подрастающего поколения; во-вторых, многими веками апробированные традиции и средства педагогического воздействия на детей и ныне являются эффективной воспитательной силой; в-третьих, прогрессивные традиции и средства народной педагогики положительно влияют на формирование личности школьника и повышают эффективность нравственного воспитания в современном учебно-воспитательном процессе в общеобразовательной школе [7, с. 42]. Так как, по мнению Г. Н. Волкова «Народная педагогика, отражая определенный уровень педагогических знаний, конкретный исторический этап в духовном прогрессе человечества, служит основой, на которой возникла и развивалась педагогическая наука» [4, с. 6].

Одним из средств народной педагогики являются пословицы и поговорки. Использование пословиц и поговорок в социализации личности в современных условиях является актуальным. Потому что, сегодня мы живем в быстро меняющемся мире, который порождает негативные проблемы в обществе такие как, безнравственность, проституция, наркомания и алкоголизм, бессердечность, жестокость, агрессивность пр. Чтобы решить эти проблемы необходимо использовать богатый опыт традиций социализации народа в воспитании подрастающего поколения, который позволяет выйти обществу из духовно-нравственного кризиса.

По мнению кыргызского этнопедагога профессора А. Алимбекова, народная педагогика считала целью духовно-нравственного воспитания превращение нравственных принципов «*намыс*», «*уят*» (совесть, стыд, совестливость) в личные убеждения, составляющие ядро индивидуального сознания, заключающего в себе знание норм морали, взгляды и чувства. Понятия «*намыс*», «*уят*» включают в себя и волевые качества человека, без которых его убеждения не могут воплотиться в факт поведения. Слово *намыс* ассоциируется с такими понятиями, как воспитанность, скромность, деликатность, почтительность: «*Намыс өлүмдөн күчтүү*» (Совесть — сильнее смерти).

Народная педагогика предостерегает молодых людей от позора, трусости и предательства. Ведь трусы и предатели — презренные враги Отчизны: «*Өзөктөн чыккан өрт жаман, өздөн чыккан жат жаман*» — «Нет хуже огня, чем вышедший изнутри; нет хуже врага, чем вышедший из своей среды»; «*Коркок миң өлөт, баатыр бир өлөт*» — «Трус умирает тысячу раз, а герой только однажды». В мудрых заповедях кыргызской народной педагогики особое место отводится воспитанию у детей дружественного отношения к людям. Жизненный опыт кочевников убедил людей в том, что человек не может быть одиноким, он вступает

в определенные, и прежде всего дружественные, взаимоотношения с окружающими. Значение дружбы, ее положительное влияние на нравственный облик человека отмечается в ряде кыргызских народных изречений: «*Куш канаты менен, адам досу менен күчтүү*» — «Птица сильна своими крыльями, человек — друзьями» [1, с. 130]. В духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения одной из задач родителей является воспитание детей в традициях гостеприимства (*меймандостук*), которое считается главным долгом и честью для кыргызов в прошлом и в настоящем.

Наличие у кыргызов своеобразного института гостеприимства отмечают почти все исследователи их быта и культуры как в дореволюционное время, так и после революции. Известный русский географ-климатолог Я. И. Корольков, длительное время живший в Кыргызстане, с большой теплотой отзывался об отношении кыргызов к другим: «Мне за время моего проживания в крае пришлось сделать верхов по нашим горам более 14 тыс. верст, никогда не был вооружен и никогда, кроме радушного гостеприимства со стороны кыргызов, я ничего не встречал от них» [5, с. 40].

Традиция гостеприимства является одним из важных ценностей у кыргызов. Поэтому у кыргызов много пословиц о гостеприимстве. Н: «*Коноктун качан кетерин сураба, качан келээрин сура*» (Не спрашивай гостя, когда уйдет, спрашивай, когда он в следующий раз придет) — подобные наставления из народной педагогики были известны не только главе семьи, но и всем его детям. Гостей обслуживали не только взрослые, но и дети: помогали спешиться с коня, привязывали коня к коновязи, расседывали и кормили коня. Дети участвуя в таких семейных мероприятиях (прием и проводы гостей, беседа с гостем и др.), с малых лет социализировались как личности и приобщались к этнокультуре народа, становились полноценными членами общества.

Стремление воспитать духовно-нравственные качества подрастающего поколения в процессе общения и через общение отражается во многих пословицах и поговорках. Например: «*Жылуу-жылуу суйлосон, жылан чыгат ийнинен*» — «Нежными словами и змею можно выманить из норы», «*Аганы коруп ини осот, эжени коруп синди осот*» — «Каков старший брат, таков и младший — какова старшая сестра, такова и младшая». Эти и другие пословицы выполняя духовно-нравственную и этнокультурную воспитательную функцию, социализируют подрастающее поколение в духе народных традиции культуру общения и формирует личность как представителя своего народа.

Формирование культа старших (уважать, помочь, беречь, обслуживать и т. д.) является одним из важных направлений воспитания подрастающего поколения у кыргызов. Поэтому в ряде пословиц и поговорок кыргызов отражена традиция уважительного отношения к старикам: «*Карынын созун капка сал*» — «Помни и храни слова старцев»; «*Карысы бардын ырысы бар*» — «Счастлив тот, у кого есть старики». Этими пословицами можно воспитать

культ уважения старших (беречь, обслуживать, помочь удовлетворит его требование и др.) и формировать культуру межличностных отношений у подрастающего поколения посредством пословиц.

Труд считался неотъемлемой частью кочевой жизни. Поэтому кыргызы особое внимание уделяли трудовому воспитанию подрастающего поколения. По мнению А. Алимбекова, в многовековом опыте трудового воспитания у кыргызов прослеживается ряд важных и поучительных установок. Прежде всего, это *четко выраженный возрастной подход*. Для каждого возраста существовал определенный перечень посильных бытовых и хозяйственных работ. Решающее значение имело раннее начало привлечения к труду: «Жаш кезде алган билим ташка тамга баскандай» («Знания, приобретенные в детстве, долговечны, как узоры, вырезанные на камне»). У кыргызов существовали две школы трудового и нравственного воспитания: мужская и женская, согласно биологической природе и предназначения мужчины и женщины. В будущем труженике-отце воспитывались одни черты характера, в будущей матери-горянке, хранительнице домашнего очага, создательнице семейного уюта — соответствующие черты. Подростки и юноши должны были постигать основы животноводства (пасти овец, коров, коней, сохранять приплод животных, проводить стрижку овец и др.). Девушка до замужества под руководством матери должна была научиться вышивке, изготовлению узорной кошмы, шырдаков, ковров, шуб, одежды, выделке кож и т. п. [1, с. 134].

Народ определил свое отношение к труду как источнику жизни, как потребности здорового организма и здорового образа жизни и эмпирически установил свои дидактические требования к труду и трудовому воспитанию. Поэтизируя труд, народ рассматривает его как основу существования, как основу прекрасного и возвышенного в жизни человека: «Байлыктын атасы эмгек, энеси жер» — «Отец богатства — труд, его мать — земля»; «Эмгек бакыт ачыкчы» — «Ключи счастья — в труде».

Во многих кыргызских пословицах и поговорках проводится мысль о том, что именно труд формирует и совершенствует нравственную красоту человека, что человек только благодаря труду может овладеть материальными и духовными богатствами: «Эмгегинен бакыт тапкан адам, чыныгы сулуу адам» — «Кто находит счастье трудом — настоящий красавец»; «Эмгеги менен эр өсөт» — «Трудом молодец растёт».

У кыргызов есть традиция детей морально и психологически готовить к труду, в веках сформирована традиция обдуманно привлекать детей к труду с малых лет. Сперва обсуждается в семье, что скоро сын наравне с другими членами семьи начинает участвовать в трудовой деятельности, вопросы как его к нему готовить. Прежде всего детям готовили орудия труда, этим способом старались вызвать у ребенка желание и интерес к труду и чувство ответственности, далее готовили необходимые для этого случая одежду, обувь и пр.

Предварительное одобрение старших его трудового шага стимулирует ребенка к трудовой деятельности, укрепляет в ребенке силу, уверенность в себе и развивает его способности. В кыргызской семье, как отмечает Б. Апышев, у каждого ребенка было свое индивидуальное поручение, индивидуальный участок работы. Это помогало приспособиться без особых усилий к любой, вдруг возникшей трудовой обстановке. Трудовое поручение «важно тем, что приучает детей постоянно быть готовыми к любой работе и помнить о таких постоянно возникающих работах, и выполнять их самостоятельно, без предупреждения старших» [3, с.16].

Первые трудовые шаги детей выполнялись под пристальным взглядом взрослых. Сначала старшие показывали как правильно действовать, а затем дети самостоятельно выполняли трудовые действия, а взрослые своевременно корректировали при неумелом выполнении трудовое действие детей. По мнению А. Алимбекова, одним из приемов трудового воспитания детей были одобрение их действий, поступка. *Ребенка, умело выполнявшего ту или иную работу, старшие часто хвалили вслух*. Одобрение служило одним из лучших стимулов развития трудовых интересов у детей. Его выражали не только словесно, результат труда ребенка стремились показать людям, которые в свою очередь присоединялись к похвалам. Кому из кыргызских детей не приходилось слышать такое одобрение (оно часто сопровождалось поглаживанием по головке), как «Ой, жакшы бала турбайбы!» — «Ай, хороший мальчик». Или: «Ой, жакшы кыз турбайбы» — «Ай, ты, оказывается, хорошая девочка!» [1, с. 137]. В социализации детей, благоприятные последствия имели также традиции народного милосердия, особенно традиции заботы о сиротах. Есть добрый обычай у кыргызов — усыновление детей. «Бала тапкандыкы эмес баккандыкы» (Родной не тот, кто родил, а тот, кто вырастил) гласит народная пословица. Общепринятый порядок требует, чтобы усыновленные дети росли в семье как родные, и в свою очередь, родителям они проявляли такую же заботу. Нарушение обычая предков заслуживало всенародного осуждения [6].

Вышеуказанные мысли показывают, что пословицы и поговорки как средство народной педагогики обладает большим воспитательным потенциалом в развитие духовно-нравственных качеств подрастающего поколения.

Перед педагогической и психологической наукой стоят вопросы по дальнейшему углубленному исследованию проблем формирования личности подрастающего поколения на основе народной педагогики, разработать методические рекомендации учителям школ в эффективном использовании традиций и средств народной педагогики в формировании личности школьников.

Исследования воспитательных возможностей средств народной педагогики (пословиц и поговорок) и использование их в социализации подрастающего поколения в современных условиях позволяет:

— выявлять и определять роль средств и традиций народной педагогики кыргызского народа в структуре

педагогически воздействующих факторов в формировании личности подрастающего поколения;

- выявлять способы применения пословиц и поговорок в школе, колледже и вузе в социализации подрастающего поколения на этнокультурной основе.

Выводы

1. В социализации и формировании личности подрастающего поколения огромное место занимает народная педагогика в целом, в частности пословицы и поговорки.

2. Исследование процесса социализации личности подрастающего поколения средствами и традициями народной педагогики является актуальным и практически значимым. Исследования такого характера вооружают учителей и ро-

дителей педагогическими средствами, проверенными многовековой воспитательной практикой, которая необходима в работе по социализации и формированию личности у подрастающего поколения, обучающихся в школе, колледже и вузе в современных условиях.

3. В условиях глобализации необходимо усилить воспитание подрастающего поколения на традициях социализации кыргызов, прогрессивные традиции и средства народной педагогики кыргызского народа положительно влияют на формирование личности подрастающего поколения и повышают эффективность духовно-нравственного, трудового и этнокультурного воспитания в семье и в современном учебно-воспитательном процессе в общеобразовательной школе, в колледжах и в вузах.

Литература:

1. Алимбеков А. Педагогический потенциал пословиц и поговорок // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. — Б., 2000. — № 5–6. — С. 129–140.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. — М.: Аспект пресс, 2002. — С. 267, — С. 275.
3. Апышев Б. Народные традиции и их использование в трудовом воспитании старшеклассников: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.01. — М., 1974. — 23 с.
4. Волков Г. Н. Этнопедагогика: учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. — 2-е изд. испр. и доп. М.: Изд. центр «Академия», 2000. 176 с.
5. Кронгарт Г. К. Население Кыргызстана во второй половине XIX-начале XXв. (формирование состав, взаимосвязи и взаимоотношения этносов) / науч. ред. К. У. Усенбаев. НАН КР, ин-т истории. — Бишкек: Илим, 1997. — 132 с.
6. Муратов А. Ж. Чынгыз Айтматов — жазуучу-этнопедагог. — Б.: 2006. — 204 б.
7. Мурзаев М. С. Общности народной педагогики кыргызов и узбеков и проблемы формирования толерантности // Этнопедагогика как фактор сохранения этнокультурных ценностей в современном социуме: материалы I международной очно-заочной научно-практической конференции посвященный академику РАО Волкову Г. Н. / под ред. Кузнецовой Л. В. /БОУ ВПО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии. — Чебоксары: Новое время. 2015. — 200 с.

Социокультурные основания региональной модернизации современной России

Рухтин Александр Анатольевич, кандидат философских наук, доцент;

Пушкарская Любовь Сергеевна, студент

Волгоградский государственный медицинский университет

Одной из главных задач XXI века является необходимость социально-экономической модернизации. С этим столкнулись власть, бизнес и население многих стран. Решение модернизационных задач всегда обуславливается конкретной ситуацией и является уникальным для каждой страны. В России особую актуальность имеет проблема разрывов между качеством жизни населения разных регионов, а также значительного отставания условий жизни россиян по сравнению с жителями развитых стран. Необходимое условие успешной модернизационной политики — выработка национальной специфической стратегии модернизации, которая будет учитывать особенности социокультурного развития не только России в целом, но и каждого конкретного региона.

Ключевые слова: модернизация регионов, социально-экономическое развитие, социальная модернизация, социокультурные факторы, социальная политика, социокультурный подход

Модернизация представляет собой последовательную эволюцию человеческой цивилизации от аграрных (или традиционных) обществ к индустриальным, а затем — к информационным. Один из главных отечественных теоретиков модернизации Н. И. Лапин утверждает, что в XXI

столетии под модернизацией понимается «комплексный способ решения политических и экономических, социальных и культурных задач, которые в полный рост стоят перед государством и обществом в контексте внутренних, мега-региональных угроз и рисков; это совокупность процессов

технического, экономического и социокультурного развития общества (стран и ее регионов), повышающих его конкурентоспособность». Целевыми функциями современной модернизации являются: безопасность государства и общества, устойчивое функционирование всех структур и повышение качества жизни населения. Ученый выводит модель интегрированной модернизации, которая является комплексным процессом, осуществляющимся на 3 основных уровнях: технико-технологическом, социально-экономическом и социокультурном. Эти уровни тесно взаимосвязаны и в совокупности образуют интегрированную целостность. [1]

Культурные аспекты являются важным моментом при объяснении происходящего и анализе конкретных политических ситуаций. Коллективно разделяемые представления оказывают влияние на поведение, на основе которого интерпретируются события, действия и интересы. Социокультурные факторы влияют на принятие решений, выбор целей и средств деятельности.

По мнению многих отечественных авторов, важнейшими условиями успеха социальных преобразований в нашей стране являются опора на культурные традиции и ценности России, ее народов; глубокое понимание и уважение характера жизни народа, его норм и традиций, ценностей и морали, которыми руководствуется в своей жизни большинство; ответственность государства за судьбы Отечества; гармоничная интеграция частных и общественных интересов.

Многие особенности российского сознания и социальной культуры объективно усложняют задачи модернизации. Например, относительно слабая организованность, невысокая ценность производительного труда, малая выраженность прагматического начала и др. Надо отметить также традиционное отсутствие у российского политического класса необходимых качеств рациональности и социальной ответственности, что приводит к излишней бюрократизации и росту коррупции [2, с. 21].

На сегодняшний день Россия стоит на новой исторической развилке путей: стагнация или модернизация возникших структур и процессов. По мнению ряда исследователей, в России и большинстве ее регионов, с одной стороны, фиксируется медленный, но рост статистических индексов модернизации, с другой стороны, наблюдается низкая социокультурная эффективность процессов модернизации. Так, назрела острая необходимость перехода от «имитационных» процессов во всех сферах жизнедеятельности общества, усиливающих стагнацию, к реальной и эффективной модернизации России, которая станет способом ее саморазвития в XXI в [3].

По нашему мнению, чтобы преодолеть возникшие проблемы отечественной модернизации, необходимо решить 2 основные задачи: 1) перейти от инструментально-технократической к сбалансированно-интегрированной модернизации; 2) стратегию ее реализации строить с опорой на социокультурный потенциал, а именно на механизм со-

циокультурной интеграции, присущий культуре трансформирующегося общества [4]. Потребность сосредоточения усилий на социокультурном уровне диктуется его качественной спецификой, корреляцией с социокультурным капиталом нации, человеческим измерением модернизации, так как в рамках культуры «были выработаны принципы, которые на протяжении тысячелетий помогали выживать различным человеческим сообществам» [5, с. 168].

Инструментальная модернизация, оторванная от социокультурных оснований и подлинных интересов общества, в реальности преследующая закрепление положения правящей политической и бизнес-элиты, и создание благоприятных условий для сохранения присущей определенным властным позициям статусной ренты, способна привести страну либо через стагнацию к деградации и, далее, распаду федерального единства, либо к «украино-майданскому» сценарию, но на российский лад. Оба варианта не только нежелательны, но и неприемлемы с точки зрения перспектив сохранения российской нации как цивилизационного феномена.

Формирование и реализация потребности в социальных инновациях обусловлена не столько зрелостью самих субъектов, сколько характером и состоянием социальной среды, в которой они действуют. Пробуждение гражданской инициативы и стимулирование инновационной деятельности возможно лишь по мере усложнения проблем социокультурного производства, а также при наличии «завоеванного снизу» пространства свободного гражданского действия. Именно там запускаются механизмы конкуренции, сотрудничества, институциональной организации. Это невозможно без удовлетворения материальных и социальных потребностей, например, подъема благосостояния наиболее образованных, культурно и технологически грамотных слоев населения регионов страны. Учитывая низкий потенциал доверия и солидарности в российском обществе, для обеспечения широкой гражданской поддержки политических проектов и программ необходимо конкретизировать их цели относительно пространства действия органов местного самоуправления и приспособлять их к практикам повседневности. Поэтому так важно поддерживать в местных и региональных сообществах высокий уровень гражданского участия.

Для осуществления программы социокультурной модернизации нужно понять, какую культурную среду необходимо создать и какие ресурсы могут способствовать решению этой задачи в ближайшие десятилетия. Ответ на первый вопрос лежит в сфере общей национально-государственной идеологии, которая доминирует в стране, претендующей на модернизацию. Политическая власть и элита должны определиться: на какие ограничения исторической культурной традиции они готовы пойти ради ускорения социального и экономического развития; сколь решительно они готовы преодолевать консервативно-патерналистские ожидания, свойственные зависимым от государственного патронажа социальным аутсайдером (пока еще составляю-

щим электоральное большинство); какую степень свободы политического, социального и культурного самовыражения людей власть готова допустить и т. п. С этой позиции проблема согласования направлений социально-экономического развития и социокультурной динамики должна трактоваться, прежде всего, как проблема согласования темпоральности вектора на модернизацию и инновационное общественное развитие с российской ментальностью и ритмами культуры.

Ответ на второй вопрос лежит в сфере культурной политики. Астафьева О. Н. выделяет несколько блоков задач, направленных на: формирование ценностно-смысловой картины мира и регуляцию социокультурного поведения людей; обеспечение кумулятивных и трансляционных функций культуры с учетом ее модернизационных контекстов; производство и реализацию продуктов актуального символического творчества, обеспечивающего нормативное осуществление социокультурных порядков сознания и поведения людей в разных формах. Результатом последовательного и согласованного решения этих задач и стимулирования развития культурной деятельности в намеченных направлениях станет формирование новой культурной среды с запрограммированными ценностными доминантами и иерархиями. Поэтому первостепенной задачей стратегической разработки направленности культурной политики должно стать ясное формулирование желаемых культурно-ценностных композиций в социальных ориентировках населения [6, с. 4–7].

Следует также отметить, что «модернизационные изменения актуализируют вопросы формирования национальной идентичности, повышения конкурентоспособности нации через обращение к культурным ценностям и использовании символических ресурсов в «имидже» страны. Центральной остаются стратегии на поддержку разнообразия

и самобытности культур, включающихся в диалог, как основу коммуникативной парадигмы культурной политики разных государств» [6, с. 9–10].

Традиции российской политической культуры действительно способны генерировать негативные эффекты в политической жизни страны. Однако, при правильном использовании традиционных компонентов или их изменении это может стать фактором, способствующим модернизации страны, сохранению целостности и относительной стабильности общества. В практиках повседневности должны сформироваться опыт политического участия и традиции решения актуальных для граждан проблем. Современный россиянин сформировался, главным образом, как субъект, готовый и способный активно взаимодействовать лишь с ближайшим социальным окружением. Это также сталкивает с необходимостью перемещения центра институционального реформирования на региональный и муниципальный уровни. Именно здесь может быть эффективно реализован тот человеческий потенциал, который сформирован в контексте российской политической культуры [7].

Таким образом, для успешности модернизации в России в ближайшее десятилетие необходимо повысить скорость распространения инноваций и, что самое главное, — увеличить инвестиции в человеческий капитал. Нельзя оставлять без внимания тот многообразный социокультурный потенциал, которым обладают именно региональные сообщества. Необходимо научиться управлять интегративно-конструктивными возможностями социокультурного капитала регионов, подкреплять им инновации. В противном случае, данный потенциал без должного к нему внимания может стать конфликтогенным и даже деструктивным фактором, отторгающим инновации и поляризующим общество.

Литература:

1. Рухтин А. А. Модернизация и культура: от региональной к общероссийской стратегии // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства / России. Саранск, 2015. С. 645–650.
2. Скворцов И. П. О социокультурных аспектах модернизации современной России // Теория и практика общественного развития / 2011, № 4. С. 20–24.
3. Рухтин А. А. Стратегии региональной модернизации и политическая культура: риски, возможности, перспективы // Исторические и культурологические исследования в регионе / материалы секции VIII всероссийской школы-семинара молодых учёных, аспирантов и студентов / под ред. В. С. Гуревича. Биробиджан, 2015. С. 301–304.
4. Рухтин А. А. От стагнации к инновациям: специфика развития России и ее регионов // Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции / ГБНУ ИГИ РБ. — Уфа: Мир печати, 2015. С. 289–296.
5. Смирнов К. С. Парадокс современной культуры: права человека или «право» капитала? // Политика и право в социально-экономической системе общества: материалы XIII Международной научно-практической конференции / под ред. А. Ф. Долматова. Москва, 2014. С. 164–169.
6. Астафьева О. Н., Флиер А. Я. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды // Культурологический журнал Journal of cultural research, Web. 11 марта 2013 http://cr-journal.ru/rus/journals/182.html&j_id=13
7. Рухтин А. А. Модернизация России и ее регионов: поиск оптимальной модели развития // «Молодой ученый». № 21 (101). Казань, 2015. С. 109–112.

Жилищная обеспеченность населения как фактор социальной устойчивости территорий

Садыков Рамиль Мидхатович, кандидат социологических наук, доцент
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН

Рассматривается проблема социальной устойчивости территориальных образований. Выявлено, что жилищная обеспеченность является важным показателем уровня жизни в стране и фактором социальной устойчивости общества. Жилищные условия населения оказывают значительное влияние на уровень здоровья населения, а также на демографическую ситуацию в стране, сказываясь на уровне рождаемости и миграционной мобильности.

Ключевые слова: социальная устойчивость, социальная устойчивость территорий, жилищная обеспеченность, уровень жизни населения, бедность

Жилищная политика является важнейшим элементом обеспечения социального развития. От принятия той или иной идеологии, того или иного направления развития зависит определение целей жилищной политики, средств и методов их достижения. Плановая экономика неоднократно провозглашала целью обеспечение каждой семьи отдельным жилищем. Однако, в ее рамках имелось неустранимое противоречие: гарантированное предоставление жилья было связано с длительностью его ожидания и скромными качественными показателями. Рыночная экономика отвергает обязательства государства перед гражданами по предоставлению жилья, однако дает возможность его приобретения на рыночных условиях, причем в такие сроки и такого качества, какие себе может позволить потребитель. Противоречие этой модели жилищной политики заключается в том, что подавляющее большинство населения имеет доходы, абсолютно не позволяющие удовлетворять жилищные потребности на рыночной основе. Следует заметить, что большинство типов социальных государств проводят жилищную политику, основанную на предоставлении своим малообеспеченным гражданам дешевого муниципального жилья [4].

Жилищная обеспеченность — это один из основных показателей социальной защиты населения и устойчивости общества [3]. В жизни каждого человека наличие и качество жилья играет важнейшую роль. Очевидным является наличие влияния жилищных условий населения на ситуацию с рождаемостью в стране, а также на мобильность населения. Ни для кого не секрет, что молодые семьи являются одной из групп населения, для которых жилищный вопрос стоит наиболее остро. Высокие цены на жилье и неразвитость системы ипотечного кредитования в России являются значительным препятствием для покупки комфортного жилья такими семьями. Подавляющее большинство молодых семей России не удовлетворено своими жилищными условиями, что побуждает семьи уменьшать планируемое количество детей. При этом интересен тот факт, что воздействие фактора жилищных условий на молодые семьи, уже имеющие ребенка, намного выше, чем на бездетные семьи. Также зависимость репродуктивных намерений семей от жилищных условий растет с увеличением возраста респондентов. Данные результаты свидетельствуют о том,

что демографический кризис, имеющий место в современной России, тесно связан с вопросом обеспечения молодых семей качественным жильем, поэтому необходимо постоянно работать над решением данной проблемы, чтобы остановить тенденции естественной убыли населения страны [7].

Еще одним демографическим фактором, на который влияет качество жилищных условий населения, является миграционная мобильность населения. Несмотря на то, что недовольство жильем не является основной причиной, подталкивающей людей к миграции, данный фактор практически всегда, пусть иногда и неявно, учитывается при принятии решения о переезде, причем степень его влияния растет с каждой стадией подготовки к миграции. Основной массе переезжающих людей удается улучшить свои жилищные условия, хотя мигранты все же находятся в несколько худшем положении, чем коренное население. Также интересным является вывод о том, что на миграционную активность населения в большой степени влияет тип недвижимости, занимаемый семьей. Люди, снимающие жилье, живущие у родственников или с родителями, а также занимающие служебное жилье, отличаются гораздо большей настроенностью на переезд, чем собственники жилых помещений.

Количественная оценка жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, произведенная на основе статистических показателей, позволила выявить следующую картину. В целом по Российской Федерации общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя за 2000 по 2014 гг. постепенно увеличивалась, но незначительно. В 2000 г. по России общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, составляла 19,2 кв.м, 2005 г. — 20,8 кв.м, 2010 г. — 22,6 кв.м, 2014 г. — 23,7 кв. м. [5]. Общий размер жилых помещений на одного человека уже давно растет с примерно постоянным темпом. Но далеко идущих выводов на основании этого показателя делать не стоит. Во-первых, стоит помнить, что рост этого показателя связан во многом с демографическим кризисом в стране, который привел к ежегодной убыли населения. Во-вторых, даже максимальное значение показателя находится достаточно далеко от стандарта, определенного ООН — 30 кв.м в среднем на человека. Тем не менее, некоторый рост по-

казателя все же происходит и это положительное явление. Здесь также интересно отметить, что средний размер жилой площади на одного человека в сельской местности чуть выше, чем в городских поселениях.

За 14 лет общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя увеличилась всего на 4,5 кв.м. Это незначительное увеличение площади жилых помещений говорит о высокой цене жилья и жилых помещений в Российской Федерации и одновременно о низкой покупательской возможности населения. По сравнению с двукратным увеличением среднедушевых доходов и среднего размера пенсий населения по отношению к прожиточному минимуму, и уменьшением доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума на две трети, незначительное увеличение общей площади жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, говорит также о низком уровне прожиточного минимума в Российской Федерации [1,2].

Если же говорить о наиболее благополучных в этом отношении регионах, то необходимо отметить что наибольшим является размер жилой площади на одного жителя в Московской и Новгородской областях — 29,4 кв.м; Магаданской и Тверской областях — 29,3 кв.м; Псковской области — 28,7 кв.м; Белгородской и Курской областях — 28,3 кв.м; Вологодской и Рязанской областях — 28 кв.м. Здесь размер жилой площади в среднем на одного жителя близок к 30 кв.м. Обратная ситуация сложилась в Республике Тыва — 13,1 кв.м; Республике Ингушетии — 13,7 кв.м; Республике Дагестан — 17,7 кв.м; Чеченской Республике — 18,0 кв.м; Кабардино-Балкарской Республике — 18,8 кв.м; г. Москва — 19,2 кв.м; Республике Алтай — 19,4 кв.м. В этих регионах объем жилой площади составляет менее 20 кв.м на человека [5].

По федеральным округам ситуация выглядит следующим образом. По Центральному федеральному округу общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя за 2014 г. составляет 25,1 кв.м. Данный показатель выше общероссийских значений. Наибольшие значения по данному показателю демонстрируют: Московская область — 29,4 кв.м; Тверская область — 29,3 кв.м; Белгородская и Курская области — 28,3 кв.м. Наименьшее значение по данному показателю в г. Москве — 19,2 кв.м, Ивановской области — 25,0 кв.м.

По Северо-Западному федеральному округу общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя за 2014 г., составляет 24,4 кв.м. Данный показатель выше общероссийских значений. Наибольшее значение по данному показателю показывают: Новгородская область — 29,4 кв.м, Псковская область — 28,7 кв.м, Вологодская область — 28 кв.м. Наименьшее значение по данному показателю в г. Санкт-Петербург — 21,4 кв.м, Ленинградской области — 24,5 кв.м, Мурманской области — 24,7 кв.м.

По Южному федеральному округу общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя

за 2014 г., составляет 23,4 кв.м. Данный показатель ниже общероссийских значений. Наибольшее значение по данному показателю в Республике Адыгея — 25,6 кв.м. Наименьшее значение в Астраханской области — 22,3 кв.м, Волгоградской области — 22,8 кв.м.

По Северо-Кавказскому федеральному округу общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя за 2014 г., составляет 20,0 кв.м. Данный показатель ниже общероссийских значений. Наибольшее значение по данному показателю только в Республике Северная Осетия — Алания — 27,1 кв.м. Наименьшее значение в ряде регионов, а именно в Республике Ингушетия — 13,7 кв.м, Республике Дагестан — 17,7 кв.м, Чеченской Республике — 168,0 кв.м.

По Приволжскому федеральному округу общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя за 2014 г., составляет 24,5 кв.м. Данный показатель выше общероссийских значений. Наибольшее значение по данному показателю в Саратовской области — 27,1 кв.м; Пензенской области — 26,5 кв.м; Республике Мордовия — 26 кв.м. Наименьшее значение по данному показателю в следующих регионах: Удмуртская Республика — 21,2 кв.м, Пермский край — 22,1 кв.м, Республика Башкортостан — 23,7 кв.м.

По Уральскому федеральному округу общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя за 2014 г., составляет 23,7 кв.м. Наибольшее значение по данному показателю в Свердловской и Челябинской областях — 24,5 кв.м. Наименьшее значение по данному показателю в Ямало-Ненецком автономном округе и Ханты-Мансийском автономном округе — 20,0 кв.м.

По Сибирскому федеральному округу общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя за 2014 г., составляет 22,6 кв.м. Данный показатель ниже общероссийских значений. Наибольшее значение по данному показателю в Кемеровской области — 23,4 кв.м; Омской области и Красноярском крае — 23,3 кв.м. Наименьшее значение в следующих регионах: Республика Тыва — 13,1 кв.м; Республика Алтай — 19,4 кв.м; Забайкальский край — 20,1 кв.м.

По Дальневосточному федеральному округу общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя за 2014 г., составляет 22,9 кв.м. Данный показатель ниже общероссийских значений. Наибольшее значение по данному показателю в Магаданской области — 29,3 кв.м; Чукотском автономном округе — 25,4 кв.м; Сахалинской области — 25,3 кв.м; Камчатском крае — 25 кв.м. Наименьшее значение в следующих регионах: Республика Саха — 21,1 кв.м; Еврейская автономная область — 21,6 кв.м.

В Республике Башкортостан наблюдается общероссийская тенденция повышения общей площади жилых помещений на одного жителя. За период 2000–2014 гг. общая площадь увеличилась с 17,5 до 23,7 кв.м на одного человека, что соответствует общероссийским значениям (рис. 1).

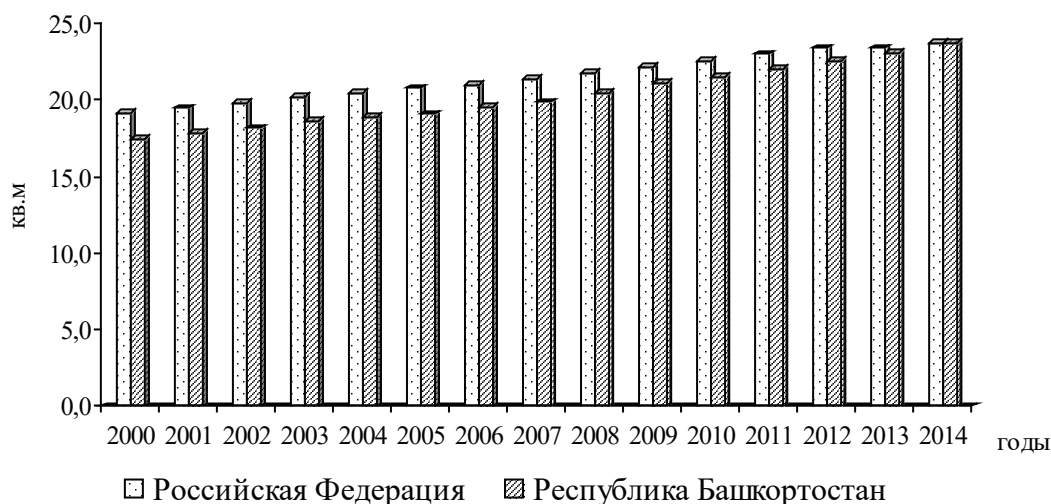

Рис. 1. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (кв.м)

Итак, жилищные условия населения оказывают значительное влияние на уровень здоровья населения, а также на демографическую ситуацию в стране, сказываясь на уровне рождаемости и миграционной мобильности. Из этого следует, что качество жилищных условий населения является важным показателем уровня жизни в стране и фактором социальной устойчивости [6,8].

Данное исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме № 0253–2014–0001 «Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноразмерных социально-экономических систем с позиций обеспечения национальной безопасности» (№ гос. регистрации 01201456661).

Литература:

1. Игнатенко Ю. В., Каримов А. Г. Бедность российского населения как причина, детерминирующая детскую безнадзорность // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2008. — № 1 (80). — С. 28–33.
2. Каримов А. Г. Анализ экономической бедности в Республике Башкортостан: факторы, методы оценки, пути сокращения // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 2. — С. 44–50.
3. Мигунова Ю. В., Садыков Р. М. Материальная и жилищная обеспеченность населения как фактор социальной устойчивости территорий / Жизненный потенциал региона: демографические проблемы современного общества (Аитовские чтения): сборник материалов международной научно-практической конференции. — Уфа: АЭТЕРНА, 2015. — С. 307–310.
4. Прохожев А. А. Общая теория национальной безопасности. — М.: РАГС, 2005. 344 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели 2015. Статистический сборник. Росстат. — М., 2015.
6. Садыков Р. М. Благополучие населения как фактор социальной устойчивости территорий // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2. URL: <http://www.science-education.ru/122-20535> (дата обращения: 07.06.2016).
7. Садыков Р. М. Демографический кризис как угроза социальной безопасности территориальных образований // Социосфера. — 2014. — № 4. — С. 140–144.
8. Садыков Р. М. Уровень и качество жизни населения как фактор обеспечения социальной безопасности территориальных образований // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 11. — С. 201–205.

Анализ эффективности реализации программы материнского капитала

Типикина Анастасия Евгеньевна, студент
Болтёнок Ольга Михайловна, студент
Курский государственный медицинский университет

В статье проведена оценка эффективности реализации программы материнского капитала как средства решения демографической проблемы Российской Федерации на основе корреляционно-регрессионного метода. Выявлены основные демографические проблемы в стране, а также изучены их причины. Проанализирована программа материнского капитала, проблемы его получения, а также случаи мошенничества.

Ключевые слова: демография, естественный прирост, рождаемость, смертность, демографический кризис, корреляционно-регрессионный метод, материнский капитал

Российская Федерация занимает первое место среди стран с наибольшей площадью. Однако, по населению на 2016 год Россия занимает 9 место, уступив даже Индонезии, площадь которой меньше площади РФ почти в 9 раз. Мальчиков рождается больше, чем девочек, но мужчины умирают в более раннем возрасте по сравнению с женщинами. Малая численность подростков приводит к нехватке рабочей силы. Городские жители имеют меньше детей, чем сельские, так как для сельских жителей много детей означает много рабочих рук в подсобном хозяйстве. Высокообразованные женщины имеют мало детей, так как они в детородный период своей жизни вынуждены тратить время в первую очередь на образование и карьеру. Прежде чем принять решение завести ребёнка, родители делают подсчёт возможных затрат и своих доходов. В большой семье родители выступают против получения детьми высокого уровня образования. А также, неравномерность распределения населения по территории страны, отрицательный естественный прирост говорят о серьёзных демографических проблемах.

С 1990-х годов в Российской Федерации начался демографический кризис. С 2000-х годов численность населения начала заметно сокращаться, в среднем естественный прирост на 1000 населения с 2000—2006 годы составил (-6,0). По данным ВЦИОМ 2008 года основными проблемами материнства и детства в России опрошенные считали низкий уровень жизни, высокие цены (20%) и маленькие детские пособия (19%). 17% жалуются на недостаточное число детских воспитательных учреждений, 13% — на плохое медицинское обслуживание. 8% считают значительной проблемой жильё, по 7% — платную медицину, образование, дорогие детские сады, лечение, детское питание. В 2009 году в России распределение женщин по числу рождённых детей к возрасту 50 лет было следующим: доля бездетных женщин составила около 16%, доля женщин, родивших 1 ребёнка в течение жизни, среди всех женщин (рожавших и не рожавших) — 35%, родивших двух детей — 34%, 3 и более — 15%.

В Российской Федерации законодательно закреплён принцип государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. В силу ст. 38 Конституции РФ «материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание — равное право

и обязанность родителей». Таким образом, конституционно-правовыми нормами обязанность по обеспечению прав детей возложена как на родителей ребенка, так и на государство [7, с. 336].

Для того, чтобы поднять уровень рождаемости в 2007 году ввели программу материнского капитала. Материнский (семейный) капитал — это мера государственной поддержки российских семей, в которых с 2007 по 2018 год включительно родился (был усыновлен) второй ребенок (либо третий ребенок или последующие дети, если при рождении (усыновлении) второго ребенка право на получение этих средств не оформлялось).

Основным органом, регламентирующим получение материнского капитала, является ПФР (Пенсионный фонд Российской Федерации) и его территориальные органы. Для получения государственного сертификата на материнский (семейный) капитал (далее — сертификат) необходимо обратиться в территориальный орган Пенсионного фонда РФ (ПФР) путем подачи соответствующего заявления со всеми необходимыми документами (их копиями, верность которых засвидетельствована в установленном законом порядке) [4].

Внедрение данной программы оказало положительное влияние на рождаемость. Так, с 2007 года уровень естественного прироста непрерывно возрастал, в период 2006—2015 данный показатель вырос на 5,1. Также, необходимо учитывать, что материнский (семейный) капитал ежегодно индексируется государством и освобождается от налога на доходы физических лиц. Ежегодно размер материнского капитала, в среднем увеличивался на 25378 рублей.

Помимо этого, программа привлекла к себе внимание мошенников, которые незаконно обналичивали материнский капитал. Например, можно оформить фиктивную ипотеку, в таком случае сертификат выдается на улучшение жилищных условий, однако, если обман раскроется, то родители ребёнка не только остаются без материнского капитала, но и выплачивают процент по полученному кредиту.

Все приведённые выше примеры не имеют под собой оснований, так как любой человек может догадаться о сложности реализации таких схем: во-первых, ПФР не работает с доверенностями, а во-вторых, ПФР принимает полный пакет документов с уже полученными сви-

детельствами о праве собственности на всех членов семьи только от матери ребёнка лично [5, с. 17, 18]. Именно поэтому подобные преступления чаще совершаются в больших городах.

Сложившаяся демографическая ситуация в Курской области, как и в Российской Федерации, в значительной степени обусловлена социально-экономическими процессами, происходившими в XX веке. Во второй половине прошлого века ежегодно число родившихся превышало число умерших, что обеспечивало естественный прирост населения [1].

Для того, чтобы оценить эффективность реализации данной программы необходимо провести корреляционный анализ показателей рождаемости и размеров материнского капитала с 2007–2015 г. Связь факторов оценивается при помощи коэффициента корреляции [8, с. 80]. В результате произведенных расчетов, коэффициент корреляции между размером материнского капитала и рождаемости по Курской области равен 0,868, что свидетельствует о прямой и очень тесной связи.

Иначе говоря, чем больше размер материнского капитала, тем больше рождаемость по Курской области. Данный результат указывает на эффективность реализации программы финансовой поддержки семей. По Курской области рождаемость в период действия программы возросла на 1310 человек, в среднем каждый год увеличивалось на 164 новорожденных.

Если говорить в целом о демографической ситуации в РФ в период реализации программы, то можно заметить положительную динамику среди показателей рождаемости. Так, коэффициент корреляции между размером материнского капитала и рождаемости по России равен 0,972. Это говорит нам об очень тесной и прямой связи между показателями, что указывает на эффективность реализации программы. В среднем ежегодно рождаемость увеличивалась на 41307 человек, а за весь период реализации программы — на 330457. Суммарный коэффициент рождаемости (число детей в расчете на 1 женщину) с 2007–2015 год увеличился на 0,361 — с 1,416 до 1,777.

Однако необходимо заметить, что в 2015 году произошло резкое уменьшение показателей рождаемости. Это связано с другим фактором — зарегистрированные браки, число которых с 2011 года начало снижаться.

По прогнозам Федеральной службы государственной статистики, 2015 год — это начало для падения уровня естественного прироста населения. Помимо прочего, это связано с низкой рождаемостью в 1990-х годах, ведь по данным на 2015 год почти 70% новорожденных приходится на женщин 23–33 лет.

Также, необходимо отметить, что наиболее характерная черта реализации программы МСК в настоящее время снижающая ее эффективность как меры социально-экономической поддержки семей с детьми — отложенное распоряжение средствами. За 2009–2013 гг. полностью использовали средства материнского капитала около 43%

владельцев сертификата (годом ранее — 35%), еще около 3% его владельцы потратили только их часть. В целом по стране интенсивнее всего сертификаты «погашали» в 2011 и 2012 гг [2, с. 125].

Типовые направления использования материнского капитала в регионах — приобретение жилья и улучшение жилищных условий, образование и лечение детей. Около 20% регионов предлагают нетиповые направления использования семейного капитала: покупка автотранспорта (Самарская, Новосибирская области, Республика Саха), приобретение товаров длительного пользования (Мурманская область), газификация, образование и лечение матери/родителей, покупка товаров для детей (Самарская область). Только 10% регионов разрешают расходовать МСК по усмотрению получателя (Тюменская область) либо на нужды семьи (Саратовская, Архангельская, Ивановская, Калужская, Вологодская области) [3, с. 63].

Эффективность программы материнского капитала можно рассматривать с разных сторон. Данная программа оказала влияние на здоровье матери и ребенка, на жилищные условия семей с детьми и т. д.

Однако, материальный стимул явно недостаточен, а выделяемые деньги не увеличивают ценность самого ребенка. Тем не менее, если опираться на высказывания британского демографа М. Саттеруэйта, то в программе все же есть плюсы, а финансово-экономические меры ни в коем случае не являются вредными или бесполезными. Просто они достигнут своей цели лишь в отношении очень узкой категории общества, вряд ли существенно изменив общую тенденцию, так как в основе последней лежат несколько другие причины и закономерности, которые сегодня все так же остаются практически без внимания [7, с. 30, 31].

Демографическая проблема является одной из важнейших проблем в РФ на сегодняшнее время. Демографический кризис — проблема не только России, но и всего мирового сообщества. Глубинной причиной кризиса является переход от патриархального общества, где заинтересованность в детях подпитывалась потребностью в новых работниках, к капитализму, где дети расцениваются как иждивенцы, а потребность в рабочей силе покрывается чужими людьми. Причина снижения рождаемости в индустриальном обществе заключается в патриархальной точке зрения на рождение детей при существовании рыночной экономики.

В конце XX века в России наблюдалось такое явление как «Русский крест». Оно заключалось в падении рождаемости и ростом смертности одновременно. В настоящее время рождаемость медленно растет, а смертность снижается. Программа материнского капитала, как метод решения проблемы, показала свою эффективность, как на региональном уровне, так и на уровне всей страны. Об этом свидетельствуют возросший естественный прирост населения, а также возросшая доля детей на 1 женщину.

Литература:

1. Об утверждении концепции областной целевой программы «улучшение демографической ситуации в Курской области» на 2011–2013 годы: Постановление Правительства Курской области от 14 октября 2010 № 499-рп.
2. Горина Е. А. Распоряжение средствами материнского капитала: общие проблемы и региональные различия // В кн.: XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. С. 123–132.
3. Калабихина И. Е. О региональном материнском (семейном) капитале // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2013. № 2. С. 62–70.
4. Коробкова Н. А., Алимова Д. А. Материнский капитал как институт: проблемы формирования и перспективы его использования // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/50685> (дата обращения: 06.06.2016).
5. Леонова Л. Г., Дробышева О. В. Мошенничество в материнском капитале // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2013. № 6. С. 17–19.
6. Ломакина М. В. Изменение репродуктивных установок женщин в контексте реализации общенациональной демографической программы (материнский капитал) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2011. № 3. С. 28–33.
7. Меркулова А. В. Материнский капитал: вопросы теории и практики // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 336–339.
8. Теория и практика применения корреляционно-регрессионного анализа в исследованиях: монография / Под общей редакцией В. В. Жилина. — Курск: «Деловая полиграфия», 2016. — 80 с.

Особенности цензуры в интернет-СМИ

Яковлева Эльвира Владимировна, аспирант
Московский педагогический государственный университет

*Ни одно правительство не может существовать без цензуры:
там, где печать свободна, никто не свободен.*
Томас Джефферсон

В современном информационном обществе важную роль играет вопрос — как воплощаются в действительность понятия «свобода слова, свобода информации, свобода печати и других средств массовой информации (СМИ)» [17]. Ведь свобода и цензура, взаимно исключающие понятия. В то время, как цензура — неотъемлемая часть любого государства, первостепенная функция, транслирующая систему ограничений и норм.

При искусственно созданных условиях, общественное мнение может стать одним из механизмов цензурного контроля. Реформирование общества смогло изменить устои цензуры, сформировать современные цензурные инструменты. Все потоки информации регулируются цензурой. «Цензура есть форма ограничения властью свободы слова, свободы печати, телевидения и других средств массовой информации» [4]. «По характеру фильтруемой информации выделяют следующие виды цензуры: военная, государственная, экономическая, коммерческая, политическая, идеологическая, нравственная, духовная» [13]. Цензура подразделяется на религиозную и светскую, также различается по информационному источнику (цензура кино, театров, радио, печати и телевидения).

Исторически механизмы цензуры совершенствовались. Изначально цензура касалась только печатных изданий и публичных выступлений. С развитием СМИ и появлением новых средств передачи информации, возникли и новые формы цензуры.

Интернет стремительно развивается. И здесь тоже работают механизмы цензуры. Цензура печати и интернет-цензура имеют одну юридическую базу. Единственное отличие — это размытость границ Сети, в случае необходимости и закрытости информации на одном ресурсе (у одного государства), можно найти интересующую информацию на серверах других стран. Тотальный контроль просто невозможен.

«Термин «бухта данных» происходит от слова «бухта» — небольшой глубокий залив, защищенный от ветра. Применительно к данным сети этот термин означает хранилище (компьютер или сеть), в котором содержатся сведения, доступ к которым ограничен как технически (шифрованием), так и юридически (то есть данные физически располагаются на сервере в стране, где законодательно не запрещено их хранение)» [7].

Первоначально бухты создавались для размещения запрещенных материалов.

«Примером децентрализованного, распределенного хранения данных без возможности их цензуры является одноранговая сеть Freenet, специально созданная для предоставления пользователям электронной свободы слова путем обеспечения их строгой анонимности. Freenet работает на основе объединения в общий фонд предоставляемых пользователями — членами сети полосы пропускания и дискового пространства их компьютеров для публикации или получения из Freenet разного рода информации (пулинга). Freenet можно рассматривать, как огромное устройство для хранения информации. Когда пользователь сохраняет в нем файл, ему выдается ключ, с помощью которого он может получить информацию обратно или передать третьему лицу» [7].

Во многих странах существует интернет-цензура. Есть компании, призванные стоять на страже информации, и их продукты избирательно блокируют web-сайты. Разработчики называют их интернет-фильтрами, но по сути это воронки цензуры. Отдельно можно сказать о «родительском контроле», это своеобразный фильтр для безопасного поисковика. В качестве яркого примера интернет-цензуры остановимся чуть подробнее на проекте «Великий китайский файрвол».

Внедренная в Китае система фильтрации контента по-своему уникальна, но серьезно тормозит развитие данной отрасли. Комиссия по управлению киберпространством КНР осуществляет ежедневную проверку сети, блокируя всевозможные вредоносные, по их мнению, сайты. «Проект «Золотой щит» — система интернет-фильтрации, которая блокирует доступ к запрещенным коммунистической партией ресурсам из внешнего интернета. При этом не возбраняется конструктивная критика на сайтах отдельных чиновников. На данный момент «Золотой щит» использует следующие методы фильтрации:

- Блокировка IP-адресов
- Фильтрация DNS-запросов и их переадресация
- Блокировка интернет-адресов (URL)
- Фильтрация на этапе пересылки пакетов
- Блокировка соединений, осуществляемых через VPN» [16].

Это симбиоз всех актуальных на сегодня технических методов фильтрации. Но применяются они точечно по отношению к тем или иным ресурсам. Это отличный пример гибкой цензуры.

Современная же Россия, по словам премьера, выступает за создание международной организации по регулированию интернета. Об этом сообщил премьер-министр РФ Дмитрий Медведев на церемонии открытия Второй Всемирной конференции по управлению интернетом осенью 2015 г. Премьер подчеркнул важность создания института связи способного выработать международные правовые нормы и стандарты в области управления интернетом. Возможно, это будет Международный союз электросвязи. Проблема контроля особенно актуальна в свете террористической активности через сеть.

Интернету в России уже 20 лет, его аудитория за последний год увеличилась почти до 80 млн человек, реально «больше половины населения нашей страны использует интернет и общий объем интернет-экономики нашей страны оценивается примерно в 2,2% валового внутреннего продукта страны» [15], — сказал Медведев. Он добавил, что многие российские IT-компании совершили рывок на международных рынках, стали известными на информационном рынке, и это еще только начало.

Согласно оценкам международной правозащитной организации Freedom House, Россия за последние четыре года показала явный тренд по усилению контроля за интернет-пространством, находясь все это время в категории «стран с частично свободным интернетом» [15]. Оценивая степень свободы по 100-балльной шкале (где 0 баллов означает интернет без ограничений), «эксперты организации в 2011 г. присвоили России 52 балла, а в 2014 — 60 баллов.

К концу 2014 года Роскомнадзор внес в единый реестр запрещенных интернет-ресурсов более 45700 онлайн-ссылок (URL). 64% ресурсов уличены в пропаганде и распространении наркотических средств, 15% — детской порнографии, 12% — суицида. В реестр блогеров было внесено 317 человек, ожидали внесения 187» [15]. Забили тревогу и педагоги, обеспокоенные морально-этической стороной информации, которую черпают дети из сети.

Основным методом фильтрации информации в СМИ является фрагментация, точнее дифференциация социальных групп по стилю жизни. Наиболее интересна для медиа среды группа молодые люди от 15 до 20 лет. «Они — представители нового поколения, выросшего в условиях информационно-коммуникационного взрыва, цифровой революции в СМИ, которые обладают новым типом визуально-экранной грамотности и новыми способами потребления информации. У них формируются другие формы потребления информации, способы ее хранения и обработки» [3].

Любое дело должно приносить прибыль, — и СМИ не исключение, ни для кого не секрет, что основным источником дохода для прессы и телевидения является реклама и «заказные» передачи и статьи. В интернет сети тоже есть реклама, и есть «заказные» репортажи, но больше возможностей ставить свои «фильтры» и отбирать информацию по своему усмотрению. Здесь государство может только ограничить пользователя в посещении того или иного ресурса.

«Цензура, непосредственно осуществляющая регулирование информационных потоков, служит одним из важнейших механизмов предохранения общества от энтропии, защиты его политических и моральных устоев. Она способна воспрепятствовать распространению в обществе аномии, не допустить эксцессов экстремизма, шовинизма, расизма, национализма, антисемитизма и иных негативных явлений» [12].

Пока у государства есть инстинкт самосохранения будет жить цензура, это как механизм сдерживающий разруше-

ние структуры и менталитета. Контролируя потоки информации, и отсеивая по принципам общепринятых в обществе стандартов и правил, цензура регулирует и направляет восприятие действительности в нужном направлении.

Технологический прогресс усложнил работу цензуры. Информационные гаджеты, многофункциональные устройства способствуют концентрации информации и её мас-

штабному распространению. Как отмечал Маклуэн, каждый человек при желании теперь может превратиться из издателя в потребителя и наоборот [10]. Таким образом, цензура имеет реальные перспективы, при возможности изменяться под веяния времени. «Будущее — за гибкой цензурой, действующей в рамках правового государства» [11], реализующей «свободу слова» для электората.

Литература:

1. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991.2 М.: РОССПЭН, 2009.
2. Балд М., Евстратов А., Дж. Каролидес Н., Б. Соува 100 запрещённых книг. Цензурная история мировой литературы // Ультра. Культура.
3. Соц. опрос городского населения России старше 15 лет. Телевидение глазами телезрителей. Исследование АЦВИ/ М., 2010.
4. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX века // Аспект-Пресс, 2001.
5. Каратыгин П. П. Цензура времен императора Павла I, 1796–1801 // Ист. вестник, 1985. № 10.
6. Лебедев А. П. История запрещённых книг на Западе до начала XVII в. // Изд-во Абышко, 2005.
7. Иванов В. Д. Формирование военной цензуры России 1810–1905 г.: автореф. к дис. М.
8. Рыжов А. И. «Красовский А. И». 1776–1857 // Русская старина, 1874. № 1.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Цензура. в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.
10. Хоконов А. Развитие гражданского общества в России // Власть. 2009. № 10.
11. Права человека: учебник для вузов / под ред. Е. А. Лукашева. Изд. Норма, 2003.
12. Шевченко И. Е. Цензура как социокультурный феномен. Соц. исследования. 1996. № 8. С. 87–90, с. 87.
13. Хайек Ф. А. фон, Дорога к рабству.
14. Федотов М. А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // журнал Наука, 1989.
15. Подробнее на ТАСС: Медведев: РФ поддерживает создание международной организации по регулированию интернета, Экономика и бизнес, 16 декабря 2015, <http://tass.ru/ekonomika/2531411>.
16. Осипов Н. Цензура в Китае: Золотой щит, или «Великий китайский файрвол» Опубликовано 10.07.2015 <http://enterchina.ru/2015/07/10/cenzura-v-kitae-zolotoy-schit-ili-velikiy-kitayskiy-fayrvol/>
17. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001. С. 448.
18. Методичка по русскому языку. <http://shkafus.ru/dlya-shkolnika/metodichka-po-russkomu-iazyku/2/>

Особенности формирования повестки дня СМК: экономическая цензура

Яковлева Эльвира Владимировна, аспирант
Московский педагогический государственный университет

Общеизвестно, что человек социален, и не может существовать все общества и коммуникаций. В современном мире социализация личности происходит под влиянием двух факторов: первый — реальных социальных коммуникаций и взаимодействия, второй — способность аккумулировать информацию. Так называемая «структурная информация» осваивается человеком самостоятельно за счет традиционных видов общения (семейное общение, возрастные коммуникации в группах, школе) и формирует основу личности: убеждения, установки, ценностные ориентации. Информация приобщает личность к профессии, науке, искусству, формирует сферу интересов. Чаще всего информация стекается к человеку по разнообразным информационным каналам: интернет, телевидение, межличностное общение и т. д. Всё

это происходит в определённой жизненной среде руко-творной, природной, или информационной. Информационная среда обеспечивает коммуникации и социализацию личности. При этом любая информация проходит переработку, актуализируется в соответствии с общепринятыми нормами современного общества. Основной канал распространения такой информации — массовые коммуникации (СМК).

В своих «Беседах о Массмедиа» Дениз Э. и Мэррил Д. резюмируют: «Умные чиновники не могут манипулировать журналистами, а умные журналисты не могут подставлять правительство. Обе стороны выиграют больше, если станут сотрудничать друг с другом и растущим меньшинством умных людей, а не противодействовать» [3]. Но не всегда это на практике работает.

Современное телевидение конкурирует с глобальной сетью интернет, что позволяет каждому выбирать наиболее приемлемый для него источник информации, и даже самому становиться таким же источником. Интернет трансформирует облик СМК, позволяя индивидуально решать проблему власти и политического давления, давая возможность человеку «иметь и высказывать Свое мнение», а не быть просто потребителем информации.

СМК выполняют традиционно информационную функцию, но с помощью «технологии медиа-фрейма» концентрируют внимание и создают интерес к заданным темам. «Механизм фрейминга следующий — определяется суть проблемы, причины ее появления, даётся моральная оценка, и предлагаются рекомендации по ее решению. Внимание может привлекаться на уровне выделения отдельных свойств или целого комплекса, формирующего образ объекта или вопроса» [4].

Фрейминг — не только привлекает внимание, но и способствует решению этой проблемы, за счет формирования мнения окружающих. Для этого есть специально обученные люди.

Формирование «повестки дня» происходит с помощью простых приемов:

- акцентирование внимания посредством донесения информации о событии или проблеме;
- важно-второстепенно, расстановка приоритетов.
- периодичность и повторяемость сообщений, привлекает больше внимания к событиям и новостям.

Возвращаясь к первоисточкам, к книге У. Липпманна «Общественное мнение», опубликованной в 1922 году, можно найти предпосылки новой теории. В первой главе показано, «что СМК создают образ. Он часто является искаженным, но значение СМК состоит в том, что образ становится реальностью для людей. СМК формируют представления о мире в их головах. Реальная среда и представления о ней — это два различных мира» [11].

Уолтер Липпманн обозначил проблему, но не дал ей названия, его исследования продолжили. Б. Коген, М. МакКомб и Д. Шоу, и назвали теорию — «теория повестки дня».

Современная теория «повестки дня» имеет два подхода:

1. Структура новостей и коммуникаций прямо влияет на качество восприятия информации.

2. Личные оценки и мнение журналистов освещаемым событиям СМК, влияют на общественное мнение и оценку данных событий.

Резюмируя: под «повесткой дня» можно понимать набор заданных тем и сюжетов, которые актуализированы журналистами как приоритетные.

Можно выделить несколько уровней и видов:

- Личная «повестка дня» — это наиболее личные, приоритетные проблемы социального и политического характера для самого человека.
- Межличностная — коллективная проблема, которая активно муссируется и касается не одного человека.

— Публичные повестки дня — это набор ключевых тем, актуальных в данный момент времени для определенного сообщества или категории населения.

Далее каждую можно разделить на «человеческую», темы которые обсуждаются на межличностном уровне вне зависимости от освещенности в СМК. И, так называемую, «медиа-повестку».

В «медиа-повестку» могут быть сконцентрированы не только публичные, но и личностные проблемы, переросшие затем в публично обсуждаемые. На степень совпадения влияют множество факторов, интересы власти, сезонность, острота темы интерес СМК и элиты.

Так, политическая элита диктует медиа-повестку. Чем влиятельнее политическая фигура, тем проще ему транслировать свои политические приоритеты в систему приоритетов СМК, а значит, скорректировать общественное мнение.

Как это работает в реальности можно проследить на примере выборов президента РФ. В предвыборной игре каждого политика четко разыграны карты, какие темы должны быть вынесены на первый план, какие вопросы «прикрыты» и утаены. К первостепенным относят обычно темы злободневные, острые вопросы для среднестатистического жителя страны. Активно идет массовая проработка тем через СМИ, постоянно поднимаются и обсуждаются «приоритетные» темы, расставляются акценты и в итоге мы видим очередной предвыборный лозунг с транслирующим решение нашумевшей проблемы и дело «в шляпе».

Еще в 70–80-годы проводились масштабные исследования, по результатам которых определены «тенденции, развивающие и конкретизирующие теорию:

- выявлено влияние «повестки дня» в разных видах СМК на группы избирателей с различными потребностями в ориентации, политическими интересами;
- «повестка дня» сильнее действует на национальном уровне и слабее в региональном масштабе;
- наиболее сильное воздействие оказывает обсуждение проблем в СМК, если оно продолжается в течение 8–10 недель, а первые эффекты появляются после 5–7 недель с начала обсуждения;
- обсуждение проблемы в течение месяца может поднять интерес к ней с нулевого уровня значимости до высокого, а прекращение соответственно ослабить;
- последние по времени сообщения играют более важную роль;
- корреляция связана со значимостью проблемы: она тем больше обсуждается в СМК, чем значимее для аудитории» [12].

Подытожим: Информационная повестка дня — это картина мира, отфильтрованная через СМИ, то есть составная часть медиа-реальности.

На формирование «повестки дня» активно влияют следующие факторы:

- 1) конкуренция каналов. Нужно удерживать лидирующие позиции и вовремя подпитывать внимание аудитории. В результате мы получаем дубляж и получаем однообразие информации по всем каналам.
- 2) политический (или экономический) заказ. В результате такого заказа экран попадают несущественные с общечеловеческой точки зрения события. Особо жаркая пора в предвыборные времена. Тогда «заказные» статьи преподносятся в огромном количестве, но обыгрываются в различных направлениях, например как новости.
- 3) на повестку дня влияют и личные пристрастия телевизионного руководства. Они, диктуют редакционную политику канала, основным компонентом которой и является формирование «повестки дня». Выделяя наиболее приоритетные новости, СМИ зачастую не просто доносят информацию, но и определяют её важность для зрителей. Принимая решение о новостях, освещаемых в программе журналисты «устанавливают приоритетность новостей для медиапотребителей» [14], а значит, ранжируют новости по значимости, руководствуясь своим восприятием.

Информационная повестка дня активно воздействует на формирование личных повесток. Закладывается она с помощью СМК под жесткой цензурой (политической и экономической). Стоит отметить и заметную смену ритма

всего телевизионного поля, зрелищность и динамичность телевидения последних лет.

В характере программной политики российских телеканалов выявились определенные тенденции: «Снижение «негатива», уменьшение политической публицистики и острых дискуссий — с одной стороны, с другой — увеличение количества не политических ток-шоу, развлекательных программ и сериалов. Телевидение становилось все более аполитичным и зависимым от рейтинга. При этом господство государства в телевизионном поле, вопреки надеждам, не привело к увеличению числа культурных или образовательных программ» [4].

Яркой чертой сетки вещания телевидения стало четкое закрепление телевизионных жанров по дням времени вещания и дню недели. В выходные и праздничные дни в приоритете развлекательные форматы передач, в будни же главенствуют ток-шоу и сериалы.

Мотивы руководства телекомпаний понятны. С одной стороны это коммерческие проекты, каналы транслируют то, что приносит доход от рекламы и высокий рейтинг. С другой, они жестко ограничены «жизнеутверждающей» идеологией государства, не терпящей сомнения и споры о действиях властей.

СМК один из мощнейших инструментов влияния на сознание человека, там есть и всегда будет контроль посредством цензуры, экономического и политического давления.

Литература:

1. Борецкий Р.А. «В бермудском треугольнике ТВ» М., 1999 г. и Борецкий Р.А. «Осторожно, телевидение!» М., 2002.
2. Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990—2004 гг. М., 2004.
3. Дэннис, Э.; Мэррилл, Дж. Беседы о масс-медиа. М.: Издательство Вагриус, 1997.
4. Лекции по социологии массовой коммуникации // Томский Политехнический Университет.
5. Засурский Я. Н. Средства массовой информации постсоветской России. М.: Аспект-пресс, 2002.
6. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002.
7. Засурский И. И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. М., 2001.
8. Качкаева А. «Новейшая история российского телевидения (1985—2004)» // Телерадиоэфир: История и современность. М.: Аспект Пресс, 2005.
9. Долгова Ю. И. Политическая пропаганда на телевидении: особенности моделей и технологий (по материалам избирательных кампаний 1999—2000 гг.). М., 2002.
10. Сиберт Ф., Шрам У., Питерсон Т. «Четыре теории прессы». М.: Национальный институт прессы, 1998.
11. Горохов В. М. «Основы журналистского мастерства». М.: Высшая школа, 1989.
12. под ред. Засурского Я. Н. Система средств массовой информации в России: учеб. пособие для вузов по специальности «Журналистика» М.: Аспект Пресс, 2003.
13. Мамардашвили М. Введение в философию // Мой опыт нетипичен. СПб., 2000.
14. Брайант Д., Томпсон С. «Основы воздействия СМИ». М.: «Вильямс», 2004.

Теория Уолтера Липпмана и ее отражение в современной медиареальности

Яковлева Эльвира Владимировна, аспирант
Московский педагогический государственный университет

Вместе с развитием информационного общества, активно развиваются и формы средств массовой информации (СМИ). Однако наиболее обширная аудитория, по-прежнему, именно у телевидения, это обусловлено рядом его свойств, таких как общедоступность и минимальная плата. При этом распространённость телевидения гораздо выше, чем других источников информации.

У телевидения есть превосходные возможности, для манипулирования сознанием зрителей, за счет построения сюжетов, репортажей и передач, оно способно создать особую медиареальность. Так называемую, псевдореальность, которая способна конструировать параллельное мировосприятие, «ложную окружающую среду» — термин Уолтера Липпмана [18]. При этом, телезрители не могут проверить достоверность информации, преподносимой СМИ, вынуждены ей доверять, воспринимая навязанную реальность как подлинную, а события, транслируемые с телеэкрана как самые важные.

Одно из основных понятий исследования — «медиареальность», в ходе работы мы обращались к трудам Н. Лумана, М. Маклюэна, Г. Шиллера. Касаемо вопросов телевизионной мифологии, мы изучили труды таких ученых, как Э. Кассирер, А. Ф. Лосев, М. Мамардашвили, В. Полосин.

Еще в 1922 году первым исследователем «медиа-реальности» Липпманом было доказано, что созданная СМИ «псевдо-окружающая среда», не имеет ничего общего с реальностью. В дальнейшем его исследования развили современные ученые в «теорию У. Липпмана», сохранив базовое понимание медиа-реальности. «Реальность, создаваемая средствами массовой информации, уже в силу объективных причин не может полностью совпадать с истинной действительностью. Но, подаваемая как подлинная, в человеческом сознании она с легкостью подменяет реальные события» [16].

Влияние медиа-реальности, в частности телевидения, усиливается техническими особенностями, спецификой человеческого восприятия телевизионного содержания, а также особенностями журналистской профессии, ориентированной, в первую очередь, на привлечение как можно большей аудитории «на всеобщее понимание, на активный контакт со всеми людьми» [16].

Области телевидения и политической сферы тесно переплетаются и немыслимы друг без друга, взаимно оказывают влияние. Желание власти и государства использовать СМИ — закономерный процесс. Однако такое стремление может создать серьезные проблемы для демократических норм. Самым распространенным телевизионным жанром является информационный сюжет. Социальная значимость новостей для современного человека очевидна

и не нуждается в доказательствах. «Но, чтобы быть донесенным до зрителя, событие должно быть, улучшено в соответствии с мифологической матрицей: чтобы серия событий стала новостью, они должны стать заметными через тот или иной внешний акт» [18]. В итоге, реальные события могут быть перемешаны между собой или сфабрикованы.

Конечно, в традиционном обществе, насыщенном разнообразными средствами коммуникаций, не исключены и древние способы передачи информации, которые ярко характеризуют способность исказить информацию при передаче — это слухи и сплетни. Все виды информации и знания о происходящих событиях распространяются в процессе межличностного общения и внутрикорпоративной коммуникации. Тот, кто делится слухом, становится всего лишь его передатчиком, а не автором, а тот, кто пишет докладную записку, всего лишь излагает факты. Слухи мало достоверны и это общеизвестно, а информация, доносимая с помощью СМИ, имеет по определению, статус важности и доверия.

В период после Первой мировой войны в Европе и Америке на пике популярности теория, суть которой сводится к тому, что коммуникации выполняют роль замещения социально значимых и разрушенных связей. Именно тогда работа У. Липпмана «Общественное мнение» (1922) стала базовой для формирования американских традиций [18]. Напомним, что тогда, в мире Липпмана доминировала пресса, а все остальные инструменты лишь были помощниками в этом. Именно Липпман задумался над ролью новости в формировании «псевдо-окружающей среды» современного человека. В своей «книге он говорит об образе «мнимых друзей — реальных врагов» и о радикальном расхождении между образом внешнего мира, существовавшим в головах людей, и им самим, каков он «на самом деле» [18].

Образ «мнимых друзей — реальных врагов» нужен был Липпману, чтобы подчеркнуть, что «реальное поведение человека определяется реакцией не на стимулы внешнего мира, а на картину этого мира, имеющуюся у него в голове: человек приспосабливается не к окружению, а к псевдо-окружению, и акт приспособления всегда опосредован» [18].

Он впервые сформулировал мысль о том, что большая часть мира находится за пределами понимания человека, поэтому он физически и морально не может переработать сам весь поток входящей информации, в том числе и через СМК. Человек вынужден доверять информации транслируемой СМК. Это дает СМИ почти бесконтрольные возможности по формированию в сознании людей «псевдо-картины» мира.

Липпман постарался пояснить теорию на позитиве, объясняя существование псевдо-окружения тем, что реальный мир огромен, сложен и изменчив, его невозможно охватить

в целом. Для упрощения восприятия мира человек вынужден создавать упрощенную модель и по ней ориентироваться в пространстве. Липпман утверждал, что именно для этого и существуют газеты, телевидение и радио. Они, так сказать, фильтруют информацию и доносят до конечного зрителя её в переработанном, упрощенном виде.

Пропустив эти мысли через сознание, понимаешь, что новости вовсе не являются простым отражением действительности, они представляют собой синтез информации, замещающий нам реальность. Наполнение новостных программ происходит по законам коммерции, где спрос порождает предложение. Поэтому любое событие описывается не с точки зрения участника, а извне, транслируются оценки окружающих и соответствие общественно-допустимым нормам поведения.

СМИ не только конструируют псевдореальность но и манипулируют благодаря ожиданиям публики. Понимая гонку за временем и ограниченность, в ход идут рекламные слоганы, вывески, громкие заголовки. Рядовой обыватель в массе информации дезориентирован. Это влечет к дезинформации обывателя.

Новости синтезируют псевдо-реальность. Это пугало У. Липпмана, чтобы опровергнуть собственные выводы, он вернулся «традиционному взгляду на новости, как на отражение реальности, но с оговоркой: новости не отражают события во всей их полноте, а просто сигнализируют о самом факте этих событий» [18]. Далеко не обо всех событиях можно просигнализировать: "... чтобы серия событий стала новостью, они должны стать заметными через тот или иной внешний акт» [18].

Только благодаря техническим особенностям телевидение способно так манипулировать. В чем это заключается: фрагментирование, или дробление информации. Это можно отследить по любой передаче — события чередуются, нет взаимосвязи, плюс идет реклама, в итоге у зрителя нет целостной картинки события, она максимально упрощена. Подобные манипуляции способны коренным образом влиять на сознание человека. Увеличивают способность зрителей воспринимать только упрощенный материал, поддающийся простому объяснению и стереотипам. По сути, «стереотипы — это некие символы, «условные ярлыки», используемые для обозначения тех или иных явлений, принципов и т. п. Они создают систему устойчивых взглядов, определяющих отношение к людям и событиям».

Упрощенные представления сильно искажают реальность, и понимание действительности подменяется «псевдознанием». Создавая свое отношение к реальности, человек сверяется с личным заданными клише. Поэтому

наиболее эффективными будут новости, соотносимые со стереотипами человека. Но для изменения массового сознания этого недостаточно, тут важна еще символичность окружающего пространства. Становится понятно, почему новости делают зрелищными, почему появилось так много ток-шоу и популяризованных программ для обсуждения тех или иных проблем.

В отражении современных информационных технологий, труды У. Липпмана также актуальны. Ведь на фоне интенсивного развития информационных технологий, в особенности связанных с сетью интернет, изменился облик общества, изменились и формы масс-медиа. Подрастающее поколение не мыслит себя без гаджетов, информационные технологии стали современной реальностью, с помощью них трансформируются и медиа технологии, меняется восприятие человеком информации и окружающего мира. Изменилась связь человека с реальностью. В существовании псевдо — реальности уже нет сомнений, но теперь это касается уже глубин нашего сознания и поведения. Виртуальная реальность все больше увлекает в мир компьютерной графики. Где любой может достичь высот, реализоваться, совершить то, что в реальной жизни ему не доступно.

Благодаря блогам, социальным сетям, круг общения, с одной стороны, расширился, с другой стороны, он стал ограничен, ведь мы порой не замечаем, что происходит у нас под носом. Мы не знаем кто наши соседи, чем живут наши дети. Современные новости чаще и быстрее расходятся именно по социальным сетям и блогам, там информация более достоверная и подлежит обсуждению.

В результате взаимодействия СМИ и аудитории, возникает феномен медиареальности, благодаря которому формируется особая реальность, новая картина мира человека, Данный феномен изучался, и будет изучаться далее, т. к. влияние масс-медиа на человечество усугубляется. Это отражается как на отдельном индивидууме, так и на обществе в целом.

Чтобы попытаться объяснить влияние масс-медиа на повседневную жизнь общества требуется детальное изучение всего разнообразия форм масс-медиа и анализ последствий их развития.

Мы постарались раскрыть в своей работе актуальность теории У. Липпмана. Суть ее состоит в том, что «человек не в состоянии проверить достоверность информации, получаемой через масс-медиа, и вынужден её доверять. Таким образом, масс-медиа обладают возможностью представлять картину мира в сознании индивида, и эта картина является не отражением реальности, происходящей в мире, а конструктом, замещающим реальность» [9].

Литература:

1. Антонов К. А. Телевизионные новости в массово-коммуникационном процессе: социологический анализ механизмов социально-политического конструирования: монография / ГОУ ВПО КГУ. Кемерово: Фирма Полиграф, 2006.

2. Бакулев Г. П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции: учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2005.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / «Медиум», 1995.
4. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002.
5. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. 2004.
6. Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. М.: Аспект-пресс, 2003.
7. Вебер М. Основные социологические понятия. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
8. Добренъков В. И., Кравченко А. И. Социология: учебник / ИНФРА-М, 2001.
9. Дьякова, Е. Г. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999.
10. Киреев П. С. Новые медиа в современном информационно-коммуникационном пространстве. Научно-теоретический журнал. 2010. № 2
11. Лещев, С. В. Коммуникативное, следовательно, коммуникационное / С. В. Лещев. — М.: УРСС, 2002.
12. Маклюэн Г. М. М15 Понимание медиа: внешние расширения человека / КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
13. Хорольский В. Медийность как категория науки о масс — медиа: терминологические разъяснения // Новое в массовой коммуникации. — 2013. — № 2.
14. Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990—2004 гг. М., 2002.
15. Вирилио П. Информационная бомба: стратегия обмана. М., 2002.
16. Горохов В. М. Основы журналистского мастерства. М.: Высшая школа, 1989.
17. Лосев А. Ф Миф ... // Диалектика мифа. М., 2001.
18. Липпман У. Общественное мнение — институт фонда «общественное мнение», 2004.
19. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

ФИЛОЛОГИЯ

Социолингвистический статус акадийского французского языка в Нью-Брансуике

Албанский Владимир Владимирович, студент
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Акадия — это не имеющая границ «страна из кусочков» («un pays en morceaux»), «воображаемая территория» («un territoire imaginaire»), это изолированные друг от друга местности, расположенные в т. н. Приморских (Атлантических) провинциях Канады [2, с. 71].

Именно на территории Акадии был основан в 1605 г. Порт-Руаяль (Port Royal), первая колония Новой Франции, — около современного города Аннаполис в Новой Шотландии. Однако лишь с 1636 г. началось заселение этой территории, когда здесь закрепились французские колонисты, происходившие родом в основном из центральных и западных регионов Франции [8].

Преобладание иммигрантов именно с Запада Франции объясняется, прежде всего, наличием там портовых городов, откуда и направлялись корабли в Новую Францию. Франкофонное население Акадии, таким образом, родом в основном из западных провинций Франции — в особенности из Пуату, тогда как в Квебек отправлялись жители Нормандии и Иль-де-Франса [14, с. 14], что явилось в последующем одним из важных факторов формирования особенностей квебекского и акадийского вариантов французского языка.

«Колыбелью Акадии» называют несколько деревень в вышеупомянутой провинции Пуату, т. к. половина современных акадийцев происходит из шести деревень этого региона, хотя акадийская зона в лингвистическом отношении никогда не была единообразной [2, с. 75]. Все семьи, уезжавшие в Акадию, говорили на наречии Пуату, но каждое языковое сообщество, принадлежавшее разным феодалям, имело своё языковое «лицо». Поэтому невозможно говорить о единообразном пуатвинском субстрате в начале XVII в., кроме того, многие первые акадийцы были родом из французских провинций Сэнтонж и Онис, расположенных на атлантическом побережье [2, с. 75].

К. Пуарье усматривает в Акадии один из трёх ареалов французского языка в Северной Америке наряду с Квебеком и Луизианой [13, с. 69]. Французский язык в Канаде, однако, сам по себе неоднороден: франкоговорящие жители этой страны делятся на несколько групп, каждая из которых обладает своими характерными особенностями. Это квебекцы, акадийцы, франко-онтарийцы, франкоканадцы Запада и метисы, ведущие своё происхождение от браков франкоканадцев и индейцев. В США, в свою очередь, вы-

деляют четыре группы франкофонов: луизианцы, франкоамериканцы Новой Англии, франкофоны Среднего Запада и франкофоны штата Миссури [2, с. 8]. Таким образом, общего названия франкоговорящих жителей материка не существует.

Акадийцы расселены по городам и деревням, разбросанным на побережье длиной около 2000 км [2, с. 71]. В Нью-Брансуике насчитывается приблизительно 250 тыс. акадийцев (32,6%) [5, с. 55]. На территории Акадии живёт разное количество франкоканадцев, среди которых — акадийцы, не говорящие по-французски, и франкофоны, не имеющие акадийского происхождения [2, с. 71]. Например, по данным за 2006 г. в Нью-Брансуике только французским языком владели 73750 чел., а только английским — 405045 чел., двумя языками — 240085 чел. [15, с. 2] Франкофоны здесь сосредоточены в периферийных зонах, что менее способствует их ассимиляции. Акадийцы являются меньшинством, тем не менее они приобрели некоторые права [5, с. 55–56]. В 1963 г. был основан Монктонский Университет, а также три отделения в Монктоне, Шиппагане и Эдмундсоне. В первый год количество студентов в университете составило 5 тыс. чел. Сегодня Монктонский Университет не теряет свой статус в Канаде и остаётся самым крупным франкофонным интеллектуальным центром к востоку от Квебека [1, с. 138]. В 1969 г. был принят «Закон об официальных языках Нью-Брансуика» (*Loi sur les langues officielles du Nouveau-Brunswick*), первое юридическое признание двух языковых сообществ. Данный закон делает провинцию единственной официально двуязычной в Канаде и предусматривает, что английский и французский языки являются официальными в провинции и имеют равный статус [6, с. 42–43]. В 1981 г. с целью сгладить пробелы вышеуказанного закона, правительство утверждает «Закон, признающий равенство обоих языковых официальных сообществ в Нью-Брансуике» (*Loi reconnaissant l'égalité des deux communautés linguistiques officielles du Nouveau-Brunswick*), он же «Закон 88». Данный закон согласовывает равенство статуса, прав и привилегий двух сообществ, которые приобрели право на создание разнообразных институтов, в частности в области образования, искусства и культуры, получили возможность развивать франкофонные институты вместо двуязычных структур, где имели место неравные отношения между двумя сооб-

ществами [16, с. 145]. Статус французского языка в Нью-Брансуике был полностью закреплён принятием «Хартии прав и свобод» канадским правительством в 1982 г. (*Charte canadienne des droits et libertés*). В хартии отдельно подчёркивалось равенство английского и французского языка при использовании в Парламенте провинции Нью-Брансуик; право использовать там эти языки на всех стадиях судебного процесса; право получать от служб законодательного собрания и правительства информацию на любом из языков. Этот конституционный акт гарантировал языковое равенство жителям Нью-Брансуика как на провинциальном, так и на федеральном уровне [1, с. 140–141].

В Акадии, как и во всех культурах, язык тесно связан с вопросом самоидентификации. Акадия — небольшой франкоговорящий регион в сравнении с англофонным миром, который охватывает большую часть Северной Америки, использует французский язык в качестве средства реализации национального самосознания.

Название «акадийский французский язык» служит для определения диалекта, на котором говорят в восточных провинциях Канады. Акадийский французский язык отличается не только от стандартного языка Франции, но и от других канадских вариантов французского языка, в частности, Квебека. Исключительность акадийского французского языка и его настоящий статус — это результат многочисленных исторических, политических и социальных факторов, благодаря которым образовалась отдельная языковая общность [11].

Как отмечается, в Нью-Брансуике французский язык расширяет перспективы при условии хорошего владения английским языком. В этом заключается амбивалентность провинции. Если в наиболее франкофонных зонах Нью-Брансуика, в особенности на севере, можно использовать только французский язык, то в другом регионе потребуются знание либо английского, либо обоих языков. Так, например, приехавшие в г. Монктон в 2011 г. супруги Вальтон, быстро отдали себе отчёт в том, что в профессиональном мире невозможно устроиться только с французским языком [10], хотя существует и другое мнение [17]. Воздействие английского языка существенно, английский язык можно услышать в барах, на улицах или в школах провинции, особенно в Монктоне, самом большом городе региона, где франкофоны и англофоны живут вместе. Там же бытует местный язык — смесь старо-французских, французских, английских и акадийских выражений — «шияк», столь популярный у молодого поколения [4]. Как отметила современная акадийская писательница Ф. Дэйгл, «нужно жить здесь, чтобы понять насколько английский язык навёл наше сознание» [9].

Следует также отметить, что муниципалитет Монктон стал первым официально двуязычным в Канаде (2002 г.). Языковая политика города имеет целью обеспечить качество средств связи и муниципальных услуг на обоих языках [16, с. 145]. Таким образом, с проникновением французского языка Монктон больше не является англофонным

анклавом. В 1994 г. там прошёл Международный акадийский конгресс, а в 1999 г. — VIII Саммит Франкофонии, что несомненно открыло местное франкофонное сообщество всему миру. Начиная с 90-х гг. большое число акадийцев из северных регионов провинции переезжают в Монктон, который для некоторых становится «новой акадийской столицей» [16, с. 153–154]. Так, входящий в состав муниципалитета Монктон Дьеп принимает каждый год много франкофонных мигрантов с севера Нью-Брансуика. Однако языковые характеристики и модели могут значительно варьироваться в зависимости от местоположения в Большом Монктоне. Л. Дюбуа отмечает, что социолингвистическая ситуация здесь сложна, особенно для франкофонов, чей повседневный язык фрагментирован. Франкофонный носитель вынужден выбирать язык общения в зависимости от требования окружения. Двуязычное население Монктона — это в основном жители с родным французским языком. Так, в 2006 г. 87,7% франкофонов являлись билингвами, тогда как лишь 24% англофонов утверждали, что они знают оба официальных языка. А. Будро отмечает, что если франкофон обращается по-французски к англофону, он рискует услышать в свой адрес «*I don't speak French*»; если он ошибается и обращается по-английски к франкофону, он может мысленно предать своих [16, с. 156–157]. А. Будро добавляет, что напряжение происходит из-за интериоризации большинства акадийских говорящих из чувства к доминирующему языку. К тому же к данному сосуществованию английского и французского добавляются варианты разговорного французского в Монктоне, который характеризуется многочисленными местными и социальными особенностями [16, с. 156–157].

Эволюция билингвизма в провинции является сложным феноменом ввиду многих сопутствующих ему факторов: реальный статус официальных языков, географическая концентрация языковых групп, отношение ко второму языку, урбанизация, сельская местность, а также круг семьи, языки обучения и доступ к образовательным программам на втором языке [12, с. 22]. Степень индивидуального билингвизма сильно различается в зависимости от языковых групп. Это — тенденция последних десятилетий в Нью-Брансуике. Число двуязычных жителей в провинции возросло со 136 000 в 1971 г. до 246 000 в 2011 г., однако, количество билингвов, начиная с 2000 г., в состоянии стагнации по причине того, что рост населения провинции (2,8%) был аннулирован эквивалентным падением уровня билингвизма (–2,7%). Данное падение уровня билингвизма объясняется общим числом снижения франкофонного населения, которое является наиболее двуязычным, снижением уровня его билингвизма, а также англофонов и лиц с родным языком не официальным [12, с. 12–13; 18].

Итак, социолингвистическая ситуация в Нью-Брансуике может быть охарактеризована как достаточно сложная, ввиду наличия регионов как практически гомогенных (англо- или франкофонных), так и гетерогенных (места

проживания обеих групп) [6, с. 38]. К этому следует также добавить вариативность произношения жителей Акадии в разных регионах [19]. Как отмечается, лингвисты, изучающие акадийский французский язык, часто сталкиваются со сложностями определения объекта исследования. Отсюда разнообразное количество наименований французского языка в Акадии: франко-акадийский, акадийский, акадийский французский, акадийский (-е) говор(-ы), акадийский (-е) вариант(-ы), вариант(-ы) французского акадийского в Нью-Брансуике или Новой Шотландии и т. д. (*franco-acadien, acadien, français acadien, parler(s) acadien(s), variété(s) acadienne(s), variété(s) du français acadien, du Nouveau-Brunswick ou de la Nouvelle-Ecosse, etc.*) [3, с. 107].

В провинции Нью-Брансуик, помимо стандартного французского языка, различают следующие его разновидности: французский акадийский или традиционный акадийский (*le français acadien ou l'acadien traditionnel*), маркированный в основном архаизмами [6, с. 38]; «шияк» (*le chiac*) (см. также [20]) — вариант французского языка, имеющий в своей основе английские лексические, синтаксические, морфологические и фонетические формы, например, *je viendrai back, c'est right intéressant, je te phonerai à soir, j'irai te driver chez vous*. «Шияк» используют в основном франкофоны на юго-востоке провинции. Данный вид языка ассоциируется у говорящих с урбанизацией, символизирует ассимиляцию и аккультурацию, а также проникает в традиционную речь, что приводит к потере языковых и культурных ориентиров [7, с. 64]. В последние десятилетия «шияк» является частью СМИ и литературного пространства, а также участвует в формировании новой языковой формации по отношению к признанию единственной легитимной стандартной нормы языка. Так, «шияк» представлен в поэзии (*Gérard LeBlanc*), в прозе (*France Daigle*), в театре (*Paul Bossé* и коллектив *Moncton sable*), в мультфильмах (*Dano LeBlanc* и телесериал *Acadieman*), в песнях (*Fayo, Radio Radio*). Повышение престижности акадийской идентичности проходит, таким образом, посредством местного говора «шияка» [16, с. 168–169]. Как отмечает писательница Ф. Дэгль, «шияк», как и «жуаль», принадлежит к устному регистру, который является всего лишь одним из аспектов языка. Франкофонные жители Нью-Брансуика, в том числе молодое поколение, должны осознавать, что знание «шияка» не способствует продвижению в жизни, он её часть, однако не важно, где человек будет работать, на «шияке» он писать не будет. Именно здесь кроется проблема акадийцев, если большая их часть не научится правильно писать и выражаться на французском языке [9].

Исследования, проведённые социолингвистами А. Будро и Л. Дюбуа, показывают, что акадийцы испытывают чувство языковой опасности, которая возрастает наравне с диглоссией, в которой они живут. Они также отмечают, что чем выше уровень диглоссии, тем больше чувство языкового несоответствия и замкнутости говорящих по отношению к их языку. Отмечается также, что жители юго-

востока Нью-Брансуика, маркированные языковыми контактами, склонны к обесцениванию своего местного языка, в то время, как жители северо-востока (с преобладанием франкофонов) позитивно оценивают свой язык. Большая часть последних полагает, что говорит на лучшем французском языке провинции. Однако у них есть склонность к уничижительному суждению о своём языке, т. к. они сравнивают его с французским языком Квебека и Франции. Этот сдвиг к тому же наглядно показывает, что понятия «центр» и «периферия» находятся в подвижном положении. А. Будро и Л. Дюбуа отмечают, что вместе с диглоссией язык и/или вариант недооценённого языка маркированы дискредитацией и идеализацией [16, с. 167]. С одной стороны, французский язык ассоциируется с сохранением наследия предков, с отдельной коллективной идентичностью, а также культурным и эстетическим воображением («*la belle et grande langue française*»). С другой стороны, французский язык рассматривается как трудный и запутанный, который не соответствует, согласно мнению говорящих, легко изучаемому английскому языку. Отсюда — проявление идеи, что английский — это язык бизнеса, работы и, в широком понимании, общества. Его преобладание таково, что некоторые соотносят его с «универсальным языком». Итак, образуется языковая иерархия, которая чётко определяет высшую ступень за английским языком. Он отодвигает французский язык на второй план. Данный баланс диглоссии также наблюдается по отношению к диалектам акадийского французского языка, т. к. оценка, которой акадийцы наделяют их язык, одновременно отмечена восхвалением и обесцениванием. На самом деле, акадийский французский язык, с одной стороны, связан с общностью интересов и общинной близостью, выступающей в роли гаранта особенности группы и, с другой стороны, рассматривается как плохой французский язык, который ограничивает и закрывает говорящего в отчуждающем отличии. А. Будро и Л. Дюбуа также отмечают, что принижение акадийского языка аналогично незначительности (*petitesse*) («*petits mots*», «*petit acadien*»), которая выражает нехватку легитимности в связи с обитаемым пространством, т. е. оно относится к меньшинству, ограничено, не признано [16, с. 168].

Начиная с 90-х гг. прошлого века, ввиду феномена глобализации, увеличению контактов с другими франкофонами, акадийцы, с одной стороны, тяготеют к стандартизации с целью ответа на языковые требования различных франкофонных рынков, которые всё больше присутствуют в общественном акадийском пространстве. С другой стороны, происходит утверждение единственной франкофонной идентичности, демонстрируемой посредством показного употребления некогда заклёймённых языковых черт, а сегодня воспринимающихся как гарант аутентичности [7, с. 69–70].

В заключение следует отметить, что носители акадийского языка подчёркивают несхожесть своей культуры с культурой Франции или Квебека. Они отождествляют

свою индивидуальность со своим собственным языком, будь он традиционно акадийским или же «шияком», ведь и тот, и другой являются маркерами культурного отличия некогда прибывших в Акадию мигрантов.

Как отмечается, акадийский французский язык очень долго рассматривался с формальной точки зрения, подчёркивались его особенности, которые, в свою очередь, отличали его от стандартного французского языка или же языка Квебека. Данные особенности придали ему некоторую автономию, которая, однако, может привести к отсрочке вопроса языковой легитимности сообщества в качестве франкофонного. К тому же в сравнении с другими вариантами французского языка, у акадийского отсутствует единая норма произношения. Дифференцирование, постоянно им производимое, может также воздействовать на чув-

ство легитимности говорящих. Однако, с другой стороны, на сегодняшний день большая часть франкофонов Акадии имеет возможность использовать свой родной язык в любом коммуникативном контексте. К тому же акадийский французский язык хорошо закреплён в рамках определённых институтов (Парламент Нью-Брансуика, Монктонский университет, суд, службы законодательного собрания) [3, с.121]. Следует также отметить, что с 9 по 15 августа 2016 г. в коммуне Курсэль-сюр-Мер (Нижняя Нормандия, департамент коммуны — Кальвадос) во Франции пройдёт XI фестиваль «Акадийская неделя» (см. URL: <http://www.semaineacadienne.net/>), являющийся знаковым событием Акадии во Франции (Semaine acadienne), что несомненно подтверждает значимость акадийской культуры и связь акадийцев со своей исторической родиной.

Литература:

1. Башкиров М. Б. Исторический процесс консолидации акадийцев в Канаде XVII—XX вв.: дис. канд. ист. наук. — М., 2014. — 204 с.
2. Голубева-Монаткина Н. И. Французский язык в Канаде и США: Социолингвистические очерки. Изд. 3-е. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 192 с.
3. Arrighi L. Le français parlé en Acadie: description et construction d'une «variété» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.erudit.org/revue/minling/2014/v/n4/1024694ar.pdf> (дата обращения: 09.07.2016).
4. Au Canada, tous les anglophones ne savent pas tenir leur langue sur le français [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.slate.fr/story/105905/antibilinguisme-canada-anglophones-francais> (дата обращения 09.07.2016).
5. Boudreau A., Gadet F. Attitudes en situation minoritaires: l'exemple de l'Acadie [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unice.fr/bcl/ofcaf/12/Boudreau.htm> (дата обращения: 09.07.2016).
6. Boudreau A., Dubois L. Langues minoritaires et espaces publics: le cas de l'Acadie du Nouveau-Brunswick [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sociolinguistica.uvigo.es/descarga_gratis.asp?id=41 (дата обращения: 09.07.2016).
7. Boudreau A. Le français parlé en Acadie: idéologies, représentations et pratiques [Электронный ресурс] // La langue française dans sa diversité. — 2008. — P. 59–80. — Режим доступа: http://www.spl.gouv.qc.ca/fileadmin/medias/pdf/actes_colloque_langue_francaise_2008.pdf (дата обращения: 09.07.2016).
8. D'un océan à l'autre: le français au Canada. L'Acadie [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://continent.uottawa.ca/fr/colloques-et-expositions/expositions/le-francais-au-canada-dun-océan-a-lautre/le-francais-acadien/1%E2%80%99acadie/> (дата обращения: 09.07.2016).
9. France Daigle: “Une langue, ça s’entretient” [Электронный ресурс] // L'actualité. — 2013. — Режим доступа: <http://www.lactualite.com/culture/france-daigle-une-langue-ca-sentretient/> (дата обращения 09.07.2016).
10. Le Canada, un territoire bilingue [Электронный ресурс] // L'express. — 2012. — Режим доступа: http://www.lexpress.fr/emploi/gestion-carriere/le-canada-un-territoire-bilingue_1133084.html (дата обращения 09.07.2016).
11. Le français acadien (dialecte) — Partie I [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberacadie.com/index.php?/coutumes/Le-francais-acadien-dialecte-Partie-1.html> (дата обращения: 09.07.2016).
12. Pépin-Filion D. Evolution du bilinguisme au Nouveau-Brunswick (Rapport) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.icrml.ca/fr/site_content/280-references/72884-evolution-du-bilinguisme-au-nouveau-brunswick (дата обращения: 09.07.2016).
13. Poirier C. Les causes de la variation géolinguistique du français en Amérique du Nord. L'éclairage de l'approche comparative [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tlfi.ulaval.ca/pub/pdf/C-71.pdf> (дата обращения: 09.07.2016).
14. Salminen E. Analyse des traits phonétiques du français canadien reflétés dans la graphie de “Maria Chapdelaine” de Louis Hémon, de “Bonheur d'Occasion” de Gabrielle Roy, de “Pélagie-la-Charrette” d'Antonine Maillet et de “Filles de Caleb” d'Arlette Cousture [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://jyx.jyu.fi/dspace/handle/123456789/13676> (дата обращения: 09.07.2016).

15. Thibault A. Francophonie et variété des français. Le français en Amérique du Nord II (Acadie, Louisiane) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://andre.thibault.pagesperso-orange.fr/FrancophLicenceSemaine6.pdf> (дата обращения: 09.07.2016).
16. Violette I. Immigration francophone en Acadie du Nouveau-Brunswick: langues et identités (Une approche sociolinguistique de parcours d’immigrants francophones à Moncton) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.applis.univ-tours.fr/theses/2010/isabelle.violette_3083.pdf (дата обращения: 09.07.2016).
17. Karine Godin s’entretient avec le membre du conseil d’administration de l’Alliance française de Moncton, Jesse Kerpan. — URL: <http://ici.radio-canada.ca/regions/atlantique/2015/05/08/010-manifestation-bilinguisme-fredericton.shtml>
18. Téléjournal — Bilinguisme au Nouveau-Brunswick: la portée d’une loi. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6kWFbduoKgs>
19. Les différents accents de la Péninsule acadienne. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TKTGwzVmSJU>
20. Perrot M.-E. Statut et fonction du chiac: analyse de discours épilinguistiques.

Народная интерпретация образа Бахрама (на примере дастана «Бахрам и Гуландом»)

Атаджанов Сарвар Самандарович, преподаватель
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Образ Бахрама принадлежит к числу тех традиционных образов, к которым часто обращаются в литературе народов Востока. Наряду с утверждением, что основа этого образа восходит к древней мифологии, также среди филологов бытует мнение, что это историческая личность. Если опираться на взгляды ученых, мы можем узнать, что этот образ является исторической личностью.

В частности, в приведенных И. А. Орбели, К. Е. Бартельсом сведениях говорится, что имя Бахрам употреблялось как «Варахран V». В них утверждается, что в сасанидской династии был царь по имени Варахран V. Варахран V в языке дари произносилось как Бахрам. По И. А. Ардабели, широкая популяризация образа Бахрама связана с тем, что имя Варахран созвучно с именем бога грозы и войны Вертрагной. Он утверждает, что в древних легендах и преданиях Варахран и Вертрагна воплотились в один образ. И. А. Орбели, К. Е. Бертельс считают, что образ Бахрама широко распространен среди кавказских народов. У народов Грузии и Албании образ Бахрама связывают с именем Вахтанга Гургасала (на персидском Гургсар-Бурибош). В Армении этот образ употреблялось именем принца Вахагны, в Иране — Бахрам гор [1].

Также сведения о том, что образ Бахрама это историческая личность, мы встречаем в произведении Навои «История правителей Аджама». Автор, говорит, что Бахрам отличался своей силой, храбростью, отвагой и предпочитал охоту на куланов (гор), поэтому среди народа он был известен как «Бахром гор». Согласно этому после кончины сасанидского царя Яздигурда сановники государства, пережившие от него много бед и страданий, не захотели отдать трон его сыну Бахраму. Для этого они находят человека по имени Кисро из рода Ардашеров. Узнав об этом, Бахрам под пред-

логом, что трон принадлежит ему, начинает попытку захвата царства Яздигурда. В итоге выдвигается условие. Принимается решение, что трон, оспариваемый Бахрамом и Касровом, ставится между двумя львами и кто одолеет этих львов, тот и получит трон. Касро, побоявшись за свое здоровье, отказывается от этого дела. А Бахрам, убив львов, садится на трон, начинает вести справедливую политику и заново устраивает все разрушенное его отцом. После этого народ начинает жить в достатке и благополучии.

В Истории правителей Аджама мы встречаем склонность Бахрама к охоте, а также исторические события. Справедливо управляя государством, Бахрам приступает к захвату других государств, и он достигает своей цели, заставляя их платить дань. В одном из таких походах он узнает об Индии и сгорает желанием попасть туда. Передав всю власть своему младшему брату Нарси, он тайно покидает страну и направляется в Индию, где все свои дни проводит на охоте. Люди, услышав об этом, часто навевали его и восхищались его храбростью. Он убивал много барсов и львов. Однажды один слон в Индии, взбесившись, начинает громить все на своем пути, нанеся, таким образом, большой вред местному населению. Услышав об этом, Рой всевозможными способами пытается остановить зверя, но ему это не удается. Услышав от своих подданных о Бахраме, он поручает это дело ему. Бахрам принимает предложение, сам без чьей-либо помощи убивает зверя. Обрадовавшись, что зверь убит, Рой предлагает Бахраму свою дочь, власть и титул наследника трона. Тогда Бахрам открывает Рою, кто он на самом деле и, облагая данью, возвращает ему Индию. Поженившись на дочери Роя, Бахрам возвращается домой. Царствование Бахрама в тот период продолжилось 70 или 63 года.

Через произведение «История правителей Аджама» мы можем охарактеризовать Бахрама как доблестного, справедливого, любящего свою Родину царя, богатыря и искусного охотника.

Об образе Бахрама, который имеет далекую историю, до Навои написали несколько поэтов. Большая заслуга в вхождении образа Бахрама в художественную литературу принадлежит персидско-таджикскому поэту Абуль-касиму Фирдоуси. Великий поэт, используя легенды и сказания, а также исторические сведения о Бахrame, впервые в своё произведение «Шахнаме» включил поэму с этим образом. В данном произведении, которая является частью «Шахнаме» нашло своё художественное отражение множество легенд и преданий, связанных с историей царствования Бахрама. Образ Бахрама, приведенный в произведении Фирдоуси стоит близко к историческому образу. События в этом произведении воспроизводятся в форме рассказа внутри рассказа и каждая особенность, свойственная образу Бахрама раскрыта яркими красками. В частности, в произведении Навои «История правителей Аджама» историческая личность утверждает, что Бахрам был бесстрашным, храбрым и справедливым царем, богатырем, любящим свою Родину. Эти качества, свойственные Бахраму, отчетливо прослеживаются в произведении «Шахнаме». В своем произведении поэт описывает Бахрама как доблестного и справедливого царя. В вхождении этого образа в художественную литературу трудились и другие небезызвестные поэты, к которым относятся Низами, Дехлеви, Джамии, Ашраф Марогави, Навои. Для вхождения этого образа в литературный обиход того времени они использовали и переделывали исторические сведения, устное народное творчество, легенды и предания.

Навои в своем произведении «Семь планет» дает достаточно полную оценку образу Бахрама и в свойственной ему манере раскрывает положительные и отрицательные стороны этого образа.

Образ Бахрама, создававшегося на основе исторической и художественной литературе можно встретить и в дастанах устного народного творчества, в частности, в дастане «Бахрам и Гуландом», входящего в репертуар сказителя-бахши Фазыля сына Юлдаша.

В дастане образ Бахрама описывается как храбрый царь, человек слова, склонный к охоте, не интересующийся властью и влюбленный в красавицу.

Произведение начинается с того, что у царя Хурума (Рума) по имени Хусрав рождается долгожданный сын, которому дает имя Бахрам.

Сам Бахрам родился в стране Рум,

И поведет за собой всю страну.

Из этих строк можно узнать о том, что Бахрам родился в стране Рум. В произведении говорится, что для своего единственного сына Хусрав построил множество дворцов. В возрасте 3 лет Бахрам, изучив науку, уже мыслит как 8–9 летние дети. Когда ему исполнилось 9 лет, люди назвали его 15 летним юношей. Однажды, взяв свой ост-

рый меч, он собирается на охоту. Во время охоты Бахрам своим воинам говорит:

Запомните это мгновение

Не сокрушайтесь, называя меня тигром,

Потому что, Бахрам не уступает никакому тигру,

Уничтожу я всех врагов,

По натуре я сам и тигр и ищу тигров. (С. 10)

В этих строках Бахрам охарактеризован как бесстрашный, храбрый, отважный. Солдаты, увидевшие, как Бахрам во время охоты убивает тигра, возвеличивают его таким образом:

Каждый хочет прославиться богатырем,

Но для этого не хватает сил,

Племя людское доселе не делало,

То, что сделал Бахрам,

Вот это отвага, вот это сила. (С. 12)

Здесь уместно остановиться на том, что сцена борьбы Бахрама с тигром напоминает сцену, когда Бахрама вступает в схватку с 2 львами, чтобы доказать свое законное право на трон. В устном народном творчестве самым сильным животным считается тигр, который считается царем лесов. В дастане лев дается как тигр. Это показывает вхождение образа Бахрама как художественного образа в литературу и трансформации исторической личности в художественный образ.

Вы — наш владыка Бахрам,

Наш герой, наша жизнь,

Народу властитель,

Милосердный к нам Бахрам. (С. 12)

В дастане личность Бахрама возведена до степени главного героя. События в произведении начинаются с того, что, получив разрешение от отца, чтобы поохотиться, Бахрам собирается в далекое путешествие.

Увлечшись преследованием добычи, Бахрам забредает во дворец с куполом, расположенный на пустыне и встречает там 750 летнего седоволосого старика по имени Кухкан кал. Из слов старика складывается портрет Бахрама.

Познакомившись со стариком, Бахрам узнаёт от него, что в китайской стране живет красавица по имени Гуландом. Здесь нужно вспомнить о том, что и возлюбленная исторического царя Бахрама тоже была из Китая, что о ней тоже услышал от другого лица и влюбился в неё, увидев её портрет. И здесь тоже можно пронаблюдать процесс перехода исторического Бахрама в художественную литературу.

Мудрец рассказывает Бахраму, что он был правителем в иранском городе и был сильно влюблен в красавицу и страдал от своей любви. Из-за любви он превратился в такого старика. Во время этого разговора Бахрам, увидев портрет Гуландома, влюбляется в неё и начинает собираться в путь, чтобы отыскать её. Он передаёт свои любовные страдания таким образом:

Украла мой разум эта прекрасная красавица,

Сжался надо мной, милый дедушка,

Сделай доброе дело, направь меня к той,

Что украла мое сердце и разум. (С. 29)

Из слов Бахрама мы узнаём, что он был опьянен любовью к Гуландом. Влюбленный Бахрам, узнав от мудреца её адрес, направляется в путь. Также говорится, что в китайской стране Бахрам в поисках возлюбленной встречает пери, джинов.

Джин по имени Сайфур, восседая на помосте, видит направляющегося к нему Бахрама и, рассердившись, говорит: здесь люди не ходят, потому что добром это для них не кончится, птица не летает, так как обожжет свои крылья. Кто это человек, который не дорожит своей жизнью. Услышав эти слова, Бахрам вступает с повелителем джинов Сайфуrom в схватку. Победив джина, Бахрам заставляет его преклонить колени. Чтобы сохранить свою жизнь, он просит прощения у Бахрама и говорит жителям Гулистана:

Это великий султан, Бахрам,
Сам он властелин,
Это хорошее для вас время,
Уважайте этого богатыря. (С. 42)

Преклонившись перед силой Бахрама, он предлагает ему дружбу и просит его освободить свою возлюбленную от рук дива по имени Акрат. Бахрам освобождает возлюбленную Сайфура Рухафзу и раздает народу все богатство, накопленное дивом. Увидев отвагу и великодушие Бахрама, жители Гулистана вместе с Сайфуrom выражают ему свою благодарность:

По воле судьбы ты прибыл к нам,
Столько дел ты свершил,

Литература:

1. Маллаев Н. Алишер Навои и народное творчество. — Ташкент, 1974.
2. Алишер Навои. Полное собрание сочинений. Т. 16. — Ташкент: Fan, 2000.
3. Бахрам и Гуландом. — Ташкент, 2000.

Отрезал ты голову Акрата,
Тем самым, благо для нас совершив. (С. 47)

Гуландом каждый год показывала народу свою красоту. Чтобы увидеть её, каждый желающий давал ей такой подарок, который он считал достойным для неё. Бахрам в подарок даёт перстень. Этот перстень был до такой степени дорогим, чтобы купить его не хватало даже годичная дань китайского народа. Бахрам, облаченный в лохмотья, чтобы увидеть свою возлюбленную постоянно лежит у её дверей. Гуландом, увидев перстень, узнает в его хозяине истинного влюбленного. Страдая от любви к Гуландому, Бахрам, как нищий, проводит свои дни и давал ей следующее описание.

Она подобно фее, с лицом красивым
У кого на земле имеется такое лицо? (С.69)

Через определенное время Хусрав, услышав о своем сыне, посылает к нему Дастура, чтобы тот вернул Бахрама обратно на родину. Дастур прибывает в Китай, находит Бахрама и сватает Гуландом Бахраму. Они возвращаются родной дом и прожили счастливую жизнь.

Видно, что в дастане Бахрам изображается как образ, страдающий от любви, своей отвагой, великодушием и терпением побеждающий все препятствия на своем пути.

Историческая личность Бахрам таким вот образом вошел в устное народное творчество. Со временем перешел на письменную литературу и стал традиционным образом, которому обращались многие писатели.

Количественные структурно-семантические характеристики именного суффикса -тель в русском языке

Бартков Борис Ильич, доцент;
Верховцева Надежда Викторовна, ассистент
Дальневосточное отделение Российской академии наук

В статье описана исчерпывающе полная выборка из 559 лексем с суффиксом -тель, которые образованы по следующим трем моделям: 1) Г + -тель = С (98,6%), 2) П + -тель = С (0,7%), 3) С + -тель = С (0,7%). Подсчитано, что диахроническая продуктивность типа равна 544 лексемам (Пд=544), а синхроническая продуктивность — 15 лексемам (Пс=15). Установлено, что суффикс -тель избирательно «тяготеет» к следующим финальным фонемам производящих основ (ПО): [и] (53,9%) и [а] (45,4%).

Внешняя модельная валентность суффикса -тель оказалась равной 12 суффиксам [-ниц(а), -ств(о), -ш(а), -ист, -ишк(а)/-ишк(о), -к(а), -ище, -щин(а); -ск(ий), -ев, -н(ый); -ствова(ть)], следовательно, модельная валентность Vм=12, суммарная валентность равна величине: Vс=457. Выявлено 15 стилистических сфер, коэффициент стилистичности равен величине: Kст.=0,43. Обнаружено 14 терминологических областей, содержащих 111 терминов; коэффициент терминологичности равен следующей величине: Kтерм.=0,204.

Ключевые слова: количество, диахроническая (Пд) и синхроническая (Пс) продуктивности, фонемное (Ф) тяготение, внешняя модельная (Vм) и суммарная (Vс) валентности, коэффициенты стилистичности и терминологичности

Quantitative structural-semantic characteristics of nominative suffix -тель in the Russian language

Bartkov Boris, associate professor;
Verkhovtseva Nadezhda, assistant
Russian Academy of Sciences, Far-Eastern Branch

Full selection of lexemes in Russian nominative suffix -тель have been analysed. Three derivational models have been revealed, namely: 1) $V + \text{-тель} = N$ (98.6%); 2) $A + \text{-тель} = N$ (0,7%); 3) $N + \text{-тель} = N$ (0,7%). It was shown that diachronical productivity of -тель amounted to 544 lexemes, synchronical productivity being equal to 15 lexemes. Suffix -тель was selectively attracted to final phonemes of the stem: [u] (53,9%) and [a] (45,4%).

External modal valency of suffix -тель is equal to 12 suffixes connected to it, namely: -ниц(а), -ств(о), -ш(а), -ств, -шук(а)/-шук(о), -к(а), -щ(е), -щин(а), -ск(ий), -ев, -н(ый), -ствова(ть). Model valency is equal to: $V_m=12$, total valency being equal to: $V_s=457$. Fifteen stylistic and sixteen terminological spheres have been revealed. Coefficient of style is equal to 0,43; terminological coefficient was found to be equal to 0,20.

Keywords: quantity, diachronical (Pd) and synchronical (Ps) productivity, selective attraction of a suffix to certain final phonemes of stems, external modal valency (V_m) and total valency (V_s), coefficients of style and terminology

Сведения о номинативном суффиксе -тель в русском языке содержатся в ряде источников [7; 8; 11; 13; 14; 17; 18]. Однако многие важные количественные характеристики, такие как деривационные модели, соотношение сем в диахронии и синхронии, продуктивность, валентность, фонемное тяготение, коэффициенты стилистичности и терминологичности суффикса -тель до сих пор были неизвестны лингвистическому сообществу. Поэтому мы взяли за полнить эту лауну.

Источником материала для количественного структурно-семантического анализа послужила полная выборка из 544 лексем с суффиксом -тель ($P_d=544$) из крупнейшего панхронического «Обратного словаря русского языка» [12] и 15 лексем, извлеченных их крупнейшего словаря неологизмов [10] русского языка ($P_s=15$). Внешнюю суффиксальную валентность описывали, используя словарь А. Н. Тихонова [16] в качестве источника для анализа. Семантику лексем, включая стилистические и терминологические значения, с суффиксом -тель устанавливали по [15].

Традиционно суффикс -тель описывают с помощью набора качественных характеристик [7; 8; 9; 11; 13; 14; Л-У, 82]. В частности, сообщается, что он является исконным номинативным суффиксом, присоединяющемся к глагольным производящим основам (ПО) и имеющим значения:

- 1) человек-деятьель,
- 2) машина-деятьель.

Отмечается также (на основе интуитивных оценок!), что он является «продуктивным» и «частотным» [11], но как определяются эти характеристики, авторы не сообщают.

В 60–70-х годах XX века был предложен ряд качественных характеристик аффиксов [13; 17]. Ранее мы предложили и активно используем научно строгие количественные дефиниции целой системы языковых и речевых критериев для описания аффиксов русского языка [1–6].

В своей работе мы пользуемся следующими дефинициями [1; 2]. «Синхроническая продуктивность — P_s »

аффикса (модели, типа) — это количество новообразований за единицу времени (столетие), подсчитываемое по словарям неологизмов. «Диахроническая продуктивность — P_d » — это количество слов с данным аффиксом, появившееся в языке с момента возникновения модели и до наших дней (то есть, P_d — это сумма всех P_s). «Валентность» в широком смысле — это способность аффикса сочетаться с морфемами, окружающими его слева или с права. Различаются «внутренняя валентность» (фонемное и морфемное тяготение аффикса к морфемам слева) и «внешняя суффиксальная валентность» (тяготение аффикса к морфемам справа). «Модельное фонемное тяготение — F_m » — это количество разных финальных фонем ПО, с которыми сочетается данный суффикс. «Суммарное фонемное тяготение — F_s » — это доли каждой финали ПО на морфемном шве с данным суффиксом. «Модельное морфемное тяготение — M_m » — это количество разных финальных суффиксов ПО на стыке с данным суффиксом. «Суммарное морфемное тяготение — M_s » — это количество ПО с каждым финальным суффиксом ПО на стыке с данным суффиксом. «Внешняя модельная суффиксальная валентность — V_m » — это количество разных суффиксов, которые могут присоединяться к лексемам с данным суффиксом. «Внешняя суммарная суффиксальная валентность — V_s » — это количество дериватов с каждым из суффиксов, которые присоединились к лексемам с данным суффиксом.

Чтобы получить эти количественные критерии (характеристики) необходимо анализировать исчерпывающе полные выборки лексем каждого типа, используя крупнейшие специальные словари (обратные [12], толковые [15], дериватологические [13; 17] и морфемные [16]).

1. Формирование моделей лексем с суффиксом -тель в диахронии и синхронии.

Анализ продуктивности моделей в диахронии (табл. 1) показывает, что диахроническая продуктивность суффикса -тель равна 544 лексемам ($P_d=544$). Выявлено 2 модели:

1. Глагол + -тель = С (540 лексем);
2. Прилагательное + -тель = С (4 лексем).

Одна из авторов (ВНВ) предложила следующую интересную модель образования лексемы «ревнитель»: ревнивый + -тель = ревнитель.

Таблица 1. Продуктивность моделей с суффиксом -тель в синхронии и диахронии

Модель	Пд	%	Примеры	Пс	%	Примеры
Г+ -тель	540	99,3	Злоупотребитель, выравнитель, последователь, увлажнитель, пленитель, закрепитель, заверитель, рыхлитель	11	73,3	Сопереживатель, дожигатель, восходитель, дознаватель, загрязнитель, доочиститель
П+ -тель	4	0,7	Борзитель, самовластитель, приятель, ревнитель	-	-	-
С+ -тель	-	-		4	26,7	Валкователь, космоплаватель, моторостроитель, энергомашиностроитель
Сумма	544	100		15	100	

Примечание. В таблице приняты следующие сокращения: Пд — диахроническая продуктивность, Пс — синхроническая продуктивность, Г — основа глагола, П — прилагательного, С — существительного

Приведем примеры лексем 1-й модели: сказитель, усновитель, искупитель, старатель, ласкатель, пленитель, зажигатель, обрыватель, перекрыватель, наругатель, распознаватель, препятствователь, нападатель, каратель, потакатель, очарователь, страдатель, поглотитель, веритель, поощритель, подноситель, медлитель, разбавитель, прокормитель, свершитель, отрицатель, совещатель, чиститель, испаритель, обновитель, возделыватель.

По 2-й модели следующие лексем: борзитель, самовластитель, приятель. Новообразования демонстрируют другие модели образования лексем.

1. Г + -тель = С (11 лексем — 73,3%), например: сопереживатель, дожигатель, восходитель, дознаватель, загрязнитель, отвердитель, отбеливатель, доочиститель, опровергатель, облучатель, очернитель.

2. С + -тель = С (4 лексем — 26,7%): валкователь, космоплаватель, моторостроитель, энергомашиностроитель.

Отметим интересную тенденцию: если «старые» лексем формировались в основном от глагольных (99,3%) и прилагательных (0,7%) ПО, то неологизмы образованы от глагольных (73,3%) и существительных (26,7%) ПО.

Суммарная картина деривационного типа имеет следующий вид (Пд+с=559 лексем):

1. Г + -тель = С (98,6%);
- 2) П + -тель + С (0,7%);
- 3) С + -тель = С (0,7%).

2. Формирование сем типа с суффиксом -тель в диахронии и синхронии.

Количественный анализ семантики лексем с суффиксом -тель показал следующую картину (табл. 2).

«Старые» лексем (Пд) характеризуются тремя семами: 1) «Человек-деятель» (387 сем = 71,2%), 2) «Машина-деятель» (115 сем = 21,1%), 3) «И человек, и машина» (42 = 7,7%).

Таблица 2. Словообразовательное значение (СЗ) суффикса -тель

СЗ	Пд	%	Примеры	Пс	%	Примеры
Человек-Деятель	387	71,2	Повелитель, изобразитель, покоритель, злопыхатель, украшатель, воздыхатель, заявитель, мучитель, поручитель, целитель, предъявитель	8	53,3	Космоплаватель, моторостроитель, энергомашиностроитель, очернитель, со-переживатель, восходитель, дознаватель
Машина	115	21,1	Обрызгиватель, дубитель, засоритель, смягчитель, размыкатель, копнитель, расширитель, соединитель, делитель, числитель	7	46,7	Валкователь, облучатель, дожигатель, загрязнитель, доочиститель, отбеливатель, отвердитель
и человек, и машина	42	7,7	Осветитель, искатель, носитель, преобразователь, истребитель, указатель, копатель, питатель, меритель, толкатель, восстановитель, держатель, толкатель	-	-	-
Сумма	544	100		15	100	

Примечание. Пд относится к «старым» лексемам, образовавшимся до 1974 г.; Пс — неологизмам, возникшим после этого.

Приведем примеры лексем, иллюстрирующих различные семы.

Сема 1 (Д): «Человек, который совершает действие по глаголу»: икупитель, усыновитель, сказитель, обличитель, пленитель, расточитель, вопрошатель, улучшатель, обследователь, оберегатель, посягатель, возжигатель, попираатель, приискатель, плаватель, предвещатель, записыватель, перелагатель, испытатель, истолкователь, подделыватель, разливатель, поедатель, вымогатель, увещатель, сострадатель, совещатель, отрицатель.

Сема 2 (Д): «неодушевленный прибор»: испаритель, чиститель, поглотитель, разбавитель, углубитель, отопитель, замедлитель, замыкатель, включатель, разбрызгиватель, обрызгиватель, обогреватель, разгрузитель, отражатель, преломлятель, прочесыватель, перегреватель, сгибатель, обтекатель, разгибатель, выбрасыватель, прорыватель, пробиватель, кантователь, высасыватель, протравливатель, подогреватель, опрокидыватель, зажигаатель, перекрыватель.

Сема 3 (Д): «одушевленный» / «неодушевленный»: повторитель, толкатель, разгребатель, провозвещатель, держатель, подталкиватель, улавливатель, разбрасыватель, ороситель, вычислитель, побудитель, наполнитель, паритель, смутитель, увлажнитель.

Синхроническая картина отличается от диахронической тем, что у неологизмов (Пс) пока отсутствует сема «и человек, и машина»!

Сема 1 (С): «человек-деятель» (53,3%): космоплаватель, моторостроитель, энергомашиностроитель, очернитель, сопереживатель, восходитель, дознаватель, опровергатель.

Сема 2 (С) «машина-деятель» (46,7%): валкователь, облучатель, дожигатель, загрязнитель, доочиститель, отбеливатель, отвердитель.

Отметим, что панхроническая соотношение сем типа лексем с суффиксом -тель выглядит следующим образом: 1) «человек» (70,7%); 2) «машина» (21,8%); 3) «и человек, и машина» (7,5%).

3. Внешняя суффиксальная валентность суффикса -тель в синхронии и диахронии.

Количественный анализ внешней валентности суффикса -тель в синхронии и диахронии показал следующее (табл. 3).

Всего в диахронической картине (Вд) наблюдается 12 суффиксов: 8 суффиксов существительных, давших 75,8% валентных дериватов; 3 суффикса прилагательных, давших 20,0% дериватов; 1 глагольный суффикс, давший 4,2% валентных дериватов.

Таблица 3. Внешняя суффиксальная валентность суффикса -тель в диахронии и синхронии

Суффикс	Вм	%	Примеры	Вм	%	Примеры
-ниц(а)	263	55,55	Укрывательница, дарительница, заседательница, возбудительница, накопительница, зажигаательница	-	-	-
-ск(ий)	84	18,38	Укрывательский, заседательский, сочинительский, накопительский, разлагательский, управительский, истязательский, устройтельский	1	50,0	Очернительский
-ств(о)	67	14,66	Укрывательство, заседательство, сочинительство, накопительство, подстрекательство, кропательство	1	50,0	Очернительство
-ствова(ть)	19	4,17	Заседательствовать, сочинительствовать, приятельствовать, учительствовать, предательствовать	-	-	-
-ш(а)	10	2,19	Заседательша, управительша, распорядительша, попечительша, следовательша, учительша	-	-	-
-ев	3	0,65	Председателей, смотрителей, правителей	-	-	-
-к(а)	3	0,65	Приятелка/приятелька, учителька, свиристелка	-	-	-
-н(ый)	3	0,65	Закрепительный, владетельный, представительный	-	-	-
-ишк(а, о)	2	0,44	Писателишка, учительшка/учителишко	-	-	-
-ист	1	0,22	Двигателист	-	-	-
-ище	1	0,22	Приятелище	-	-	-
-щин(а)	1	0,22	Обывательщина	-	-	-
Сумма	457	100		2	100	

Проиллюстрируем диахроническую суффиксальную валентность примерами.

1. -ниц(а) (55,5% от 457 валентных дериватов): охранительница, поработительница, учительница, стяжатель-

ница, собирательница, искательница, изобретательница, соглашательница, руководительница, воспитательница, подражательница, преподавательница, губительница, представительница, созерцательница, просительница, водительница, устроительница, вредительница, просветительница, свидетельница, надзирательница, мечтательница, пожарительница, обитательница, читательница, истребительница и т. д.;

2. -ск(ий) (18,4 %): управительский, приятельский, родительский, прихлебательский, тельский, накопительский, отправительский, поручительский, упростительский, попечительский, испытательский, приискательский, обличительский и т. д.;

3. -ств(о) (14,7 %): правительство, смотрительство, старательство, ласкательство, злопыхательство, приобретение, надругательство, понукательство, обирательство, подстрекательство, кропательство, распекательство, настоятельство;

4. -стова(ть) (4,2 %): грабительствовать, житье-житье, председательствовать, заседать, учительствовать, свидетельствовать, вредительствовать и т. д.;

5. -ш(а) (2,2 %): заседательша, управительша, распорядительша, попечительша, надзирательша, следовательша, председательша, смотрительша, учительша, предводительша;

6. -ев (0,65 %): председателей, смотрителей, правителей;

7. -к(а) (0,65 %): приятелка/приятелька, учителька, свиристелка;

8. -н(ый) (0,65 %): закрепительный, владетельный, представительный;

9. -ишк(а)/ишк(о) (0,44 %): писателишка, учительшка/учителишко;

10. -ист (0,22): двигателю;

11. -ище (0,22 %): приятелище;

12. -щин(а) (0,22 %): обывательщина.

В синхроническом плане у 15 неологизмов выявлена всего одна лексема с суффиксом -тель (очернитель), от которой образованы валентные дериваты с суффиксами -ск(ий) (очернительский) и -ств(о) (очернительство). Отметим, что эти 2 валентных суффикса являются продуктивными в диахронии.

4. Диахроническое и синхроническое фонемное тяготение суффикса -тель.

Вычисление величины фонемного тяготения проводилось с целью установления наиболее значимых фонем, к которым тяготеет исследуемый формант. Работе предшествовало изучение накопленного опыта в данной области. Так, [9] обнаружила наличие фонемного тяготения у суффиксов -чик и -щик.

Результаты анализа лексем с суффиксом -тель представлены в таблице 6.

Таблица 4. Внешняя суффиксальная валентность суффикса -тель

Фонема	Фм	%	Примеры	Фм	%	Примеры
[и]	293	53,9	Креститель, восстановитель, вытеснитель, ценитель, углубитель, испаритель, протравитель, озеленитель, укротитель, погубитель, умиротворитель, усилитель, вдохновитель, поработитель, похититель, грабитель	7	46,7	Моторостроитель, восходитель, загрязнитель, дочиститель, отвердитель, очернитель, энергомашиностроитель
[а]	247	45,4	Приятель, соглашатель, очарователь, показатель, переключатель, подталкиватель, действитель, знаменатель, разгрузитель, поджигатель, ухаживатель, повествователь, наблюдатель, покупатель	8	53,3	Сопереживатель, дожигатель, дознаватель, опровергатель, отбеливатель, облучатель, валкователь, космоплаватель
[э]	3	0,5	Свидетель, радетель, владетель	-	-	-
[с]	1	0,2	*Свиристель	-	-	-
Сумма	544	100		15	100	

Анализ материала показал, что на морфемном шве суффикс -тель контактирует четырьмя финальными фонемами ПО, а именно:

-[и] (53,9 %): отопитель, замедлитель, наставитель, разоблачитель, ревнитель, решитель, умертвитель, умиротворитель, погубитель, обольстител, доверитель, чиститель, совершитель, медлитель, поощритель, обновитель, расточитель, изобличитель, вычислитель, упроститель, извратитель, искуситель, отоплитель.

-[а] (45,4 %): подстрекатель, поддельватель, истолкователь, разгребатель, провозвещатель, держатель, пота-

катель, каратель, нападатель, возделыватель, расследователь, спасатель, отгадыватель, приобретатель, выручатель, улучшатель, оберегатель, посягатель, пропариватель, попираатель, записыватель, плаватель, шиватель, опознаватель, разглашатель, комплектователь, пробиватель, кантователь, украшатель, истязатель.

-[э] (0,5 %): свидетель, радетель, владетель.

-[с] (0,2 %): свиристель* [заметим, что одна из авторов (ВНВ) следующим образом представляет себе процесс образования этой лексемы: свиристе(ть) + -тель = свиристель (с наложением морфов): -теть и -тель]. Напомним,

что о наложении морфов ранее писала [Е. А. Земская], показав, что лексема «розоватый» образовалась следующим образом: розовый + -оватый = розоватый (с гаплогогическим выпадением морфа -ов-!).

Обратим внимание на то, что в диахронии фонема [и] доминирует, дав 53,9% исходов, в сравнении с фонемой [а] (45,4%).

В лексемах-неологизмах доминирует фонема [а] (53%): сопереживатель, дожигатель, дознаватель, опровергатель, отбеливатель, облучатель, валкователь, космоплаватель.

Фонема [и] дала 47% финалей ПО: моторостроитель, восходитель, загрязнитель, доочиститель, отвердитель, очернитель, энергомашиностроитель.

5. Стилистические пометы у лексем с суффиксом -тель в диахронии и синхронии.

Анализ стилистических помет при лексемах с суффиксом -тель показал богатую стилистическую палитру в диахронии (табл. 5).

Таблица 5. Стилистическая окраска лексем с суффиксом -тель в диахронии и синхронии

Стиль (лексем)	См	%	Примеры	См	%	Примеры
Устаревшие	139	58,7	Язвитель, продаватель, преложитель, воспеватель	-	-	-
Газетный	-	-	-	1	25,0	Очернитель-1
Книжный	30		Жертвователь, кователь, насадитель, разгласитель			
Разговорные	21		Подпеватель, разлагатель, ухаживатель, уничтожитель			Опровергатель-1
Просторечные	13		Утеснитель, старатель, радатель, угоститель			
Официально-деловой, канцеляризм	9		Держатель, следователь, требователь, наниматель			
Церковные	8		Покровитель, настоятель, создатель, спаситель,			
Шутливая	4		Покоритель, управитель			
Ироническая	4		Сочинитель, повелитель.	1	25,0	Опровергатель-2
Торжественно-риторическая	3		Свершитель, обладатель, сеятель			
Неологизмы	1		Поднаниматель			
Пренебрежительная	1		Сочинитель			
Презрительная	1		Прихлебатель			
Неодобрительно	1		Разгласитель	1	25,0	Очернитель-2
Приподнятая	1		Целитель			
Поэтическая	1		Кователь			
Сумма	237	100		4	100	

Было выявлено 15 типов стилистических помет у 237 лексем. Это означает, что коэффициент стилистичности (Кст) (понятие о котором мы ввели elsewhere [Барт, Кузми]):

$$Кст = 237/544 = 0,436.$$

1. Наиболее многочисленны «устаревшие» лексемы (58,7% от 237 стилистически окрашенных лексем с суффиксом -тель): каратель, надругатель, приниматель, писатель, приобретатель, выручатель, сострадатель, оратель, путешествователь, вещатель, метатель, пленитель, предстатель, испытатель, перелагатель, записыватель, предвещатель, плаватель, опознаватель, соревнователь, умствователь, странствователь, погубитель, датель, держатель, кормитель, куритель, зиждатель и т.д.

2. Лексемы с пометой «книжный стиль» менее многочисленны (12,7%): обследователь, жертвователь, увеще-

ватель, содействователь, кователь, водворитель, подделыватель, вымогатель, истолкователь, обладатель, укоритель, насадитель, отразитель, толкователь, преследователь, завоеватель, повествователь, действитель, преобразователь, пояснитель.

3. Лексемы «разговорного стиля» составляет 8,9%: податель, смутитель, повторитель, толкатель, потакатель, распекатель, разлагатель, притязатель, маратель, подпеватель, ухаживатель, понукатель.

4. «Просторечная» лексика составляет 5,6%: сомуститель, вздыхатель, разжижитель, обиратель, угоститель, заправитель, утеснитель, старатель, хяатель и т.д.

5. Лексика «официально-делового стиля» дала 3,8%: держатель, следователь, требователь, наниматель, уведомитель, страхователь, жертвователь, укрыватель, сберегатель.

6. «Церковная, религиозная» лексика составляет 3,4%: покровитель, настоятель, создатель, спаситель, святитель, даятель, хранитель, промыслитель.

7. «Шутливая» лексика (1,7%): покоритель, управитель, повелитель, писатель.

8. «Ироническая» лексика (1,7%): сочинитель, науститель, повелитель, управитель.

9. Пометы «высокая, торжественно-риторическая речь» обнаружены у 1,1% лексем: свершитель, обладатель, сеятель.

По одной лексеме (0,4%) обнаружены: «неологизм» (подниматель), с оттенком «пренебрежительности» (сочинитель), с оттенком «презрительности» (прихлебатель), с оттенком «неодобрительности» (разгласитель), с оттенком «приподнятости» (целитель), и использующееся в «поэтической речи» (кователь).

В синхроническом плане стилистичность почти не выражена: «очернитель-1» (газетный стиль), «опровергатель-1» (разговорный разговорный), «очернитель-2» (неодобрительно) «опровергатель-2» (иронически).

6. Терминологические пометы у лексем с суффиксом -тель в диахронии.

Анализ терминологических помет у лексем с суффиксом -тель позволил выявить 14 сфер (табл. 6). Всего было выявлено 111 терминов, следовательно, коэффициент терминологичности имеет значение: $K_{терм} = 111 / 544 = 0,20$.

1. Отметим, что больше всего терминов в так называемом «специальном употреблении» — 55,9%: крепитель, сгуститель, заградитель, отделитель, ровнитель, опреснитель, опылитель, прочесыватель, обтекатель, заверитель, осушитель, толкатель, держатель, уловитель, очиститель, расширитель, отражатель, сгибатель, кантователь, пробиватель, прерыватель, комплектователь, разгибатель, паритель, ослабитель, ограничитель, подогреватель, протравливатель, охладитель, определитель, утяжелитель, разбавитель, засоритель, преломлятель, осветлитель, отоплитель, накопитель, осветитель, обвинитель, загуститель, окислитель, перекрыватель, зажигатель, повторитель, успокоитель, образователь, замыкатель, увеличитель и т. д.

Таблица 6. Терминологические пометы у лексем с суффиксом -тель в диахронии

Термины	Кол-во	%	Примеры
Специальное употребление	62	55,9	Охладитель, отделитель, прерыватель, заградитель, определитель, перекрыватель, зажигатель, окислитель, опрыскиватель
Технические	23	20,7	Уплотнитель, выпрямитель, высасыватель, нагреватель, двигатель, глушитель
Математические	4	3,6	Показатель, множитель, знаменатель, делитель
Юридические, право	4	3,6	Укрыватель, подниматель, даритель, пользователь
Медицинские, биологические	4	3,6	Носитель, сгибатель, возбудитель, вдуватель
Физические	3	2,7	Прерыватель, преобразователь, показатель
Электричество	2	1,8	Делитель, выключатель
Химические	2	1,8	Восстановитель, вытеснитель
Сельское хозяйство, садоводство	2	1,8	Уплотнитель, опрыскиватель
Экономические	1	0,9	Страхователь
Торговые	1	0,9	Фрахтователь
Морские	1	0,9	Фрахтователь
Фотография, кинематография	1	0,9	Увеличитель
Исторические	1	0,9	Заседатель
Сумма	111	100,0	

2. «Технические» термины составляют 20,7%: выравнитель, перегреватель, высасыватель, выбрасыватель, дробитель, подталкиватель, белитель, опрокидыватель, уплотнитель, наполнитель, размыватель, выравнитель, движитель, выключатель и т. д.

3. «Математических» терминов всего 3,6%: показатель, множитель, знаменатель, делитель.

4. «Юридических» терминов также 3,6%: укрыватель, подниматель, даритель, пользователь.

5. «Медицинские и биологические» термины 3,6% * (вдуватель, сгибатель, возбудитель.

6. «Физические» термины составляют 2,7%: прерыватель, преобразователь, показатель.

По 1,8% лексемы с суффиксом -тель относятся к таким терминосистемам, как «электричество» (делитель, выключатель), «химия» (восстановитель, вытеснитель) и «сельское хозяйство/садоводство» (уплотнитель, опрыскиватель).

Обнаружен один «экономический» термин (0,9%) (страхователь).

Лексема «фрагтователь» имеет две терминологические пометы: «торговый» и «морской» (по 0,9%). В области ки-

нематографии/фотографии один (0,9%) термин с суффиксом -тель: увеличитель. И последний исторический термин (0,9%) — заседатель.

Таким образом, впервые был получен целый ряд количественных лингвистических характеристик лексем с суффиксом -тель в русском языке.

Литература:

1. Бартков Б. И. О статусе некоторых словообразовательных формантов в современном английском языке // Особенности аффиксального словообразования в терминосистемах и норме. — Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. — С. 63–91.
2. Бартков Б. И. Количественные представления деривационной подсистемы и экспериментальный словарь 100 словообразовательных формантов русского языка (научный стиль и литературная норма) // Особенности словообразования в научном стиле и литературной норме. — Владивосток, 1982. — С. 114–163.
3. Бартков Б. И., Бочкарников М. Продуктивность, валентность и частотность суффикса -ств(о) в русском языке // Квантитативная дериватография, дериватология, фразеология и паремиология германских, славянских и романских языков. — Владивосток, 2010. — С. 127–140.
4. Бартков Б. И., Попов А. М. Суффикс -изм в современном русском языке // Квантитативная дериватография, дериватология, фразеология и паремиология германских, славянских и романских языков. — Владивосток, 2010. — С. 225–234.
5. Бартков Б. И., Попов А. М. Суффикс -ист в современном русском языке // Квантитативная дериватография, дериватология, фразеология и паремиология германских, славянских и романских языков. — Владивосток, 2010. — С. 234–240.
6. Бартков Б. И., Тарасенко Ю. А. Продуктивность суффикса -чик/-щик в русском языке // Квантитативная дериватография, дериватология, фразеология и паремиология германских, славянских и романских языков. — Владивосток, 2010. — С. 255.
7. Виноградов В. В. Русский язык. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1983. — 231 с.
8. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992. — 221 с.
9. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Просвещение, 1973.
10. Котелова Н. З. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов). — СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1995. — 877 с.
11. Лопатин В. В., Улуханов И. В. Словообразование // Русская грамматика. — М.: Наука, 1982.
12. Обратный словарь русского языка. — М.: Советская энциклопедия, 1974.
13. Потиха З. А. Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем. — Л.: Просвещение, 1974.
14. Потиха З. А. Современное русское словообразование. — 1970. — 384 с.
15. Словарь современного русского литературного языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17.
16. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. около 145000 слов. — М.: Русский язык, 1985.
17. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. — Киев: Рад. Школа, 1982. — 241 с.
18. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. — М.: Изд. МГУ, 1968.

Исконная деривационная морфема -тап в английском языке.

Часть 2. Семантика, структура

Бартков Борис Ильич, доцент;
Яроцкая Римма Александровна, ассистент
Дальневосточное отделение Российской академии наук

В результате количественного диахронического анализа ВСЕХ лексем с -тап установлено, что Pd=1301 лексем; выявлено 5 семем: «person» (71,4% значений), «object» (4,4%), «animal» (1,8%), etc. Выявлено 11 типов стилистических помет у 224 лексем (17,2% лексем) и 32 терминологических пометы у 68 лексем-терминов. Описано фонемное и морфемное тяготение суффикса -тап, а также его внешнюю суффиксальную валентность. Используя всю накопленную качественную и количественную информацию о суффиксе, дано его дериватографическое описание.

Ключевые слова. суффикс, продуктивность, семема, стилистические и терминологические пометы в диахронии, фонемное и морфемное тяготение суффикса, внешняя валентность

Thorough quantitative and qualitative analysis of all derivatives in -man has been made. Semantic, stylistic, terminologic and morphemic description made it possible to collect detailed information about such characteristics as semantic field, phonemic and morphemic attraction as well as valency of this morpheme. Subjective and objective status of this derivational morpheme has been calculated.

Key words. *suffix, productivity, sememe, stylistic and terminological tags, phonemic and morphemic attraction, external valency*

1. Формирование поля семем суффикса -man.

Известный советский лингвист [9] считает, что с морфема -man является суффиксом и образует слова со значением «лица или действующего лица, связанного с предметом или действием, выраженным основой».

Однако, полный набор семем, количество слов с каждой семемой, хронология формирования поля семем, сведения о внутренней и внешней валентности, продуктивности и других характеристиках на данный момент не известны. Многие лингвисты морфему -man суффиксом не считают [1; 8; 10; 13]. Составители крупнейших толковых словарей английского языка [14; 16] называют эту морфему термином «combining form».

Поскольку современного полного описания деривационной морфемы -MAN не существует, мы поставили своей задачей дать такое описание. Полный список лексем с -man был получен путем сплошного анализа толкового словаря [16], содержащего 600 тыс. словарных статей. В качестве источника структурно-семантической информации был взят крупнейший в мире диахронический словарь [14] объемом в 616 тыс. статей, из которого была извлечена вся релевантная информация о 1301 лексеме с -man. Методика научного описания деривационных морфем английского языка разработана нами ранее [2–7].

Рассмотрим хронологию появления характерных значений для слов, образованных с помощью суффикса -man (табл. 1).

Таблица 1. Формирование поля семем типа с -man в диахронии

Век	Person	Object	Animal	Mythonym	Plant	Unformal.	Сумма
VIII	8	-	-	-	-	-	8
IX	16	-	-	-	-	-	16
X	41	2	-	-	-	-	43
XI	14	-	-	-	-	-	14
XII	11	-	-	-	-	-	11
XIII	52	2	-	-	-	2	56
XIV	108	9	-	1	-	1	119
XV	101	3	-	-	-	5	109
XVI	291	10	3	3	1	8	316
XVII	272	23	7	2	2	15	321
XVIII	199	11	5	1	3	25	244
XIX	322	24	24	5	3	65	443
XX	165	14	2	-	-	360	541
Сумма	1600	98	41	12	9	481	2241
%	71,40	4,37	1,83	0,54	0,40	21,46	100,0

Анализ полученных данных позволил установить, что четко выделяются 5 семем.

Ряд значений лексем в словаре не имеет четко выраженной семемы, или значение в словаре не указывается (представлены в столбике unformalized), например, thresherman, weighbridgeman, rewuteman, quasiman, sheaveman, etc.

Наиболее многочисленными являются лексем с семемой «person, man» (лицо, деятель), они составляют 71,40%. Например: linkman — a person serving as a link between groups of people; kinsman — a man of one’s own kin; carman — an adult person; craneman — a man in charge of a crane; wild man — a man of savage; bondman — a man in bondage; churchman — a man of the church, slaughterman —

one who kills, etc. Из них 25% (403 слова) составляют высокочастотные слова, например: penman a man employed to use the pen for another; serviceman a man ho serves, or has served, in the armed forces; chinaman a native of China. Низкочастотные составляют 75% лексем с данной семемой (1197 слов), например: remainderman the person to whom a remainder is devised; javelinman a soldier armed with a javelin; dairyman a man engaged in the sale of milk and other diary produce.

Менее многочисленными являются семемы «object» (неодушевленный предмет), они составляют 4,37%. Например: guinea-man a vessel trading to the coast of Guinea, a slave ship; iron-man a kind of iron-ore; straitsman — a ship

suitable for the Straits; greenlandman a vessel engaged in the Greenland whale-fishery, etc. Из них 24,5% (24 слова) составляют высокочастотные, например: Scotchman a name of Scottish express; Peterman some kind of beer; fisherman a fishing boat. Низкочастотные составляют 75,6% лексем с данной семемой (74 слова), например: snowman a mass of snow made into the figure of a man; swordfisherman a vessel employed in fishing for swordfish; hookerman a ship.

Около 2% составляют лексемы с семемой «animal, bird, fly, fish». Например: waterboatman a water bug of the families Notonectidae or Corixidae; policeman a soldier-ant; spearman an insect name, etc. Из них 39% (16 слов) составляют высокочастотные, например: foreman a goose; а 61% (25 слов) низкочастотные, например: roman — a marine fish.

Семема «mythopim» составляет 0,54%. Например: merman the male of mermaid; seaman the male of mermaid; etc. Из них 42% (5 слов) составляют высокочастотные слова, например: Hillman an elf or troll; а а 58% (7 слов) низкочастотные, например: bullman a monster half bull half man.

Семема «plant» 0,40%. Например: Frenchman plants, whose leaves do not spread and grow large, but rather spire upwards, and grow tall; footman a moth of the family Lithosiidae, etc. Из них 78% (7 слов) составляют высокочастотные слова, например: Scotchman name for a smaller kind of a bushy grass, а 22% (2 слова) низкочастотные, например: greenman a name for Aceras anthropophora.

Остальные значения (21,46%) не формализуются.

Таким образом из 5 семем самой продуктивной является семема «person» 71,40%, а наименее продуктивной семема «plant» (0,40%).

Диахронический анализ процесса формирования значений показывает следующее:

Первоначально слова с формантом -man появлялись с семемой «person», которая является и самой многочисленной. Начиная с VIII века, количество лексем с данной семемой увеличивалось, и в XIX веке достигло 322, а в XX 165 лексем.

Постепенно лексемы с элементом -man начинают образовывать и другие семемы, так, например, в XVI веке появляются такие семемы, как «plant» и «animal». Семема «object» появляется еще в X веке, тем самым она является второй по времени появления, а также по количеству лексем.

Таким образом, семантическое поле суффикса -man начало формироваться в VIII веке, и за тринадцать веков суффикс приобрел такие значения, как виды животных, растений, предметы, а также мифологические существа. Но 21,46% значений не формализуются.

2. Формирование стилистических помет в диахронии.

В ходе анализа 1301 лексем с суффиксом -man было обнаружено, что некоторые из них содержат определенные стилистические пометы. В результате анализа было установлено следующее (Табл. 2).

Таблица 2. Формирование стилистических помет в диахронии

Век	Obs	Slang	Rare	Col	Dial	Hist	Arch	Nonce	Joc	Poet	Vulg	Sum
VIII	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
IX	1	-	-	-	-	-	2	-	-	1	-	4
X	4	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	6
XI	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
XII	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
XIII	5	-	1	-	1	3	-	-	-	-	-	10
XIV	5	-	2	-	1	1	2	-	-	-	-	11
XV	8	-	3	-	1	1	4	-	-	-	-	17
XVI	25	1	5	1	-	1	2	3	1	1	1	41
XVII	28	4	7	2	1	3	-	-	1	-	-	46
XVIII	8	1	6	-	2	2	-	-	-	-	-	19
XIX	2	20	4	7	7	1	-	3	1	-	1	46
XX	2	13	-	8	-	-	-	-	-	-	-	23
Сумма	89	39	29	18	13	12	10	6	3	3	2	224
%	39,7	17,4	12,9	8	5,8	5,4	4,5	2,7	1,3	1,3	0,9	100

Стилистические пометы у лексем с формантом -man появились не сразу, они были зафиксированы лишь в IX веке.

У лексем, появившихся в IX веке, зафиксировано 3 вида стилистических помет, в том числе «obsolete» — 1:

chapman (890); «archaic word» 2: chapman (890), shipman (900); «poetic word» 1: seaman (823).

У лексем, появившихся в X веке, обнаружено 3 вида стилистических помет, в том числе «obsolete» — 4, на-

пример: townsman (962), landman (1000), acreman (1000), foeman (1000); «rare» 1: landman (1000); «poetic word» 1: foeman (1000).

В XI веке стилистических помет не зафиксировано.

В XII веке встретилась всего одна помета «obsolete»: alderman (1130).

В XIII веке обнаружено уже 3 типа стилистических помет, из них «obsolete» 5, например: steersman (1250), bondman (1250), chapman (1225), horseman (1205); «rare» 1: steersman (1250); «historic» 3: shearman (1275), bondman (1250), gentleman (1225); «dialect» 1: chapman (1225).

В XIV веке зафиксировано 11 стилистических помет пяти разновидностей, из них «obsolete» 5, например: beadsman (1377), cogman (1389), waterman (1400), husbandman (1382); «archaic word» 2: goodman (1340), yeoman (1375); «rare» 2: footman (1382), cogman (1389); «historic» 1: wainman (1392); «dialect» 1: footman (1382).

В XV веке обнаружено 17 стилистических помет, из них «obsolete» 8, например: yeoman (1440), middleman (1435), watchman (1483), foreman (1425), gentleman (1425); «archaic word» 4, например: almsman (1483), merchantman (1449), daysman (1489); «rare» 3, например: ragman (1440), titheman (1450); «historic» 1: questman (1454); «dialect» 1: ringman (1483).

У лексем, появившихся в XVI веке, насчитывается 41 стилистическая помета, из них «obsolete» 25, например: watchman (1533), churchman (1523), foreman (1598), trencherman (1586), markman (1577), spokesman (1519), clergyman (1589); «archaic word» 2: beadsman (1600), goodman (1513); «rare» 5, например: freshman (1596), trencherman (1586), spokesman (1519), yeoman (1523); «poetic word» 1: goodman (1587); «historic» 1: goodman (1587); «vulgar» 1: genman (1550); «slang» 1: lightmans (1567); «colloquial» 1: lawman (1554); «nonce-word» 3: lawman (1535), waterman (1577), daysman (1598); «jocular» 1: goodman (1577).

У лексем, появившихся в XVII веке, насчитывается 46 стилистических помет, из них «obsolete» 28, например: churchman (1632), foreman (1603), spokesman (1607), clergyman (1609), gownsman (1675), gentleman (1611), bowman (1610), footman (1654), bellman (1617); «rare» 7, например: penman (1612), bellman (1617), questman (1691), headsman (1673), titheman (1639); «historic» 3: guineaman (1695), greenman (1682), kingsman (1639); «dialect» 1: prideman (1663); «slang» 4, например: topman (1607), foreman (1622), gentleman (1611); «colloquial» 2: Frenchman (1670), deadman (1700); «jocular» 1: gentleman (1692).

Лексем XVIII века содержат 19 стилистических помет. Из них «obsolete» 8, например: draughtman (1710), strokesman (1712), bayman (1715), liveryman (1743), showman (1797), Peterman (1767); «rare» 6, например: husbandman (1711), whipman (1797), strokesman (1712), draughtsman (1795); «historic» 2: minuteman (1774),

titheman (1747); «dialect» 2: statesman (1787), whipman (1797); «slang» 1: deadman (1764).

В XIX веке обнаружено 46 стилистических помет, из них «obsolete» 2, например: keyman (1851), gasman (1849); «rare» 4: gownsman (1886), pitman (1894), guardsman (1854), textman (1900); «historic» 1: kingsman (1809); «dialectal» 7, например: deadman (1839), masterman (1885), potman (1889), witchman (1851), snowman (1893); «vulgar» 1: youngman (1851); «slang» 20, например: oldman (1834), deadman (1839), waterman (1860), schoolman (1834), bagman (1875), fancyman (1811), familyman (1846), dustman (1877); «colloquial» 7, например: medicineman (1801), wheelman (1881), dustman (1821), waterman (1888), chinaman (1854); «nonce-word» 3: middleman (1845), guineaman (1810), ironman (1875); «jocular» 1: gentleman (1859).

У лексем, появившихся в XX веке, насчитывается 23 стилистических пометы, из них «obsolete» 2: keyman (1907), snowman (1931); «slang» 13, например: snowman (1967), houseman (1904), skyman (1952), toolman (1970), swingman (1969), matchstickman (1966), ironman (1959), bagman (1928); «colloquial» 8, например: lawman (1959), three-letter-man (1929), contactman (1926), birdman (1909), pitman (1961), waterman (1912).

Таким образом всего насчитывается 224 стилистических помет, из них 89 obsolete; 10 archaic; 29 rare; 3 poetic; 12 historic; 13 dialectal; 2 vulgar; 39 slang; 18 colloquial; 3 jocular; 6 nonce-words.

Рассматривая каждую стилистическую помету в отдельности, можно отметить следующее.

Стилистическая помета «obsolete» (около 40% всех стилистических помет) наблюдается во всех веках. Наибольшее количество этих помет встречается у лексем, возникших в XVII веке. В XIX и XX веках всего по 2 лексем имеют данную стилистическую помету, но это является естественным, потому что большинство стилистических помет «obsolete» приходится на слова, которые просуществовали 3–4 и более веков. С современной точки зрения они являются устаревшими. Например: bondman (1250), yeoman (1440), clergyman (1609), cogman (1389), light horseman (1688), blockman (1570), topman (1513). 45% этих помет приходится на высокочастотные слова, например: showman, fireman, gentleman, footman, alderman; а 55% составляют низкочастотные слова, например: landman, cogman, waterman, husbandman, headsman.

Стилистическая помета «slang» (17,4%) наблюдается с XVI века, причем количество лексем с данной пометой увеличивается с веками. Таким образом, если в XVI веке встретилась одна лексема (lightmans (1567)), то в XIX и XX веках встретилось 20 и 13 данных стилистических помет соответственно. Например: snowman (1967), Needleman (1925), fancyman (1811), familyman (1846), dustman (1877). 26% этих помет приходится на высокочастотные слова, например: knifeman, penman, alderman, Peterman, whiteman; а 74% составляют низкочастот-

ные слова, например: oldman, deadman, bagman, ахеман, Needleman, rodman, mainyardman.

Стилистическая помета «gare» (12,9%) наблюдается с XIII века и существует до XIX века. Больше всего этих помет встретилось в XVII веке, например: bellman (1617), questman (1691), headsmen (1673). 24% всех лексем «gare» приходится на высокочастотные слова, например: trencherman, spokesman, penman; а 76% на низкочастотные, например: ragman, yeoman, titheman, gownsmen.

Стилистическая помета «colloquial» встречается всего в четырех веках: XVI, XVII, XIX, XX. Наибольшее количество этих помет встречается в XIX веке, например: wheelman (1881), dustman (1821), waterman (1888), chinaman (1854). 33% разговорных слов относятся к высокочастотным, например: chinaman, Dutchman, Frenchman; а 67% к низкочастотным, например: masterman, wheelman, medicineman, birdman.

Стилистическая помета «dialect» составляет 5,8% и встречается с XIII по XIX века, наибольшее количество приходится на XIX век, например: masterman (1885), potman (1889), witchman (1851), snowman (1893). 38% диалектных слов приходится на высокочастотные слова, например: pickman, chapman, footman; а 62% приходится на низкочастотные слова, например: masterman, potman, statesman, whipman.

Помета «historic» составляет 5,4% всех стилистических помет, она также встречается с XIII по XIX века, наибольшее количество приходится на XVII век, например: guineaman (1695), greenman (1682), kingsman (1639). 25% приходится на высокочастотные слова, например: minuteman, goodman, а 75% на низкочастотные слова, например: greenman, kingsman, questman.

Стилистическая помета «archaic» составляет 4,5% всех помет, она встречается с XIV по XVI века, наибольшее количество приходится на XV век, например: almsman (1483), merchantman (1449), daysman (1489). 50% всех помет приходится на высокочастотные слова, например: shipman, goodman, beadsman; а 50% приходится на низкочастотные, например: foeman, yeoman, daysman.

Стилистическая помета «nonce-word» представляет 2,7% от всех стилистических помет, она встречается в XVI и XIX веках, по 3 в каждом веке. Например: daysman (1598), middleman (1845). 17% всех помет приходится на высокочастотные слова, а 83% на низкочастотные, например: waterman, guineaman.

Такие стилистические пометы, как «poetic», «vulgar», «jocular» составляют около 1% каждая, они встречаются

с XVI по XIX века. 62% этих помет приходится на высокочастотные слова, например: seaman (poet.), goodman (joc.), gentleman (joc.); а 38% на низкочастотные, например: youngman (vulg.), gemman (vulg.), foeman (poet.).

Таким образом, можно отметить, что всего было выявлено 224 стилистических пометы, т.е. около 15% всех лексем с формантом -man имеют стилистическую окраску. Наибольшим количеством стилистических помет отличаются XVII и XIX века (по 46 помет в каждом соответственно), а наиболее многочисленной пометой является «obsolete». Она составляет около 40% всех стилистических помет лексем, образованных с помощью форманта -man. С точки зрения частотности лексем, распределение стилистических помет происходит почти одинаково среди высокочастотных и низкочастотных слов, но 63% приходится на низкочастотные, а 37% на высокочастотные.

3. Формирование терминосистем дериватов с суффиксом -man в диахронии.

В ходе анализа 1301 лексемы с суффиксом -man было обнаружено 69 лексем, содержащих терминологические пометы, что составляет 5,3%.

Отметим, что термины среди лексем с формантом -man появились не сразу. Впервые они были зафиксированы лишь в XI веке. «Law»: shireman (1020). В XII и XIII веках терминологических помет не обнаружено.

В XIV веке встретилось 3 терминологических пометы. Из них «Law» 2: liegeman (1350), yeoman (1400) «Theology» 1: oldman (1382). В XV веке обнаружено 2 термина: «Mining» hammerman (1483), «Ecclesiastic» questman (1454). В XVI веке встретился один термин «Cricket» gentleman (1583). В XVII веке количество терминов увеличилось до 5. «Naut» landsman (1666), «Mining» oldman (1653), «Military» middleman (1616), partyman (1693), «Alchemy» redman (1610). В XVIII веке встретилось 6 терминов: «Naut» 3: topman (1748), libertyman (1758), norman (1769), «Cards' deadman (1786), «Astronomy» journeyman (1767). В XIX веке наблюдается рекордное количество терминов 31, например: «Antropology» apeman (1879), «Mining» reddsmen (1808), «Football» linesman (1891), «Ornithology» rifleman (1826), «Ichtiology» horseman (18..), «Theatre» flyman (1883), «Shoemaking» pressman (1895), «Mountaneering» middleman (1892). В XIX веке встретилось 19 терминов, например: «Mining» shotman (1905), «Archeology» snowman (1908), «Football» targetman (1978), «Logging» deadman (1905), «Surveying» staffman (1940).

Таблица 3. Формирование терминологических помет в диахронии

Терминосистема	Столетие								Сумма	%
	XI	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX		
Mining	-	-	1	-	1	-	7	1	10	14,7
Naut	-	-	-	-	1	3	4	1	9	13,2
Foot-ball	-	-	-	-	-	-	2	3	5	7,4

Терминосистема	Столетие								Сумма	%
	XI	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX		
Cricket	-	-	-	1	-	-	-	2	3	4,4
Law	1	2	-	-	-	-	-	-	3	4,4
Logging	-	-	-	-	-	-	1	2	3	4,4
Mil	-	-	-	-	2	-	1	-	3	4,4
Antiq	-	-	-	-	-	-	2	-	2	2,9
Hockey	-	-	-	-	-	-	1	1	2	2,9
Printing	-	-	-	-	-	-	2	-	2	2,9
Survey-ing	-	-	-	-	-	-	1	1	2	2,9
Theatre	-	-	-	-	-	1	1	-	2	2,9
Tech	-	-	-	-	-	-	2	-	2	2,9
Aeronaut	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1,5
Alchem	-	-	-	-	1	-	-	-	1	1,5
Antrop-olog	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1,5
Arch-eolog	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1,5
Broad-cast	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1,5
Cards	-	-	-	-	-	1	-	-	1	1,5
Chem	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1,5
Eccles	-	-	1	-	-	-	-	-	1	1,5
Electr	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1,5
Icht-iolog	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1,5
Mountain-eering	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1,5
Oil industry	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1,5
Ship-building	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1,5
Shoe-making	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1,5
Tennis	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1,5
Music	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1,5
Ornith-olog	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1,5
Sport	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1,5
Theolog	-	1	-	-	-	-	-	-	1	1,5
Сумма	1	3	2	1	5	5	31	19	67	100,0

Если рассматривать каждую терминологическую помету, то можно обнаружить, что наиболее многочисленной группой будут термины с пометой «Mining» (14,7%), например: wasteman (1812), reddsmán (1808), shotman (1905), fireman (1866). Так же можно выделить термины «Naut» (13,2%), например: libertyman (1758), topman (1748), scotchman (1841) и «Football» (7,4%), например: lineman (1907). Остальные термины встречаются намного реже, и их количество составляет 1–3, т. е. 4,4–1,5% соответственно.

У высокочастотных слов преобладающими терминологическими пометами будут «Mining», «Naut» и «Cricket», например: fireman (mining), scotchman (naut), chinaman (cricket). У низкочастотных слов преобладающие терминологические пометы включают «Mining», «Naut» и «Football», например: landsman (naut), wasteman (mining), targetman

(football). Высокочастотные слова составляют только 18% от всех лексем с терминологическими пометами, поэтому можно предположить, что чем чаще слово встречается, тем меньше у него терминологических помет.

Таким образом, среди лексем с суффиксом -man зафиксировано 68 терминов, наибольшим количеством терминов отмечен XIX век, а наиболее многочисленными являются терминологические пометы «Mining» и «Naut.»

4. Фонемное тяготение морфемы -man

Фонемное тяготение является важной характеристикой статуса суффикса. Фонемным тяготением называют «избирательное присоединение словообразовательного форманта к основам с определенными фонемами» [2–5; 15].

Результаты анализа фонемного тяготения суффикса -man представлены в таблице 4.

Таблица 4. Фонемное тяготение суффикса -man

Фонема	Кол-во	%	Примеры
[z]	151	11,61	Headsman, landsman, sizeman, tradesman
[s]	127	9,76	Craftsman, horseman, spaceman, setsman
[t]	118	9,07	Boatman, cotman, gateman, potman
[l]	105	8,07	Bellman, idlemán, mailman, tillman
[d]	82	6,30	Goodman, headman, madman, oddman
[k]	61	4,69	Markman, milkman, pikeman, workman
[n]	59	4,53	Craneman, gunman, penman, stoneman
[p]	39	3,00	Chapman, shipman, shopman, topman
[g]	34	2,61	Frogman, gigman, legman, pigman,
[ch]	29	2,23	Churchman, marchman, torchman, watchman
[ng]	23	1,77	Gongman, hangman, ringman, workingman
[dj]	21	1,61	Bargeman, forgeman, stageman
[sh]	18	1,38	Ashman, Irishman, washman, Welshman
[m]	14	1,08	Gemman, tramman
[f]	11	0,85	Chaffman, halfman, knifeman, wolfman
[b]	9	0,69	Cabman, clubman, herbman
[th]	7	0,54	Garthman, Northman
[v]	7	0,54	Caveman, graveman, loveman
[th] sonant	3	0,23	Latheman, titheman
[*] neutral	153	11,76	Anchorman, cornerman, fisherman, letterman, waterman
[i]	96	7,38	Cityman, clergyman, fairyman, quarryman
[ou]	25	2,93	Bowman, foeman, followman, no-man
[ei]	23	1,77	Bayman, highwayman, layman, wayman
[i:]	16	1,23	Freeman, gleeman, keyman, seaman
[u:]	11	0,85	Crewman, decuman, purlieuman
[o:]	13	1,00	Lawman, Norman, sawman, warman
[e*]	12	0,92	Airman, chairman, squareman, wareman
[ai]	6	0,46	Highman, pieman
[a:]	6	0,46	Barman, carman, scarman
[au]	2		Cowman, ploughman
[oi]	2		Decoyman, toyman
Прочие	18		Radioman, commandoman, moorman, puerman
Сумма	1301	100,0	

Установлено, что на морфемном шве между производящей основой и суффиксом -man встречается 36 фонемы, из них 19 согласных и 17 гласных. Таким образом, фонемное тяготение суффикса -man выражается величиной $Ph=36$.

Самыми многочисленными являются финалы производящих основ с исходами на следующие фонемы: [z] (11,61%), [ə] (11,76%), на которые в сумме приходится 23,37% исходов. На следующие 5 фонемных исходов приходится 40,58%: [s] (9,76%), [t] (9,07%), [l] (8,07%), [i] (7,38%), [d] (6,30%). Следовательно, на 7 фонемных исхода приходится 63,95% всех случаев. На остальные 29 фонем приходится 36,05% исходов. Это указывает на существование избирательного присоединения суффикса -man к определенным финальным фонемам производящих основ. Приведем примеры фонемного тяготения суффикса -man.

Согласные исходы:

1. исходы на [z] составляют 11,61%: beadsman, headsman, townsman, tradesman, landsman, steersman, redesman, reinsman, nagsman, tongsman, dragsman, houseman, viseman, sizeman;

2. исходы на [s] составляют 9,76%: horseman, craftsman, spokesman, marksman, congressman, grassman, chessman, Scotsman, Glassman, tatsman, taxman, sussexman, setsman, spaceman;

3. исходы на [t] составляют 9,07%: cotman, footman, postman, boatman, toftman, beastman, portman, craftman, handicraftman, potman, gateman, marketman, pitman;

4. исходы на [l] составляют 8,07%: gentleman, bellman, mailman, nobleman, idlemán, tableman, tillman, molman, flugelman, wheelman, pivotalman, economicalman;

5. исходы на [d] составляют 6,30%: goodman, woodman, madman, semimadman, hiredman, headman, deadman, hundredman, yardman, oddman, dockyardman;

6. исходы на [k] составляют 4,69%: markman, jackman, workman, kirkman, lockman, pikeman, milkman;

7. исходы на [n] составляют 4,53%: gunman, penman, craneman, wainman, townman, lanternman, stoneman, greenman, linenman;

8. исходы на [p] составляют 3,00%: midshipman, shipman, charman, copeman, shopman, sheepman, topman;

9. исходы на [g] составляют 2,61%: ragman, pigman, cogman, ringman, prigman;

10. исходы на [tʃ] составляют 2,23%: Frenchman, Dutchman, churchman, watchman, marchman, preachman, torchman, leachman, sandwichman;

11. исходы на [dʒ] составляют 1,61%: bargeman, forgerman, stageman, Orangeman, bridgeman;

12. исходы на [ŋ] составляют 1,77%: hangman, wingman, youngman, waitingman, gongman, tithingman, readingman;

13. исходы на [ʃ] составляют 1,38%: Englishman, Irishman, freshman, Ashman, scottishman, marshman, Welshman, washman;

14. исходы на [m] составляют 1,08%: gemman, trammnan, abrahamman;

15. исходы на [f] составляют 0,85%: halfman, knifeman, staffman, turfman, wolfman, chaffman;

16. исходы на [b] составляют 0,69%: clubman, tubman, herbman;

17. исходы на [θ] составляют 0,54%: garthman, northman, waithman;

18. исходы на [v] составляют 0,54%: caveman, graveman, loveman, locomotiveman;

19. исходы на [ð] составляют 0,23%: titheman, latheman.

Гласные исходы:

1. исходы на [ə] составляют 10,76%: fisherman, Peterman, alderman, trencherman, sailorman, anchorman, acreman, innerman, drogherman, cornerman, oliverman, polderman, swordfisherman, ripperman, heaterman;

2. исходы на [i] составляют 7,38%: countryman, clergyman, quarryman, cityman, galleyman, hackneyman, journeyman, jerseyman, fairyman, washeryman, grizlyman, tobyman;

3. исходы на [ou] составляют 1,92%: bowman, followman, yeoman, trowman, попан, foeman;

4. исходы на [ei] составляют 1,77%: layman, highwayman, clayman, wayman, bayman, drayman;

5. исходы на [i:] составляют 1,23%: seaman, threeman, freeman, unfreeman, keyman, gleeman;

6. исходы на [u:] составляют 0,85%: crewman, decuman, purlieuman, birlieuman;

7. исходы на [o:] составляют 1,00%: погман, lawman, warman, oarman, sawman;

8. исходы на [εə] составляют 0,92%: chairman, airman, repairman, shareman, wareman;

9. исходы на [iə] составляют 0,61%: frontierman, spearman, steerman, choirman;

10. исходы на [ai] составляют 0,46%: highman, sayman, pieman;

11. исходы на [a:] составляют 0,46%: carman, barman, scarman, tarman;

12. исходы на [o] составляют 0,31%: radioman, tobaccoman, commandoman;

13. исходы на [uə] составляют 0,23%: тоогман, ruerman;

14. исходы на [oi] составляют 0,15%: decoyman, toyma;

15. исходы на [au] составляют 0,15%: cowman, ploughman;

16. исходы на [z:] составляют 0,15%: мерман, firman;

17. исходы на [æ] составляют 0,08%: spraeман.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: внутренняя фонемная валентность суффикса -man оставляет 36 фонем. Сильнее всего этот суффикс тяготеет к следующим 10 фонемам [z, ə, s, t, l, i, d, k, n, p], на которые приходится около 75% всех основ (то есть три четвертых). На остальные 26 финали приходится одна четвертая основ. Фонемное тяготение у суффикса -man выражено довольно ярко.

5. Морфемное тяготение суффикса -man.

Морфемное тяготение это количественная предпочтительность присоединения данного суффикса к основам с определенным суффиксом. Результаты анализа морфемного тяготения представлен в таблице 5.

Таблица 5. Морфемное тяготение суффикса -man

Суффикс	Кол-во	%	Примеры
-er, n	24	52,2	Fisherman, innerman, reminderman, trencherman
-or, n	1	2,2	Sailorman
-ish, a	2	4,3	Englishman, Scottishman
-ed, a	1	2,2	Hiredman
-y, a	3	6,5	Handyman, pickieman
-craft, n	3	6,5	Aircraftman, handcraftman
-ing, a	10	21,7	Leadindman, singingman, workingman, wateringman
-al, a	1	2,2	Economicalman
-an, a	1	2,2	Rhodesianman
Сумма	46	100,0	

Анализ выборки из 1301 слова показал, что суффикс -man обладает внутренней морфемной валентностью. В словаре зафиксированы случаи его присоединения к суффиксам существительных: -er, -or, craft и прилагательных: -ing, -ish, -y, -ed, -al, -an. Всего выявлено 46 случаев такого присоединения, что составляет 3,5% от общего числа лексем. Рассмотрим эти случаи подробнее.

У высокочастотных слов наблюдается всего 7 случаев присоединения к 4 суффиксам: -er (alderman, fisherman, trencherman, frontiersman), -ing (workingman), -ish (Englishman), -y (handyman). У низкочастотных наблюдается 37 случаев присоединения к 9 суффиксам: -er (innerman, stretcherman, swordfisherman, rollerman, codfisherman, drierman), -or (sailorman), -craft (handcraftman, handcraftsman, handicraftsman), -ing (leadingman, readingman, singingman), -ish (scottishman), -y (pickierman, tallyman), -ed (hiredman), -al (economicalman), -an (rhodesianman).

Таким образом морфемное тяготение у суффикса -man выражено довольно слабо, только 3,5% всех слов с -man

были образованы путем присоединения суффикса -man к другому деривационному суффиксу. Больше всего суффикс -man тяготеет к суффиксам -er (52,17% всех случаев) и -ing (21,74%), которые в сумме составляют 73,91% всего внутреннего морфемного тяготения.

6. Внешняя валентность суффикса -man.

Анализ выборки из 1301 слова показал, что суффикс -man не обладает сильной внешней валентностью. В тоже время он не является терминальным, так как способен присоединять другие суффиксы. Всего найдено 153 случая такого присоединения, что составляет 11,7% от общего числа анализируемых лексем.

Анализ показал, что лексемы с -man обладают не сильной внешней валентностью. В словаре зафиксированы случаи присоединения 10 суффиксов существительного: -ship, -hood, -ry, -ism, -ate, -craft, -ing, -cy, -ty, -ess и 6 суффиксов прилагательного: -ly, -like, -ish, -ic, -ical, -ed. Рассмотрим эти случаи подробнее с точки зрения частотности слов.

Таблица 6. Внешняя валентность суффикса -man

Суффикс	Кол-во	%	Примеры
-ship, n	82	53,66	Seamanship, freshmanship, swordsmanship, assmanship, stagemanship
-hood, n	8	5,23	Gentlemanhood, freshmanhood, gigmanhood, godmanhood
-ry, n	6	3,92	Gentlemanry, showmanry, portmanry, sokemanry
-ism, n	5	3,27	Normanism, showmanism, supermanism
-ate, n	2	1,31	Aldermanate, hetmanate
-craft, n	2	1,31	Woodmancraft, statesmancraft
-ing, n	2	1,31	Gentlemaning, tallymancraft
-ity, n	2	1,31	Aldermanity, giganity
-cy, n	1	0,65	Aldermancy
-ess, n	1	0,65	Gimaness
-ly, a	17	11,11	Churchmanly, watchmanly, sportsmanly, kinsmanly, vestry, manly
-like, a	15	9,80	Frenchmanlike, husbandmanlike, statesmanlike, tradesmanlike
-ish, a	4	2,61	Normanish, oldmanish, youngmanish
-ic, a	3	1,96	Aldermanic, freshmanic, gigmanic
-ical, a	2	1,31	Aldermanical, clergymanical
-ed, a	1	0,65	Servingmaned
Сумма	153	100,0	

Суффикс -ship составляет 53,59% всех случаев. Из них 44% высокочастотные (36 лексем), например: horsemanship, sportsmanship, hetmanship, helmsmanship, midshipmanship, coachmanship, watchmanship; и 56% (46 лексем) низкочастотные, например: axemanship, draughtsmanship, packmanship, tallymanship, swordsmanship, draftsmanship, pressmanship, hutsmanship, stagemanship, whipmanship.

Суффикс -hood составляет 8 лексем (5,23%), из которых 3 высокочастотных: gentlemanhood, freshmanhood, highwaymanhood, и 5 низкочастотных: youngmanhood, godmanhood, gigmanhood, supermanhood, yeomanhood.

Суффикс -ry встретился 6 раз (3,92%), 3 высокочастотных лексемы: showmanry, gentlemanry, aldermanry; и 3 низкочастотных: portmanry, sokemanry, yeomanry.

Суффикс -ism встретился 5 раз (3,27%), из них 2 высокочастотных слова: normanism, showmanism и 3 низкочастотных: supermanism, gigmanism и quartodecumanism.

Суффиксы -ate, -craft, -ing, -ity встретились по 2 раза (1,31% каждый). 5 высокочастотных лексем: aldermanate, hetmanate, woodmancraft, gentlemaning, aldermanity, и 3 низкочастотных: statesmancraft, tallymaning, giganity.

Суффиксы -су и -ess встретились по 1 разу (по 0,65 % каждый), высокочастотный *aldermancy* и низкочастотный *gigmaness*.

Суффикс прилагательного -ly встретился 17 раз, что составляет 11,11 % от всех слов, из них 71 % (12 слов) высокочастотные лексемы: *watchmanly*, *seamanly*, *workmanly*, *sportsmanly*, *noblemanly*, *freshmanly*, *clergymanly*; и 5 слов низкочастотных: *kinsmanly*, *statesmanly*, *vestrymanly*, *supermanly*, *yeomanly*.

Суффикс прилагательного -like встретился 15 раз, что составляет 9,8 % от всех слов, из них 87 % (13 слов) высокочастотные лексемы: *frenchmanlike*, *woodmanlike*, *seamanlike*, *sportsmanlike*, *tradesmanlike*, *gentlemanlike*, *aldermanlike*, и 2 низкочастотных слова: *husbandmanlike*, *statesmanlike*.

Суффикс -ish встретился 4 раза (2,61 %), из них 1 высокочастотное слово: *poormanish* и 3 низкочастотных слова: *youngmannish*, *oldmannish*, *middlemannish*.

Суффикс -ic встретился 3 раза (1,96 %), из них 2 высокочастотных слова: *aldermanic* и *freshmanic*, и 1 низкочастотное: *gigmanic*. Суффикс -ical встретился 2 раза (1,31 %), а суффикс -ed 1 раз (0,65 %), из них все слова высокочастотные: *aldermanical*, *clergymanical*, *servingsmaned*.

Следовательно, внешняя валентность суффикса -man существует, но выражена довольно слабо (11,7 %).

Таким образом, впервые получено количественное структурно-семантическое описание суффикса -man на основе анализа исчерпывающе полной выборки лексем.

Литература:

1. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. — М.: Изд-во лит. на иност. яз., 1956. — 260 с.
2. Бартков Б. И. Английские суффиксоиды, полусуффиксы, суффиксы и словарь 100 словообразовательных формантов современного английского языка // *Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме*. — Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. — С. 3–62.
3. Бартков Б. И. Количественный деривативный английский языка (300 аффиксов научного стиля и литературной нормы). Препр. — Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. — 63 с.
4. Бартков Б. И. Количественная семантика английских деривационных типов // *Форма и содержание единиц языка и речи*. — Владивосток: Дальнаука, 1998, — С. 3–12.
5. Бартков Б. И. О статусе некоторых постфиксальных словообразовательных формантов в современном английском языке // *Особенности аффиксального словообразования в терминосистемах и норме*. — Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. — С. 63–91.
6. Бартков Б. И., Федюкина А. В. Возникновение, структура и функция деривационной модели с суффиксом -o(logy) в английском языке // *Словообразовательная номинация в терминосистемах и норме*. — Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. — С. 20–48.
7. Яроцкая Р. А., Бартков Б. И. Исконная деривационная морфема -man в английском языке. Часть 1. Продуктивность и полисемичность // *Тр. ДВГТУ*. — Вып. 147, 2007. — С. 231–238.
8. Зятковская Р. Г. Суффиксальная система современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1971. — 181 с.
9. Карашук П. М. Словообразование английского языка: учебное пособие. — М.: Наука, 1977. — 244 с.
10. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. — М.: Наука, 1976. — 244 с.
11. Arnold I. V. (Арнольд И. В.) *The English Word*. — М.: Просвещение, 1973. — 303 с.
12. Jespersen O. A. *Modern English Grammar on Historical Principles*. Pt. 6. Morphology. Copenhagen, 1942. — 570 p.
13. Marchand H. *The categories and types of present-day English word-formation*. Wiesbaden. O. Harrassowitz, 1960. — 319 p.
14. *The Oxford English Dictionary* (2-nd edition), Oxford University Press, 1967.
15. Vassilyev V. A. *English Phonetics*. — Moscow: Higher School publishing House, 1970. — 322 p.
16. Webster's New International Dictionary of the English Language. 2 nd ed. Cambridge, Mas.: G. and C. Merriam Co., 1946. 3210 p.

Особенности литературно-художественного стиля в городских легендах Хоккайдо

Блытова Ирина Валерьевна, студент
Сахалинский государственный университет

Городские легенды — это современная разновидность мифа, на первый взгляд, правдоподобная история, опирающаяся на современную техническую и общественную реальность, обычно затрагивающая глубинные проблемы и страхи современного общества. Исходя из выше сказанного, основная идея легенд заключается в том, чтобы в индизнавательной форме донести до читателей некий скрытый смысл, предупреждение или мораль. Будь то различие между добром и злом, или как следует поступить в той или иной ситуации.

Городские легенды принято относить к литературно-художественному стилю. Литературно-художественный стиль речи — это язык литературы и искусства. Он используется для передачи эмоций и чувств, художественных образов и явлений. Цель литературно-художественного стиля — воздействие с помощью созданных образов на чувства и мысли читателей и слушателей.

К особенностям литературно-художественного стиля относятся:

1. Совпадение автора и рассказчика, яркое и свободное выражение авторского «я».

2. Языковые средства являются способом передачи художественного образа, эмоционального состояния и настроения рассказчика.

3. Использование стилистических фигур — метафор, сравнений, метонимий и др., эмоционально-экспрессивной лексики, фразеологизмов.

4. Многостильность. Применение языковых средств разных стилей (разговорного, публицистического) подчинено выполнению творческого замысла. Из этих сочетаний постепенно складывается то, что называют авторским стилем.

5. Использование речевой многозначности — слова подбираются так, чтобы с их помощью не только образы «рисовать», но и вкладывать в них скрытый смысл.

Не все особенности, указанные выше, можно отнести к тексту легенд. В городских легендах отсутствует авторское рассуждение, отсюда можно сделать вывод, что свободного выражения авторского «я» и особого авторского стиля также нет.

В легендах Хоккайдо можно обозначить такие особенности литературно-художественного стиля, как использование языковых средств и стилистических фигур:

ところが、そのとたん、男は氣を失ってしまったそうだ。そうして、よく朝氣がつくと、体じゅう、キズだらけだったそうだ。キツネにはがさいだんだの。ところ-*га*, соно тотан, отоко-*ва* ки-*о* усинатта симатта со: да. со: ситэ, ёку аса ки-*га* тцуку-*то*, карада дзю:, кидзудати кэдатта со: да. китцунэ-*ни* багасайдан-*да*-*но*. «Сделав это, потерял сознание. Очнувшись утром,

он внимательно осмотрел себя и заметил, что его тело покрыто царапинами. Наверное, его околдовала лиса».

Также, можно проследить такие черты как эмоциональность и экспрессивность:

— 「わっ、鬼だ！」彦造はびっくりしてにげだそうとしました。ваа, онида! хикодзо: — ва биккури сите нигэда со: — то симасита. «Ааа! Демон! — закричал испуганный плотник и ринулся прочь».

Следует обозначить такие черты, как речевые портреты и образное отражение действительности:

— 女の顔が血の氣を失なったように青白く映っている。onna-*но* као-*га* тизэ-*но* кэ-*о* усинатта-*ё*: — ни аодзироку уцуттэ иру. «Ее лицо было бледным, словно она потеряла много крови».

При анализе текста городских легенд Хоккайдо можно выделить его грамматические и лексические особенности, которые характеризуют его как относящийся к литературно-художественному стилю.

1. Лексические особенности:

а. широкое использование различных средств художественной выразительности, например эпитетов:

— やけどしたかおとハチさんにさされたおしり *якэ-досита* као-*то* хатисан-*ни* сасарэта осури «обожженное лицо и ужаленный зад».

— とてもとてもうつくしい *тотэмэ тотэмэ утцу-кусии* «очень красивая».

— みずばらしいすがたのツル *мисуборасии сугата-*но* цуру* «невзрачный журавль».

— 甘くておいしそうな匂い *амакутэ ойсисона ниой* «сладкий, вкусный запах».

Также используются такие средства выразительности, как сравнение и антитеза:

— おくびょうなとこまでかい主にそっくりだ。акубё: на токо-*мадэ* кайнуси-*ни* соккурида. «Трусливая как и ее хозяин».

— おじいさんのとなりに、いじわるなおじいさんがすんでいました *одзи-сан-но тонари-ни, идзиваруна одзи-сан-га сундэ имасита*. «По соседству с добрым дедушкой жил сварливый и злой дед».

б. Употребление ономаатопэтической лексики:

— むしゃむしゃ *мусямуса* — обозначает неприличный звук поедания пищи набитым ртом;

— ワンワン *ванван* — обозначает лай собаки, «гав-гав»;

— ポリ ポリ ポリ ポリ *пори пори пори пори* — обозначает некий хруст, «хрум-хрум-хрум»;

— わっはっは *ваххаха* — обозначает звук смеха.

с. Использование фразеологизмов:

— みるみる *мирумиру* «прямо на глазах»;

— あっというまに *атто иу ма-ни* «в мгновение ока».

d. Употребление наречий. Для подобных произведений характерны такие наречия как «давным-давно», «в некотором царстве-в некотором государстве», «за тридевять земель» и т. п. Это особая лексика для придания произведению загадочности и сказочности:

- *むかしむかし* *мукасимукаси* «давным-давно»;
- *ある日* *арухи* «однажды»;
- *みるまに* *мирума-ни* «очень быстро»;
- *ようやく* *ё: яку* «наконец».

e. Употребление междометий для того, чтобы придать тексту больше экспрессивности и эмоциональности:

- *さあ* *саа* «ну-ка!»;
- *ふん* *фун* «ха!»;
- *おい* *ой* «эй!»;
- *おやおや* *оая* «ох!».

f. Использование разговорной лексики:

- *あいつ* *айцу* «я»;
- *おれ* *орэ* «я»;
- *あんた* *анта* «ты».

2. Грамматические особенности:

a. Отсутствие больших по объему предложений. Так как легенды, преимущественно, рассчитаны на детей, то они написаны на достаточно просто и доступном языке: нет длинных и сложных предложений, грамматика простая. Например:

— *むかしあるところに、まずしいおじいさんとおばあさんがいました。ムカси* *арутокоро-ни, мадзуси одзи-сан-то обаа-сан-га имасита*. «Давным-давно, жили-были, бедные старик со старухой».

— *すると中から、げんきな男の子が生まれてきました。すру-то нака-кара, гэнкина отоко-но ко-га умарэтэ* *кимасита*. «Когда она это сделала, то из него появился здоровый малыш».

b. Использование просторечной формы. Например, диалоги или монологи написаны в разговорной форме японского языка:

「*おやおや、かわいそうに、さあさあ、はなしてあげる。これからは、きをつけるんだよ*」*かわいそうにおもったおじいさんはツルをにがしてあげました。оая, каваисо: — ни, саасаа, ханаситэ агэру. Корэ-кара-ва, ки-о тцукурундаё*» *каваисо: — ни омотта одзи-сан-ва цуру-о нигасите агэмасита*. «Ух ты, какой красивый, ну что ж, вызволю тебя. Ты уж в следующий раз будь поосторожней — сказал старик и выпустил журавля».

Литература:

1. Алпатов В. М. Языкознание в Японии. — М.: Муравей, 1983. — 107 с.
2. Васина Н. И. Так говорят японцы: крылатые фразы на японском и русском языках: учебное пособие. — М.: Астрель, 2006. — 175 с.
3. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи: учебное пособие. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. — 384 с.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
5. Ёрэй-дэ вакару кангёку дзитэн. (Фразеологический словарь: пойдем через примеры). — Токио: Гаккэн кэнкюся, 2007.

c. Использование вопросительных и восклицательных предложений:

— *さるさん* *いっただうしてりゅうぐうじょうにきたんだい? сару-сан иттаи до: ситэ рю: гу: дзё: — ни китандай?* «Обезьяна, зачем ты приехала во дворец?»

— *僕はいいよ...。アイ* *ойидэ!* *боку-ва ийё... Ай ойидэ!* «Я? Хорошо... Ай, пойдём!»

— *アイのせいで、みんなにばかにされたんだぞ!* *ай-но сэйдэ, минна-ни бака-ни сарэтандадзо!* «Из-за тебя все меня обзывают дураком!»

d. Употребление заключительных частиц. Для того, чтобы придать тексту более эмоциональную окраску:

— *はやくめを出せかきのたね。出さぬとはさみでちょんぎるぞ* *すると、みるみるめが出ました。хаяку мэ-о дасэкаки-но танэ. Дасану-то хасами-дэ тёнги-рудзо* *суру-то, мирумиру мэ-га дэмасита*. «Поскорее вырастай, а не то раздавлю тебя клешнями, — когда краб это пропел, прямо на его глазах, зернышко превратилось в большое дерево».

— *ワニさん、ワニさん、わたしちウサギとワニさんたちと、どっちがおおいとおもうかい。вани-сан, вани-сан, ватаситати унаги-то вани-сан тати-то, дотти-га оой-то омоукай*. «Акула, как ты думаешь, кого больше зайцев или акул?»

— *早くかえってねてなきやだめだぜ* *хаяку каэттэ нэтэнакя дамэ дадзэ*. «Быстро возвращайся домой и ложись спать!»

— *ロウソク* *出せ、出せよ、出さぬとかつちやくぞおまけに食いつくぞ。* *ро: соку дасэ, дасё, дасану-то кат-тякудзо омакэ-ни киутцукудзо*. «Дайте свечу, дайте! А если не дадите, то мы вас поцарапаем, да еще и покусаем!»

Подводя итог лексико-грамматического анализа, можно сделать вывод о том, какими особенностями литературно-художественного стиля обладает текст городских легенд Хоккайдо. В них преобладает разговорная лексика, используется большое количество средств художественной выразительности и фразеологизмов. Также легенды Хоккайдо весьма эмоциональны, что подчеркивается употреблением в тексте заключительных частиц, междометий, восклицательных и вопросительных предложений. Текст легенд весьма прост для чтения, это объясняется тем, что он рассчитан на детей, и подчеркивается отсутствием больших по объёму предложений, и употреблением достаточно простой грамматики.

6. Жукова И. В. Стилистика японского языка. — М.: Восточная литература, 2002. — 111 с.
7. Иноуэ Ф. Хигаси-нихон-но «синхо: тэн» (Новые диалекты Восточной Японии). — Токио: Гаккэн кэнкюся, 1992.
8. Легенды Хоккайдо. — Хоккайдо: Нихон хёдзюн, 1981. — 256 с.
9. Миллер Р. Японский язык. История и структура. — Токио: Тайсю: канн ситэн, 2005.
10. Страшные истории Хоккайдо. URL: <http://ncode.syosetu.com/n4343bj/> (дата обращения: 15.07.2016).
11. Шинкаренко, В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства. — М.: КомКнига, 2005. — 208 с.

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецкой рецепции (период до Второй Мировой войны)

Головачева Екатерина Александровна, менеджер, преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В статье рассмотрены основные этапы ранней рецепции романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Германии, представлена характеристика каждого периода, проведена систематизация переводов романа на немецкий язык до Второй мировой войны по хронологическому принципу.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, немецкая культурная рецепция, роман «Преступление и наказание», немецкий натурализм, неоромантизм, экспрессионизм, социал-демократическое течение

В Германии творчество великого русского писателя Ф. М. Достоевского становится известным уже в середине XIX века. Немецкой общественностью Ф. М. Достоевский воспринимается как великий мыслитель, философ, психолог и прорицатель. «Писатели и критики, философы и ученые, представляющие разные направления и школы, проявили полное единодушие в оценке Достоевского-психолога» [1, с. 183–184]. Особый интерес к Ф. М. Достоевскому отчасти связан с особой культурной и политической близостью России и Германии, родством исторических судеб, преемственностью философской мысли. «Универсализм немецкой культуры, необыкновенная разработанность, богатство и гибкость немецкого языка, способного адаптировать себе почти любой оригинал, — позволяет немцам говорить о «всемирной отзывчивости» германской души ничуть не с меньшим правом, чем Достоевскому применительно к русской» — подчеркивает А. Б. Криницын [2, с. 178].

В начале XX века появляются первые немецкоязычные исследования, посвященные творчеству великого русского писателя: эссе Г. Бара, работы Н. Гоффманн, П. Наторпа, В. Тисса, М. Брука, К. Нотцеля, М. Шелера, Э. Штайгера, О. Сойка, Р. М. Рильке и др. Впервые историей рецепции Ф. М. Достоевского в Германии заинтересовались сами немцы, так первой фундаментальной работой по исследованию всех статей и книг немецких критиков о творчестве русского писателя становится монография теолога и германиста Т. Кампманна (1899–1983) «Достоевский в Германии» («Dostojewski in Deutschland»), выпущенная в 1931 году. В ней Т. Кампманн выделяет основные этапы восприятия творчества Достоевского в Германии: натурализм, неоромантизм, экспрессионизм. Рецепция Ф. М. Достоевского в Германии проходит через призму протестантской и католической критики, психоаналитического, социологиче-

ского, марксистского, национал-социалистического идейного восприятия [2, с. 204]. В настоящее время можно сказать, что существует большое количество исследований, посвященных рецепции творчества Ф. М. Достоевского, не только в России, но и в Германии.

Особая роль в немецкой культурной рецепции творческого наследия Ф. М. Достоевского принадлежит роману «Преступление и наказание». Роман создавался под влиянием определенных социально-экономических, культурных, исторических событий России того периода (последствия Крымской войны, отмена крепостного права, становление капиталистических отношений, юридическое бесправие рабочего класса, изменения в экономической структуре общества, обнищание беднейших слоев населения, укрепление экономического положения зажиточной верхушки общества, становление народнических организаций, различные заговорщически-террористические и радикальные настроения в обществе, жесткая цензура и т. п.) и событий в жизни Ф. М. Достоевского, повлиявших на его мировоззрение (предшествующая каторга, значительные материальные затруднения писателя, события личной жизни, критическое восприятие писателем буржуазно-либеральных ценностей, интерес к уголовной хронике, обращение к религиозным ценностям).

Первое упоминание о романе «Преступление и наказание» в Германии появляется в 1967 году еще до первого его перевода на немецкий язык в статье «Neue Erscheinungen der russischen Literatur» («Новые произведения русской литературы») в журнале «Magazin für die Literatur» уже через год после опубликования романа в России. Анонимный автор рецензии утверждает: «этот роман невозможно причислить к тем произведениям современного периода, которые останутся надолго». Рецензент сожалеет, что Достоевский «полностью принадлежит к реалистиче-

ской школе» и «что в его романах отсутствует возвышенное идеальное изображение жизни», он считает, что «в целом фантастический образ его героя полон несуразностей и искусственно подобранных черт». Автор этой первой статьи о романе лишь вскользь упоминает о Достоевском, давая весьма поверхностные и неглубокие характеристики [3, с. 72–73], как и остальные критики донатуралистической поры, ученые, авторы монографических трудов по русской культуре. В это время немецкая литература переживает упадок, вызванный поражением Революции 1848–1849 гг., приобретает провинциальный характер, избегает постановки острых социально-политических тем. Большое распространение получает философия Шопенгауэра, распространяются идеалы индивидуализма, иррационализма и пессимизма [4, с. 342]. В целом, восприятие творчества Достоевского в Германии до 1882 года характеризуется достаточно поверхностным и неглубоким отношением к творчеству русского романиста. Произведения воспринимались как обличительные, при этом критики отмечали в них стилистическую и художественную неоднородность [5, с. 22].

В 1882 году, в период расцвета немецкого натурализма, В. Генкелем осуществляется первый перевод романа «Преступление и наказание» («Raskolnikow») [6]. Перевод имеет выдающийся успех и ложится в основание изучения творчества Достоевского европейской критикой. Как утверждает Теодорих Кампман в своей монографии «Достоевский в Германии», «Раскольников» считается самым значительным произведением великого русского классика вплоть до конца 90-х годов. «Достоевский сделался в глазах немцев, с одной стороны, ярчайшим проявлением новооткрытой русской культуры, с другой — выразителем кризиса современного европейского сознания» [7]. Философская проблематика, изображенная в романе «Преступление и наказание» была близка и понятна для немецкой культуры. С одной стороны, это было связано с тем, что, на рубеже XIX–XX вв. в Германии уже сложилась национальная школа перевода, самобытность которой заключается в строгом идейно-содержательном следовании оригиналу и творческом воссоздании индивидуального стиля писателя, а с другой стороны — с расцветом немецкого натурализма (1880–1900) — весьма многогранного явления, связанного с обострением политических проблем в немецком обществе. Всестороннее художественное исследование обыденной жизни в произведениях русских писателей 1840–70-х гг., развернутое в них объективное изображение острых социальных противоречий имело огромное влияние на немецких писателей-натуралистов [4, с. 376]. Е. Цабель отмечает, что в этот период представители немецкой словесности «стали вплотную и систематически заниматься замечательными явлениями русской литературы серьезнее, чем это делалось раньше» [8, с. 377]. А. Рейнгольд в своей работе «История русской литературы» подчеркивает, что «с этого момента, собственно говоря, и начинается повальное увлечение русскими писателями, появляется желание их переводить» [9, с. 693].

Необходимо отметить, что обличительный социальный пафос романа «Преступление и наказание» производит сильное впечатление на разных представителей немецкой литературы конца XIX в.: в этом признаются в своих работах Г. Гауптман, К. Блайбтрой. Особую психологическую глубину этого произведения отмечают П. Хейзе, К. Ф. Мейер, Т. Циглер, Г. Харт. А. А. Рейнгольд также отмечает, что Достоевский привлекает его особое внимание как писатель-реалист и психолог [10].

С 80-х годов XIX века в литературной жизни Германии наступает период постепенного угасания идей натурализма и увлечение новым течением — неоромантизмом, толчком к становлению которого послужили идеи философии Ф. Ницше. Этот период можно охарактеризовать как протест против дегуманизации личности и реакцию на натурализм, веру в яркую индивидуальность и ценностные идеалы в прозе жизненных обстоятельств [11, с. 309–312]. В этот период происходит смена направления в освоении, восприятии и трактовке романа «Преступление и наказание», в связи с этим связано появление второго знакового перевода романа в интерпретации Ганса Мозера («Schuld und Sühne» («Вина и искупление»), 1887 год) [12].

Начало XX века характеризуется особым интересом немецкой общественности к творчеству Ф. М. Достоевского, как и к России в целом, что связано с Первой русской революцией (1905–1907), желанием понять особенности русской национальной культуры, изучить моральные и нравственные проблемы, изображенные в произведениях Достоевского, раскрыть «загадку русской души». Известно, что в начале XX века немецкая общественность сравнивает Достоевского с Иисусом Христом. Например, известный поэт-модернист XX века Р. М. Рильке пишет: «незабываемые явления и великие примеры Иисус Христос и Достоевский. Однако именно слово последнего человеческое, не превращенное в догму слово, будет для России более существенным, чем было для Европы слово Иисуса Назарейского, которое оказалось втиснутым в рамки громоздких систем» [13, с. 172]. В романе Рильке «Заметки Мальте Лауридса Брутцер» 1910 года прослеживается влияние русского писателя, а в 1901 году Рильке начинает перевод романа Достоевского «Бедные люди».

Особое внимание немецкой общественности к творчеству Ф. М. Достоевского доказывает и тот факт, что два немецких издательства — «Пипер» (в 1905) и «Инзель» (в 1920) — начинают подготовку перевода полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского. Эти проекты, безусловно, способствуют как активизации широкого общественного интереса к творчеству Ф. М. Достоевского в Германии, так и более тонкому пониманию особенностей русской культуры в целом. В целом период с 1900–1910-е гг. отмечен особым всплеском переводческого интереса к роману «Преступление и наказание»: в 1903 г. Вильгельм Таль (Wilhelm Thal) предлагает свой вариант под уже традиционным названием «Raskolnikoff», в 1907 году публикуется перевод Вольдемара Йенсена (Woldemar Jensen) под тем же

заглавием «Raskolnikoff», в этом же году появляется перевод Адама Котулски (Adam Kotulski) «Raskolnikow oder: Schuld und Sühne» («Раскольников или: Вина и искупление»). В 1908 году издательство «Пипер» осуществляет очередной перевод романа «Преступление и наказание», выполненный М. Феофановым (Rodion Raskolnikoff. (Schuld und Sühne.)). Стилистически этот перевод обрабатывается публицистом, литературным критиком, и идеологом национал-консервативного движения Мёллером ван ден Бруком, находившимся под влиянием философских взглядов Ф. В. Ницше и Д. С. Мережковского. В целом этот перевод пользуется большим успехом, несмотря на стереотипность прочтения «Преступления и наказания» в историко-религиозном ключе, что способствует развитию русско-германского диалога культур [14, с. 190–193].

10–20-е гг. XX века знаменуют появление нового направления в немецкой культуре. В эти годы Германия становится родиной уникального явления в литературной жизни — экспрессионизма. Этот период характеризуется сменой мировоззренческой парадигмы. Немецкие экспрессионисты подчеркивают главенство содержания над формой, выдвигают на первый план некие абстрактные этические ценности. Основным отличием немецкого экспрессионизма являлось отрицание существующих норм, ценностей, вкусов. Художники и писатели начинают остро осознавать несостоятельность капиталистического строя и невозможность общественного прогресса. В целом, искусство экспрессионистов носит бунтарский характер, что в первую очередь было связано с определенными историческими событиями, произошедшими в Германии [15, с. 537]. Период экспрессионизма в Германии характеризуется своеобразным творческим ответом немецкой интеллигенции на острейшие проблемы, которые выдвинули мировая война, Октябрьская революция в России и Ноябрьская революция в Германии, осознанием несостоятельности капиталистического строя. Общей философской базой экспрессионизма становятся идеалистические учения Э. Гуссерля и А. Бергсона. Новое видение человека и понимание ценности самой жизни созвучно для экспрессионистов с морально-духовной идеологией, описанной в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Поэтому период после Первой мировой войны характеризуется в Германии наивысшей степенью интереса к творчеству Ф. М. Достоевского как к писателю, который не только описывает проблемы современного общества и индивида, но и заставляет читателя вдумчиво искать пути их разрешения.

В 1912 году роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского выходит в переводе Германа Рёля (1851–1923) под названием «Schuld und Sühne» («Вина и искупление») [16]. Его интерпретация «Преступления и наказания» представляет собой подробное комментирование каждой детали, каждой мысли героев, ориентацию на адаптированную передачу национального русского характера немецкому читателю. Несмотря на неточности перевода в синтаксическом и графическом плане, перевод

Г. Рёля способствует более глубокому знакомству немецкого читателя с творчеством Ф. М. Достоевского. После 1912 года переводы «Преступления и наказания» издавались 6 раз: 1921 г. перевод А. Элиасберга, 1924 г. переводы Г. Ярчо и Б. Дедека, 1925 г. перевод М. Груземанна, 1928 г. перевод В. Бергенгрюна, 1933 г. перевод В. Лесовски. Этот период определил особое восприятие творчества великого русского писателя и его многогранное влияние на интеллектуальную жизнь Германии.

В рамках экспрессионизма свое пристальное внимание на творчество Ф. М. Достоевского обращает знаменитый австрийский критик, автор множества новелл и беллетризованных биографий Стефан Цвейг. В своей статье о русской литературе «Достоевский: Миф саморождения» (1915) Стефан Цвейг отмечает глубокую идею духовного возрождения человека Достоевского и его «мысль силы»: «Преступление необходимо, чтобы родить чистоту» [17, с. 111]. В работе «Три мастера: Диккенс, Бальзак, Достоевский» («Drei Meister. Balzac, Dickens, Dostojewskij») 1919 года С. Цвейг подчеркивает значимость диалога русской и европейской культур: «...значение русского человека для Европы, оцепеневшей в оболочке своей культуры, в том, что тут неистощенная изобретательность еще раз ставит вечности все вопросы жизни: там, где мы застыли в нашей цивилизации, другие еще охвачены пламенем» [18, с. 96]. Известный писатель и переводчик М. Груземан в своей книге «Достоевский» также рассматривает творчество великого русского писателя в традициях экспрессионизма, для него Ф. М. Достоевский является богом «мистической муки, восторга, сладострастия и экстаза» [2, с. 192].

Важным направлением в рецепции романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» становится новое течение в культурной жизни Германии — революционное и социал-демократическое. Особую популярность в литературной жизни Германии приобретает жанр — роман: интеллектуальный роман, роман исторический и социальный. Немецкая литература все чаще обращает внимание на проблемы социальной поляризации и несовершенства общественных отношений. Огромное влияние на развитие общественно-политической жизни Германии в XX веке оказывает рабочее движение и учение К. Маркса, в котором основной акцент ставится на проблему равенства и необходимости развития капитализма. Острая социальная проблематика и реалистичность в творчестве Ф. М. Достоевского в целом привлекает внимание общественных и политических деятелей того времени (Р. Люксембург, О. Каус, Л. Левенталь и др.). Идеологи революционного и социал-демократического движения рассматривают творческое наследие Ф. М. Достоевского в «духе социальной критики», они находят в них «протест против бедности и социального бесправия низших слоев общества». В социал-демократическом журнале «Die neue Zeit», сплотившем в 80–90-е годы марксистское ядро, было впервые положено начало освоения Достоевского в социалистической и рабочей печати. Журнал был призван ознакомить немец-

ких трудящихся с русской классической литературой. Так в 1884 г. в журнале «Die neue Zeit» Р. Швейхель, литературный критик-социалист и представитель демократической литературы Германии второй половины XIX в., публикует статью о «Преступлении и наказании» («Об одном русском романе»). В своей статье Р. Швейхель выдвигает на первый план социально-критическую направленность романа: «Значение романа состоит не в самом преступлении, а в его мотивах...», при этом теорию Раскольникова по словам Р. Швейхеля «можно объяснить односторонним взглядом на историю, ложным истолкованием прав человека, но только при учете крайне нездоровых социальных и политических условий жизни, которые воздействуют на одаренного и восприимчивого человека — а таковым и является Раскольников, — необычайно глубокой болезненно» [19, с. 65–66]. Р. Люксембург отмечает отличительную черту в произведениях Ф. М. Достоевского «великодушную любовь к человечеству и глубокое чувство личной ответственности за социальную несправедливость» [20, с. 176]. О. Каус рассматривает творчество Ф. М. Достоевского с точки зрения марксистской идеологии. Для него Достоевский является мастером социальной характеристики, в произведениях которого нет «ни одного человека, кото-

рый не был бы отмечен неизгладимой печатью своей социальной принадлежности» [21, с. 151].

Следующим новым знаковым периодом в рецепции романа «Преступление и наказание» в Германии становится период после Второй мировой войны, который вызван определенными историческими событиями, глобальным переделом мира, желанием переосмыслить произведения великих классиков русской литературы. Этот период характеризуется разным восприятием Ф. М. Достоевского в восточной и западной Германии. Период поздней рецепции Ф. М. Достоевского также связан с «зарождением филологического интереса к Достоевскому», «стремлением к сохранению полноты оригинала произведений великого писателя» [2, с. 203].

Таким образом, различные исторические события, нашедшие свое отражение и в литературной жизни Германии, а также многочисленные переводы «Преступления и наказания» в разные периоды по-разному представляли мир Ф. М. Достоевского немецкому читателю. Менялось идейное восприятие романа великого русского классика, немецкие критики, переводчики, читатели концентрировали внимание на определенных сторонах творчества писателя, обнаруживали психологическую, философскую, социальную глубину романа.

Литература:

1. Дудкин, В. В. Достоевский в немецкой критике (1882–1925). — Достоевский в зарубежных литературах. — Ленинград: Наука, 1978. — 240 с.
2. Криницын, А. Б. Достоевский в Германии / Достоевский и XX век. Под ред. Т. А. Касаткиной: в 2 томах. Т. 2. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — 576 с.
3. Неделя. 1866. 10 апр. N 5. Литературные заметки.
4. Гуляев, Н. А. История немецкой литературы: учеб. для студентов факультетов и институтов иностранных языков / Гуляев Н. А. и др. — М.: Высш. шк., 1975. — 602 с.
5. Kampmann, Th. Dostojewski in Deutschland. Phil. Diss. Munster, 1930. (Literaturhistorischer Abteilung. Bd. 10).
6. Dostojewski, F. M. Raskolnikow: Roman. / Übersetzt v. W. Henckel. — Leipzig: Verlag v. W. Friedrich, 1882. Berlin: Grottesche Verlagsbuchhandlung, 1894.
7. Криницын, А. Б. Достоевский в Германии. Часть первая [Электронный ресурс] / А. Б. Криницын. — URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/46345.php> (дата обращения: 27.05.2016).
8. Zabel, E. F. M. Dostojewski. — «Deutsche Rundschau» (Berlin), Jg. 15, 1889, Bd. 59, H. 9. — S. 377.
9. Reinholdt, A. Geschichte der russischen Literatur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. Leipzig. 1886.
10. Дудкин, В. В., Азадовский К. М. Достоевский в Германии / Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. — М., 1973. Т. 86. — 659740 с.
11. Луков, В. А. Неоромантизм / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — No2. — С. 309–312
12. Dostojewski, F. M. Schuld und Sühne / Roman a. d. Russ. nach 7. Aufl., übersetzt v. H. Moser. Leipzig: Universal-Bibliothek, 1888.
13. Рильке, Р. М. Ворпсведе. О. Роден. Письма. Стихи. — М., 1971. — 172 с.
14. Романова, Г. И. Судьба первого немецкоязычного собрания сочинений Ф. М. Достоевского / Г. И. Романова // Филология Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Ловачевского. — 2015. — № 2. — С. 190–193.
15. Павлова, Н. С. Экспрессионизм. — В кн.: История немецкой литературы, т. 4. — 537 с.
16. Dostojewskij, F. M. Schuld und Sühne / Übers. v. H. Rohl. Inselverlag zu Leipzig, 1912. Philipp Reclam, 1999.
17. Zweig Stefan. Dostojewskij. Der Mythos der Selbstgeburt // Die Zukunft. 23. Jg., № 17 (23.1.1915). — S. 111
18. Zweig Stefan. Drei Meister. Balzac, Dickens, Dostojewskij. Leipzig: Insel-Verlag, 1921. — 255 S.
19. Schweichel, R. Der naturalistische Roman... — H. 2. — S. 65–66.
20. Люксембург, Р. О литературе. — М.: Худ. лит., 1961. — 351 с.
21. Kaus, O. Dostojewski und sein Schicksal. Berlin, 1923. — 558 S.

Особенности языковой личности Криса Вейганта как субъекта англоязычного политического блог-дискурса

Долгова Ксения Ивановна, студент

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

Статья посвящена рассмотрению языковой личности политического блоггера Криса Вейганта и изучению ее вербально-семантического уровня. Результатом анализа языковых, композиционно-стилистических и прагматических особенностей его постов и комментариев становится выявление особенностей присущих англоязычному политическому блоггеру, как субъекту нового и актуального типа дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, языковая личность, уровни языковой личности, блог-дискурс, языковая картина мира

Языком политической коммуникации является политический дискурс, который на сегодняшний день может рассматриваться не только как дискурс политиков, но и как дискурс реагирования, чье содержание речевого произведения является политическим. Основной целью данного вида политического дискурса является распространение определенных политических идей. Одним из самых актуальных и молодых жанров данного вида дискурса является блог-дискурс, выделившийся в связи с исследованием возможностей Интернета.

Языковая личность играет важную роль, будучи субъектом, реализующимся в производимых ею дискурсах. В ходе лингвистического анализа уровней языковой личности можно охарактеризовать и самую языковую личность, определить степень владения обыденным языком (фонетические, грамматические знания), выявить жизненную позицию, индивидуальный стиль, репрезентировать языковую картину мира. По классификации предложенной Ю. Н. Карауловым, языковая личность является многокомпонентным явлением, сочетающим в себе три уровня: вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационный. На первом (базовом) уровне не проявляется индивидуальность языковой личности, однако он важен для ее становления. Кроме того, этот уровень отражает степень владения обыденным языком, а также частично репрезентирует ее языковую картину мира.

Объектом данной работы выступает политический блог дискурс.

Предметом исследования является вербально-семантический уровень языковой личности Криса Вейганта.

В ходе работы использовались следующие *методы*: библиографический анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме исследования, теоретический анализ, лингвистические методы компонентного, контекстуального, интерпретативного анализа, сравнение.

Понятие «дискурс» является достаточно сложным, что подтверждается огромным количеством различных, порой противоречащих друг другу трактовок данного понятия. Ещё в работах В. фон Гумбольдта, во второй половине прошлого столетия, начали затрагиваться вопросы о тексте, как о феномене человеческой культуры, что определило антропоцентрическое направление в лингвистике. В. З. Демьянков по этому поводу говорит, что дискурс является специ-

альным научным термином, указывающим на человеческую духовность [4, с. 5].

Общепринятое и наиболее известное определение дискурса дано отечественным ученым, специализирующимся в области теории дискурса В. И. Карасиком, в его работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс»: «Дискурс — это текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, погруженный в жизнь» [5, с. 47]. Многие ученые поддерживают данный взгляд на дискурс, определяя его как сложное единство языковой практики, а также экстралингвистических факторов [2, с. 167].

Дискурс рассматривается лингвистами в различных исследованиях, посвященных определенным типам общения. Выделяются разные виды дискурсов, каждый из которых имеет своих специфические ключевые понятия. Наиболее полную и систематичную классификацию предлагает В. И. Карасик, выделяя политический, деловой, массово-информационный, рекламный, научный и другие дискурсы.

По сравнению с другими видами дискурсов, именно политический гораздо чаще проявляется в социуме и именно его одним из первых начали исследовать лингвисты. С данным явлением люди сталкиваются ежедневно, а борьба за власть является одной из самых актуальных проблем.

Политический дискурс, на сегодняшний день, может рассматриваться не только как дискурс политиков, но и как дискурс реагирования, являющийся реакцией на первый. Содержание данного речевого произведения политично, однако реализуется он в неинституциональной сфере. Также можно выявить тенденцию к сращиванию с другими дискурсами, например, с масс-медийным. Данная связь делает политический дискурс публичным и массовым.

Англоязычный политический дискурс, в свою очередь, обладает специфическими характеристиками данного понятия, такими как: политическая корректность, ориентация на будущее, воспитание общественного мнения, частотное использование цитирований, публичный характер дискурса, высокий уровень воздействия и высокий процент использования терминологии и специфических терминов.

Блог, как жанр политического дискурса, появился сравнительно недавно, около десяти лет назад и выделился он в связи с исследованием возможностей Интернета. С тех пор структура его значительно изменилась, и теперь блог — это публичная площадка, направленная на оперативное

распространение информации и осознанную ориентацию на публичного читателя, а также привлечение к социально-значимым проблемам.

Исследования отечественной блогосферы указывают на ведущую роль политической и общественной тематики. Как результат, многие представители власти стали вести блоги в Интернете, а для блогеров данная тематика является один из самых доступных способов повышения популярности.

Во второй половине XX века появился интерес со стороны лингвистов к понятию «языковой личности». В научных исследованиях ещё отсутствует его единая трактовка, а данный термин только начинает входить в лингвистические исследования. Феномен уровней языковой личности находится под постоянным и пристальным вниманием многих лингвистов, таких как В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, Г. И. Богин, К. Ф. Седов, В. Д. Лютикова и др., однако основным считается подход Юрия Николаевича Караулова, который называет языковой личностью человека, обладающего определенными способностями и характеристиками для создания и восприятия произведений речи. На основе анализа текстов, созданных данной языковой личностью, в которых он использовал какие-либо системные средства для описания окружающей его действительности, можно охарактеризовать и саму языковую личность [6, с. 27]. Виртуальная языковая личность также самореализуется в производимых ею дискурсах и обладает энциклопедической, лингвистической и интерактивной компетенциями, которые позволяют ей владеть знаниями о компьютерных технологиях, языковыми знаниями и правилами сетевого этикета.

Феномен уровней языковой личности по классификации Караулова заключается в связи вербально-семантического, лингво-когнитивного и мотивационного уровней, создающих полноценный тип языковой личности. На анализируемом, вербально-семантическом уровне, проявляется степень владения обыденным языком, литературная норма, характерная для данного общества, происходит изучение и описание ее лексикона. Данный уровень важен для становления языковой личности, и он является частичной презентацией языковой картины мира.

Языковая картина мира — это некое языковое членение мира, выражающееся различными языковыми средствами, т. е. в языке. Языковая картина мира структурирована, подвержена изменениям и развитию, передается из поколения в поколение, формирует представление об окружающем мире у носителей языка. Языковая личность, в свою очередь, организует содержание высказывания в соответствии с языковой картиной мира.

В качестве одного из характерных проявлений виртуальной языковой личности может быть рассмотрен ее вербально-семантический уровень, согласно которому предполагается изучение и описание ее лексикона. Единицы данного уровня — отдельные слова, объединенные в стандартные словосочетания, простые предложения и фразы, которые выступают как своеобразные клише и шаблоны не позво-

ляют проявить индивидуальность языковой личности, однако он важен для ее становления.

В ходе анализа данного уровня языковой личности Криса Вейганта были рассмотрены материалы, созданные данным политическим блоггером за текущий 2016 год (в общей сложности 83 поста). Блог Криса Вейганта отличается от других блогов, не конкретно политической позицией, а индивидуальным стилем автора, особенности которого проявляются при языковом, композиционно-стилистическом и прагматическом анализе созданных им постов и комментариев.

Анализ языковых особенностей в постах и комментариях показал, что посты К. Вейганта богаты профессиональной и терминологической лексикой, которую можно распределить на несколько тематических групп:

1) политическая лексика: *president, constitution, senate, political party, debates, caucuses, authority, totalitarianism, democracy, socialism, ideology, communism, bureaucracy, nazism, nationalism, consolidation, federal law, federal government, presidential race, campaign, governor, political protest, Republicans, Democrats, congress, veepstakes* и др.

В следующих примерах можно проследить частое использование политической лексики: *“Your biggest glaring disrespect and disregard for the United States Constitution slips out in your own language, too. You use the phrase “the whole process around electing judges”. Maybe you should check that Constitution all good Republicans are supposed to carry around in their pockets, because I’ve actually read the document and you know what it says? Judges are not elected in the United States of America. Federal judges — all of them, up to and most certainly including the Supreme Court — are appointed by the president, and confirmed by the Senate. The voters have zero direct input into the process at all — by design. The original intent — remember this concept? — is that the voters have only an indirect say, in the election of the president. Originally, they only had a twice-removed say in the Senate, because originally senators were selected by state legislatures — the voters didn’t even get a vote on them at all. The selection of judges was never meant to be at the whim of the voters, which you could tell if you ever actually thumbed through the Constitution itself”*.

“The party almost universally agreed that there had been too many political debates in the 2012 cycle (20 or more) and that the onstage squabbling among the candidates weakened the eventual nominee heading into the general election. The R. N. C. warned candidates there would be sanctions for appearing in any political debates that were not officially approved by the party. This would avoid any rogue debates by independent media organizations who hadn’t asked for Republican Party approval”.

2) экономическая лексика: *corruption, budget, capital, economy, crisis, default, investment, burse, taxes*. Например, данные лексемы частотны в следующих постах: *“One*

of the biggest elements in our society that facilitate corruption is the way our politicians finance their election campaigns. The best way to win an election is to get your name out there to the people; however, that takes funding”.

“Whether Obama was speaking of the economy, the economic prowess of our country, or our economic leadership on the world stage, Obama again and again made the case: “Those say America is in decline are peddling fiction”.

3) социальная лексика: *health care, social care, insurance, demography, mortality, natality.*

К примеру, в следующих постах К. Вейгант пишет: *“Clinton claims she’ll get more done because she’ll be focusing much more on the do-able Democratic agenda items. Single-payer health insurance won’t even be discussed. Clinton argues that such incremental steps could actually be achieved, possibly as tradeoffs for incremental steps Republicans want (either in health care, or elsewhere in a budget bill)”.*

“On several issues — the minimum wage, health care, free public college tuition for all (to name just three) — Clinton is not only to the right of Sanders, she’s actually using Republican arguments to make her case. I was surprised that Sanders missed a big opportunity to throw Clinton’s own words back in her face on the health care issue”.

“Clinton, almost echoing Grover Norquist, has taken a very hard line: no new taxes for “the middle class” (which both she and Bernie astonishingly define as any single individual making up to \$ 250,000 a year — not exactly what I think of when I think of the “middle class”, but that’s a side issue)”.

4) духовная лексика: *moral, honour, fairness, God, religion*, которая является еще одной важной сферой жизни любого общества. Данная лексика представлена в постах анализируемого блоггера в следующих примерах: *“In a government where money talks, morals mean almost nothing”.*

“It is a little more complicated than it first might seem, at least for those who care about the concepts of fairness and honour”.

“Bernie Sanders just had the best two weeks on the campaign trail we’ve yet seen. He actually touched the problems of religion, devoutness and moral education on the eve of Easter. “In God We Trust”.

Особенной чертой индивидуального стиля К. Вейганта — является эмоциональность речи, экспрессивность, посредством того, что автор использует лексику различных функциональных стилей, а также равноуровневые эмоционально-оценочные языковые единицы. Жаргонная, диалектная лексика, а порой и лексика с негативной окраской составляют отдельную группу. Это объясняется тем, что автор имеет прагматическую установку, проявляющуюся в выражении критического отношения автора к американской политической власти. С этой целью, блоггер использует в своих статьях следующие слова и выражения:

“The Republican Party has always traditionally presented itself as a tough-guy party, full of cowboy swagger”.

“This isn’t all that surprising, since any ideological purge eventually leads to hair-splitting and bickering among the faithful”.

“Or maybe he’ll just stage his own debates instead, and invite the other candidates to appear in front of his hand-picked panel of sycophants”.

“We did watch most of the GOP debate last night, although by this point these events seem nothing more than an endless loop of blather”.

“Since presidents can only control the federal government (and not the state or local governments), if the feds screwed up in Flint, how would Republicans make the situation better so it never happened again?”

“This time around, after the dust settles in the fracas over tonight’s debate, Trump will likely once again emerge stronger”.

“But then if Hillary Clinton wins, then they’ll quickly confirm Obama’s nominee in the lame-duck period at the end of the calendar year”.

“But I’m not talking about the “how to fix what is wrong with our party’s platform” ideas. There were a whole lot of other nuts-and-bolts “how to fix the process” ideas which the party establishment had far greater control over”.

“The party almost universally agreed that there had been too many debates in the 2012 cycle (20 or more) and that the onstage squabbling among the candidates weakened the eventual nominee heading into the general election”.

“Part of the post-mortem from 2012 included complaints about the moderators of these debates — because who wants “the damned liberal media” asking questions to up-standing conservative candidates?”

“Clinton is arguing that Sanders won’t be able to get any of his pie-in-the-sky plans through Congress because of the white-hot hatred conservatives will have for a self-professed Democratic Socialist”.

“Trump’s already the biggest birther around (over Obama), so it’s only natural that he would play the “born in Canada” card at some point”.

Помимо указанных примеров, автор также использует следующие выражения: *bigwigs* — 21 раз, *birther* — 21 раз, *far-fetched* — 20 раз, *suck up* — 20 раз, *fracas* — 20 раз, *longshot* — 19 раз, *lame duck* — 19 раз, *cronyism* — 19 раз, *hush money* — 19 раз, *outsider* — 19 раз, *scapegoat* — 18 раз, *brouhaha* — 18 раз, *freakout* — 16 раз, *badmouth* — 16 раз, *junkies* — 15 раз, *dyed-in-the-wool* — 14 раз, *highway robbery* — 14 раз, *gloss over* — 12 раз, *killjoy* — 12 раз, *pie-in-the-sky* — 12 раз, *balderdash* — 9 раз, *hair-splitting* — 9 раз. Данные слова и выражения делают речь блоггера более экспрессивной, служат средством идентификации личности автора, а также позволяют ему органично вписаться в разные политические Интернет-сообщества, быть признанным «своим», что способствует росту популярности и посещаемости данного блога.

Анализируя языковые особенности языковой личности на вербально-семантическом уровне нельзя не отметить использование в его работах языковой игры, нарушения стандарта, например, в процессе создания неологизмов. Т. Б. Карпова указывает на то, что Интернет это самая свободолюбивая коммуникативная среда, позволяющая языковой личности экспериментировать с языком [7, с. 71].

1) Словообразовательные неологизмы, созданные по модели «сложение»:

"Trump will do his Trumptastic thing, as usual".

Fearmongering, gadget (girl and midget), *triplethink* (неологизм, созданный по примеру "doublethink").

2) Суффиксальный способ образования неологизмов:

"Bernie is now focusing on making the "electability" argument, which he can do because of the head-to-head polling showing him to be the stronger Democratic candidate against either Trump or Cruz".

Mavericky, hotheadedness, Trumpism (saying things as loudly as possible, never admitting error, and diverting all attacks with clever use of the "some people are saying" dodge).

3) Префиксальный:

"In one of the oddest dynamics of any primary election, both Trump and Cruz are fighting to see who can get the most "anti-endorsements" (disendorsements? unendorsements?) from the bigwigs in their party".

"Haley then spent almost the entire rest of her speech smacking Trump around (she did have the usual "here's what Republican Utopia would look like if we got the White House back" sort of thing at the end, but it was really secondary to the anti-Trump points she made)".

"Cruz and Rubio would sincerely like to just award themselves all of the non-Trump vote, but that's not exactly the way elections work".

Такое коммуникативное поведение автора позитивно воспринимается его читателями.

Кроме того, блоггер К. Вейгант использует слова и выражения компьютерного жаргона, реализуя функцию учета фактора адресата: *blog* — 23 раза, *blogger* — 21 раз, *to post* — 21 раз, *site* — 21 раз, *link* — 19 раз, *hashtag* — 15 раз, *blogosphere* — 15 раз, *tweet* — 14 раз, *trolling* — 14 раз.

В следующих примерах можно отметить использование лексики, относящейся к компьютерной сфере: *"The conventions will occur right around the tenth anniversary of this blog. I began blogging when I was invited to do so by the Huffington Post in the summer of 2006, and a year later launched ChrisWeigant.com in order to provide daily political reality-based blogging (posting too often at the Huffington Post is frowned upon, but they don't seem to have a problem with me posting three times a week). This blog grew slowly at first, but has seen huge increases in traffic in the past four or five years, to the point where it now regularly gets over half a million page views per month. There used to be a blog-ranking site (Technorati.com) where you could judge your blog's popularity against similar sites,*

but sadly they abandoned this service a while back, so it's hard to rate how we stand against other popular political blogs these days".

"In fact, I'd be willing to bet that tomorrow, at least one enterprising blogger will have a "Who said it?" post which directly compares sentences from Nikki Haley's speech to almost-identical phrases from Obama's speech".

"The hashtag «#NeverTrump" appeared as a rallying cry, and millions of dollars are being donated by fatcats for the purpose of (finally!) running some scathing anti-Trump ads to take the insurgent down".

"Frank Luntz, famed conservative pollster, tweeted last night: "22 out of my 25 focus group members said tonight's #GOPDebate will hurt Republicans in the general election. This has to stop. Seriously".

Будучи Интернет-блоггером, автор не может обойтись без использования данной лексики, учитывая особенности своей аудитории, на которую направлено его речевое воздействие.

Наиболее типичны в постах К. Вейганта такие атрибутивные словосочетания как: *blatant contradictions* — 12 раз, *lame-duck presidential period* — 10 раз, *pure applesauce* — 10 раз, *naked hypocrisy* — 10 раз, *rampant paranoia* — 8 раз, *head-to-head debate* — 8 раз, *American exceptionalism* — 8 раз, *total isolationism* — 7 раз.

Важно отметить, что первые элементы приведенных выше единиц, выраженные именами прилагательными, содержат оценочный компонент. Выбор данных лексем для создания таких словосочетаний говорит о высоком уровне интеллектуального развития блоггера, а также о принадлежности автора к элитарному типу речевой культуры.

Используя приведенные выше словосочетания, К. Вейгант таким образом не только характеризует современную политическую ситуацию, но и отражает свои индивидуальные политические взгляды, в некоем роде критикует американскую политику. Умение использовать и создавать новые атрибутивные словосочетания говорит о компетентности автора в политических вопросах и специальной подготовке.

Далее, важным пунктом анализа вербально-семантического уровня языковой личности Криса Вейганта является рассмотрение его композиционно-стилистических особенностей, отвечающих за выразительные возможности текстов и делающих язык данной языковой личности экспрессивным, эмоциональным и интересным для чтения.

Яркой особенностью индивидуального стиля К. Вейганта является умелое использование такого средства создания художественной образности как ирония, при помощи которой автор выражает свое негативное отношение к некоторым политическим деятелям, партиям и движениям: *"George Orwell would be proud of Senate Republicans. Or maybe he wouldn't be "proud", but he certainly wouldn't be surprised. This is because he coined the word "doublethink", which is precisely what these Republicans are now revealing to the world. In fact, the Republican po-*

sition is fast becoming “triplethink”, an even more jaw-dropping feat of mental contortion”.

Еще один яркий пример иронии: *“The campaign trail on the Republican side is now indistinguishable from a 5th-grade schoolyard yelling match between a group of belligerent little boys”*.

Ирония — один из самых частых приемов, выражающих отношение данного автора к миру.

Еще одной из частых риторических фигур в статьях К. Вейганта является анафорический повтор: *“The voting has already begun. Now is the time to be vetting the candidates from top to bottom. Now is the time for debunking stories that are overblown. Now is the time for deep research into the truth of some of these accusations. Because now the voters have the opportunity to process such stories and make their choices in the voting booth for the good of their own party. After the nominations are locked up will be too late for that to happen”*.

Также в статье от 21 марта можно увидеть данную фигуру речи: *“So how about a former state governor who is also a former movie actor (who acted in more than one film with Schwarzenegger)? How about someone who actually won a three-way race — in a Midwestern state? How about someone who is not shy in front of the microphones and cameras, and who already built his own political reputation as a straight-talking guy who took on the establishment of both parties? How about an ex-Navy underwater demolitions expert, to boot?”*

Еще в одном своем посте он пишет: *“Perhaps this time they’ll actually pay attention to the post-mortem report from the party bigwigs. Perhaps they’ll realize that scapegoating immigrants and gays and minorities is nothing but political poison at the ballot box. Perhaps some savior of the party will appear, who strongly denounces excluding large swaths of voters, and by force of personality convince the party to change some of the worst of its excesses”*.

Роль анафоры в том, что она выделяет повторяющийся элемент в эмоционально-экспрессивном отношении и способствует созданию эффекта постепенного нагнетания смысла [8, с. 17]. В работах анализируемого автора проявляется его стремление поучать читателей и формировать его мнение, являясь так называемым наставником.

Ещё одним частотным способом выражения авторского отношения к какой-либо политической реалии выступают вставные конструкции. Анализ постов и комментариев К. Вейганта показывает, что данные конструкции могут выражать дополнительную информацию, а также выполнять различные модально-оценочные функции:

“Once again, it’s been a month since I last took a look at the Republican presidential field as a whole, and in the intervening time two further candidates have dropped out, bringing the total to an almost-manageable 12 candidates (11 if you don’t count Jim Gilmore... and at this point, many don’t). Even an even dozen, though, is better than trying to keep track of 17 of these folks”.

“But while the debate was the most current event on the Republican side, more momentous things happened earlier in the week. Donald Trump absolutely dominated the South Carolina primaries last Saturday, taking all 50 of the 50 delegates up for grabs (even though they were doled out proportionally, not winner-take-all). Trump followed this up with a decisive win in the Nevada caucuses on Tuesday night — reaping the highest percentage of the GOP vote he’s yet managed (46 percent). Along the way, Jeb! Bush’s campaign was left at the side of the road like an expensive sports car which has hit a large tree — a smoldering (and pricey) ruin”.

“Of course, then there’s a very obvious choice: Sarah Palin. Hey, if the entire Republican Party could pretend (with a straight face) that she was presidential material in 2008, they’d be hard-pressed to now say she’s not qualified to run with Trump, right?”

В приведенных выше отрывках вставная конструкция заключает в себе скрытую негативную оценку, что подтверждает общий оппозиционный настрой блоггера.

Довольно часто в текстах данного блоггера встречается кольцевая композиция текста. Повторяемость композиций кольцевого типа в текстах статей большого объема свидетельствует о сознательном выборе автором блога данного приема для усиления воздействия на читателя. Так, пост от 9 февраля он начинает фразой: *“While we’re all sitting around waiting for the New Hampshire primary results to begin coming in, I’d like to take a moment to point out something which I hadn’t really noticed before. Nevada is the Rodney Dangerfield of early primary states — it don’t get no respect”*. А заканчивает данный пост фразой: *“Nevada, in other words, just don’t get no respect”*.

Статья, написанная 9 марта, начинается с фразы: *“There is a lot going on in the political world to talk about today, but in the background of the raging presidential campaign President Barack Obama hit a second-term milestone today. His job approval polling average is now once again “above water” — defined as more people who approve of the job he’s doing than disapprove”*. А заканчивается данная статья следующим образом, повторяя фразу: *“President Obama’s average daily approval rating is “above water” for the first time in roughly 1,000 days. Not many have noticed this milestone yet, but if he continues to improve or even just holds onto his recent gains, it’ll be a subject that will garner a lot of attention — especially out on the campaign trail”*.

Также в статье от 4 мая, в первом абзаце К. Вейгант пишет: *“It is now official. Seventeen candidates ran for the Republican presidential nomination, and the sixteenth of these just suspended his campaign. This leaves Donald Trump as the last man standing. A whole lot of people who never thought we’d arrive at this point are now going to have to get used to the phrase: “Donald Trump, Republican nominee”*.” И в последнем абзаце он повторяет данную фразу: *“Donald Trump won a triumphant victory last night*

in Indiana. His remaining two GOP challengers have now dropped out. Trump has won the primary race. It's over. Astonishing as it now may seem, just like every other pundit out there, I am now going to have to get used to typing the phrase: "Donald Trump, Republican nominee".

В зарубежной психологии существует так называемый «закон края», при котором в самом начале и в последнем абзаце текста повторяется одна и та же фраза. К. Вейгант использует данный лексический повтор, тем самым фиксируя внимание читателя на ключевых фразах текста.

Анализ прагматических особенностей текстов, обусловленный соображениями практической полезности и смысловой значимости указал на следующие коммуникативные установки, характерные для языковой личности Криса Вейганта:

1) Привлечение внимания к социальным проблемам в следующих примерах: *"Though political corruption is alive and well, what can we do to combat it? The obvious answer is to educate the masses. Many people are unaware of how their leaders are being bought off and are lying to them for their paycheck".*

"Politics is indistinguishable from show business. This may sound like a radical concept, but really, how far are we from what I've just described? America loves watching television — a lot more than we love watching politics. And we all — mainstream media most definitely included — love glitz and glamour. We love a spectacle; the bigger, the better".

"To face the truth — we didn't win hunger, need and inequality. These touch absolutely all of us".

2) Стремление к стабильности и миру в стране: *"The reason we started with the end and worked our way back up is that we were inspired to go off on a rant. This was due to unusually high levels of panic in the media this week. That's why I'm writing to say I don't want any war or conflicts, like most average people. I suppose we all should calm down and think what to do to reach peace. Don't panic!"*.

"To fight or not to fight — is a simple question, really. Nobody needs this war! So I'm also against this fighting".

3) Побуждение к размышлению: *"Guess, you're a United States legislator and you have just been presented with an up-and-coming bill. If this bill passes, people will receive aid and live better lives. However, special interests (that contribute handsomely to your re-election) don't approve of the bill. So who will you listen to? The people or the special interest groups? Why, the special interest groups, of course! After all, how does helping the people benefit you? That, right there, is an example of political corruption".*

"Trump has gotten so much coverage in the past few weeks for a reason — that he is so much more fun to cover than any of the other folks in the race. No matter what happens with Trump, the media is going to hang on his every word, every step of the way. And, like I said, other candidates would have to pay millions and millions of dollars to get half as much impact with the public than Trump is going to get for free. Which is certainly food for thought. Think about it".

Таким образом, данная языковая личность обладает яркой, индивидуальной, доступной речью, а также стремится быть понятной и услышанной читателями. Данный политический блоггер обеспокоен актуальными политическими, социальными и экономическими проблемами с одной стороны и критическим отношением к политической власти с другой стороны.

Анализируемая виртуальная языковая личность имеет набор важных компонентов:

- свободное владение терминами и специальной лексикой, что говорит о достаточно высоком образовательном уровне, общей эрудированности и профессиональной компетенции;
- активная профессиональная деятельность, активная гражданская позиция;
- яркий индивидуальный стиль;
- активное употребление общенародной лексики, что позволяет передавать информацию простым и доступным для читателей языком;
- стремление к творческому самовыражению, разностороннему осуществлению своей личности;
- яркое отражение социальной, территориальной среды, традиций воспитания и культуры.

Литература:

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
3. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1985. — 324 с.
4. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. — М.: Институт языкознания РАН, 1995. — 406 с.
5. Карасик, В. И Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. — М.: Рус. яз., 1987. — 263 с.
7. Карпова, Т. Б. Категориальные свойства дискурса рунета [Текст] / Т. Б. Карпова // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 3. — С. 68–73.
8. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика [Текст] / Т. В. Матвеева. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 432 с.

The category of modality in text interpretation

Kudratova Shaxnoza Kadirovna, teacher
Kokand State Pedagogical Institute (Uzbekistan)

Кудратова Шахноза Кадыровна, преподаватель
Кокандский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Interpersonal function of language is one of the most fascinating and complicated subjects in a linguistic study. Modality, reflecting the writer's opinion and idea about a proposition, lexico-grammatically realizes the interpersonal meaning of an utterance. Two main modalities can be recognized; that is, epistemic and root modality. The latter rests with the hearer/reader whereas the former rests with the writer and refers to a linguistic mood that indicates how much certainty or commitment the writer has for his proposition. Both root and epistemic modalities can be textualized through different lexical verbs, adverbs, adjectives, nouns and modal auxiliaries. Among these different lexico-grammatical realizations, modal auxiliaries are employed more frequently in expressing the writer or writer's attitude toward a proposition.

Modality or the attitude of the speaker or writer to reality characterizes any utterance. It is a category inherent in the language in action and therefore, equally with other categories, constitutes the essence of the communicative process.

This is the opinion of the outstanding modern linguists V.V. Vinogradov, I.R. Galperin, N.Yu. Shvedova, G.A. Zolotova and others. At the same time the overwhelming majority of grammarians consider the category of modality mainly as the expression of reality/irreality of the utterance, treating it as a notion, objectively inherent in the utterance, but not connected with a personal evaluation of the subject of thought.

In compositions of emotive prose textual modality is realized in the basis of certain regularities. Subjective evaluating attitude to the object of utterance, as a rule, doesn't reveal the essence of a phenomenon, but only colours it correspondingly, and gives a notion of the author's world outlook. Therefore textual modality more frequently finds its place in relative spans of the text, which don't carry the main factual information, but not in predicative spans, which are mostly imbued with facts. Yet, in the process of linear development of the text accentuation can be shifted and relative spans may gradually acquire the status of predicative ones. As a result, modality acquires a more significant role in creating conceptual information.

Thus in the story "Wild Flowers" by E. Caldwell descriptive spans of the text carrying no factual information are subjected to reaccentuation. The following example shows how description acquires a predicative status and becomes a key-note in conveying conceptual information. "While she trudged along the sandy road, she could smell the fragrance of the last summer flowers all around her. The weeds and scrub hid most of them from sight, but every chance she got she stopped a moment and looked along the side of the ditches for blossoms".

Bringing this passage into correlation with the title and the content of the whole story we can disclose the author's attitude

to his personages and the reality described — in other words determine the subjective evaluating textual modality: for the author Vern and Nelly are frail but at the same time staunch wild flowers, staunch in their love confronting the cruel world, the reign of weeds and thorns.

Such reaccentuation, connected with the saturation of relative spans of the text by subjective-evaluating modality is observed most frequently in the literary works which more or less distinctly manifest the personality of the author, his world outlook, his tastes and notions.

Thus the notion of subjective-evaluating modality comes into close contact with the concept of the "author's image". Discoursing about the essence of the latter, Academician V—V. Vinogradov cites N. M. Karamsin's words that "the creator is always represented in his creation and often against his will" [3]. At the same time V. V. Vinogradov stresses, that the "author's image", as a deep-lying linking element of the text, is a notion of a broader scale, than the position of the author. According to L. Tolstoy's expression, the cement binding any literary work into one integral whole is the unity and invariability of the author's original moral attitude to the subject. Making this formula more precise, V. V. Vinogradov speaks about "the unity of the author's evaluation and comprehension of reality".

The author's image is most explicitly represented by his point of view expressed in the literary work. Indeed, if the writer himself qualifies the thoughts and actions of his personages, the reader gradually gets an idea about his image. It is much more difficult to define the author's position, when the writer refuses to be present in the story and entrusts his role to an immediate participant or a witness of events. That imparts especial authenticity to the narration, because in this case the events are narrated and comprehended from inside, from the eye-witness' point of view.

The brief description of textual modality shows that this category in application to the units, exceeding sentence limits, cardinally changes its designation even in the subjective-evaluating plane. Out of the two kinds of modally-objective and subjective — the first one, according to I. R. Galperin, is not inherent" in literary texts in general. Moreover, most frequently objective — modal meaning confines itself only to a sentence. The relation of reality Irreality is not pertinent to fiction texts at all, so long as fiction texts give only depicted reality. These works are a fruit of a writer's imagination, the fancy of a poet, of a dramatist. The less we notice conventionality in depicting reality, the greater is the artistic impact. Nevertheless an experienced reader never forgets that he deals with depicted life. Such a reader perceives the described happen-

ings in two planes: he compares the real and the imaginary, verifies how far they agree with each other and evaluates the imaginary, proceeding from his habitual criteria and concep-

tion of the world. Simultaneously he tries to determine the author's attitude to the subject-matter of the book and in this way to make out the subjective-modal meaning of the whole text.

References:

1. Ашурова Д. У. Интерпретация производного слова в свете коммуникативной теории языка. — Ташкент, 1991.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — Москва, 1975.
3. Vinogradov V. V Stylistics, Poetics. — Moscow, 1963.

Коммуникация как ключевое понятие медиа: современная проблематика, гносеологический аспект

Порва Ольга Николаевна, аспирант
Дальневосточный федеральный университет

В статье уделяется основное внимание дефинициям «медиакоммуникация» и «коммуникация» как основным понятиям медийной сферы. Автор объясняет современную проблематику исследовательской деятельности в этой области и дает свое определение понятия «медиакоммуникация». Ис точки зрения теории познания (гносеологии) обозначает проблемы инженерии знаний в медиакоммуникационной сфере.

Ключевые слова: медиакоммуникация, сфера медиа, теории коммуникаций

Российские и зарубежные ученые продолжают исследовать коммуникационные процессы современности, интерес к этой сфере человеческой деятельности не теряет своей силы и актуальности. Разработки продолжают в связи с тем, что коммуникация испытывает качественные изменения: расширяется информационное поле, появляются новые средства доступа к информации, происходит конвергенция с другими научными областями. Филологов, социологов, психологов, экономистов в последние годы объединило новое поле деятельности — медиакоммуникация.

Специалист по социальным коммуникациям Е. С. Цымбаленко описывает уже свершившиеся преобразования (трансформации) в коммуникациях и называет причины: глобализация, информатизация, технологизация, информационно-коммуникационная революция [1, с. 1]. Связи, которые раньше объединяли исключительно журналистское сообщество, расширились и теперь вбирают в себя самые разные экономические, социальные, политические, культурные и другие структуры. Если еще 20 лет назад журналистика была явлением обособленным (закрытый производственный процесс, специфичный и качественный подбор журналистов, ограниченное количество СМИ), то сейчас вузы переполнены будущими журналистами, в маленьких населенных пунктах есть своя печать, а в каждом крупном городе сразу несколько телевизионных студий конкурируют между собой.

Формируются признаки медиареальности. Вопрос о статусе медиареальности лежит в плоскости философского анализа. Особенно актуален и очевиден он стал в середине XX века, когда массовая коммуникация стала осуществлять регулятивные функции в обществе (а именно: мировоз-

зренческую, организационную, прогностическую, познавательную), и когда появился еще один канал связи между отправителем и многотысячной аудиторией. Телевидение, совместившее звуковой сигнал и зрительные образы, пространство и время, породило медиареальность.

В речевой оборот активно вошли слова с приставкой «медиа». Научное сообщество все чаще рассматривает социокультурные процессы именно с точки зрения медийности, массовости, транслируемости. На сегодняшний день существуют исследования по медиалингвистике, медиакультуре, медиаэкономике, медиатизации и так далее. Внедрение в язык этих неологизмов, говорит о том, что практически любое социальное явление, культурный процесс и сама человеческая деятельность рассматривается, в том числе, с позиции медийности. Современная структура медиа начинает иметь признаки государственности. У масс-медиа есть свои ресурсы, свое медиaprостранство, свой зритель, разработана своя медиаэкономика, свой язык, своя внутриполитическая и внешнеполитическая деятельность.

Важность исследования не так давно появившегося феномена информационно-технологической цивилизации вызвана глобальными изменениями во всех сферах жизни общества и каждого отдельно взятого человека, а также созданием индустрии производства и обработки информации. Но что, в сущности, мы знаем о медиакоммуникации, как новом пространстве жизнедеятельности человека?

Существует 4 основных вида гносеологических проблем инженерии знаний. Это:

- обрывочность, фрагментарность знаний (из-за нарушения принципа системности или ошибок в выборе фокуса внимания);

- противоречивость знаний (из-за естественной противоречивости природы и общества, неполноты извлеченных знаний);
- ошибочная классификация (из-за неправильного определения числа классов или неточного описания класса);
- ошибочный уровень обобщения (из-за чрезмерной детализации или обобщенности классов объектов) [2, с. 1135]. С каждым из этих барьеров сталкиваются накопленные знания о медиакоммуникации. Термин «медиакоммуникация» до сих пор не имеет общепринятых рамок. Каждый исследователь интерпретирует дефиницию по своему, идет поиск наиболее удачной смысловой конструкции, с которой согласилось бы большинство ученых. Многие накопленные знания противоречивы. Существует полярность взглядов на деятельность средств массовой информации. Когнитивная деятельность теоретиков наталкивается на прагматичную позицию практиков. Одни исследователи полагаются на эксперименты и опросы, другие на личные эмпирические результаты. В связи с этим, остается нерешенной проблема определения понятия «медиакоммуникация».

В широком смысле коммуникация — это информационная связь в обществе. Если передачу массовой информации осуществляет СМИ, то тогда речь заходит уже о более конкретном направлении — медиакоммуникации. У медиакоммуникации есть своя этимология. Латинский язык расшифровывает понятие медиакоммуникации, как «communication» — сообщение, передача и «medium», что означает промежуточное, посредническое. Слабо определена и сама дефиниция «коммуникация». Такие исследователи как А. Б. Зверинцев, С. В. Бориснёв [3, 4] и многие другие профессионалы-лингвисты сходятся на том, что коммуникация подразумевает обмен информацией, данными или эмоциональным состоянием. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой указывает на то, что коммуникация — это сообщение, связь; во втором значении — общение и контакт [5]. Ему же вторит Большой Энциклопедический словарь, уточняя, что это специфическая форма взаимодействия между людьми, осуществляющаяся главным образом при помощи языка [6]. Автор учебного пособия «Введение в теорию коммуникации» В. Б. Кашкин отмечает, что «определений у коммуникации столько же, сколько и авторов работ над ней» [7, с. 14]. Из вышесказанного можно понять, что есть потребность ввести в рамки дефиницию «коммуникация» и это является теоретико-познавательной и общеполитической задачами. В общих чертах коммуникацию можно обрисовать, как смысловую взаимосвязь между людьми.

Чтобы перейти к понятию «медиакоммуникация» и попробовать рассмотреть сущность и фактические данные этого термина, прежде, необходимо учесть типологию коммуникации по количеству задействованных в ней людей. Выделяются три категории — межличностная коммуника-

ция, групповая и массовая. Групповая коммуникация может включать три человека, а может идти речь и о большой аудитории, тогда вовлеченных в коммуникативный процесс может быть сотни человек. На данный момент нет четко обоснованных показателей, которые бы разделяли групповой уровень коммуникации от массового. Условные границы определяют специалисты СМИ, полагаясь на российское законодательство. А в нем указано, что издание считается массовым, если его тираж составляет свыше 1000 экземпляров. Если обозначенная цифра не достигнута, то издание не может вести коммуникативный процесс с массовой аудиторией. Безусловно, технологии являются обязательным нюансом в реализации массовой коммуникации. Телевидение, радио, газеты — очевидные примеры. Например, если оратор будет выступать перед тысячной аудиторией без средств распространения звука, коммуникация будет нарушена. Гул будет съедать четкость звуковых волн, соответственно, смысловой посыл будет испытывать преграду и в итоге нарушится. Основываясь на этих трех необходимых факторах (смысловая передача, массовая аудитория и техника), можно вывести следующее определение. Медиакоммуникация — это информационная взаимосвязь между тысячами людей, которая осуществляется с помощью технических средств.

Похожую интерпретацию дает и профессор Василий М. А., объяснив массовую коммуникацию, как социальную информацию, передаваемую широким аудиториям, рассредоточенным во времени и пространстве с помощью искусственных каналов [8, с. 449].

На сегодняшний день медиакоммуникация еще не оформилась в отдельную структуру со своими понятиями и концепциями. Поэтому исследования коммуникационных процессов в медийной отрасли всё еще опираются на теории коммуникаций. Их существует огромное множество. Одна из трудных гносеологических задач в изучении существующих теорий коммуникации — это отсутствие их четкой классификации. Например, специалист в области коммуникаций Г. Г. Почепцов приводит 25 моделей коммуникации 25 авторов [9]. Эти 25 моделей в свою очередь кем-то из исследователей дополнялись или углублялись. Таким образом, в реальности теоретических рассуждений на тему коммуникаций еще больше.

Чтобы описать общее состояние исследовательской деятельности в области медиакоммуникаций стоит обратиться к французским авторам, философу Жюль Делёзу и психоаналитику Феликсу Гваттари. Они разработали категорию «ризомы», позаимствовав термин из ботаники. В этой естественной науке он обозначал корневую систему без основного, центрального корня, но с множеством хаотически переплетающихся корешков. В самом широком смысле «ризомы» может служить образом мира, в котором отсутствует централизация, упорядоченность и симметрия. А. В. Назарчук, анализируя в своей научной статье работы Ж. Делёза и Ф. Гваттари, отмечает: «основной принцип, лежащий в основе устройства ризомы, это «связь

и гетерогенность». Согласно ему, каждая точка корневища может быть соединена с любой другой — ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична [10].

Термин «ризома» можно применить и к системе исследований коммуникаций и медиакоммуникаций. Безусловно, все теории коммуникаций связаны между собой, но никакая так и не стала предпочтительнее для научного сообщества. Также не имеет общего признания термины «коммуникация», «медиакоммуникация», и всё же все они пересекаются и учитываются.

Область медиакоммуникации настолько разносторонняя и многообразная, настолько этот феномен неоднозначен, что порождает множество исследований. Разработкой

теоретических подходов к изучению этого явления занимаются разные науки — и философия, и социология, и филология. Массовая коммуникация оказывается в фокусе самых разнообразных подходов и вбирает в себя десятки интересных концепций. Однако исследовательская система остается «без корня». Если вновь обратиться к ботанике, то из земли проще извлечь растение со стержневой корневой системой. А вот корень, который состоит из множества придаточных, захвативших землю по горизонтали, сложнее лишить насиженного места. Будет ли применим этот закон для гуманитарной науки — это вопрос времени и философских исследований. Но то, что социальная реальность на сегодняшний день все чаще рассматривается с позиции медиа, уже очевидно.

Литература:

1. Цымбаленко Е. С. Трансформационные явления в медиакоммуникациях [Электронный ресурс], <http://elibrary.ru/item.asp?id=22676004.html> — статья в интернете.
2. Горкальцева Е. Н. Когнитивность в современном образовании // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 14, № 2 (5), 2012. С. 1134–1137.
3. Зверинцев А. Б. Коммуникационный менеджмент. Рабочая книга менеджера PR. — СПб.: Изд-во Буковского, 1995. — 267 с.
4. Бориснёв С. В. Социология коммуникации: Учебное пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 270 с.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. — М.: Рус. яз. 2000. — 1209 с.
6. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Науч. изд-во «Большая Рос. Энциклопедия», 2000. — 688 с.: ил.
7. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. — 175 с.
8. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М. А. Василика. — М.: Гардарики, 2003. — 615 с.
9. Почепцов Г. Г. Медиа: теория массовых коммуникаций. — Киев: Альтерпрес, 2008. — 416 с.
10. Назарчук А. В. Идея коммуникации и новые философские понятия XX века [Электронный ресурс], http://vphil.ru/index.php?id=324&option=com_content&task=view — статья в интернете.

Знаки речевого этикета по денотативному содержанию и их применение в различных сферах общения

Соколова Юлия Александровна, студент;

Власова Карина Абрамовна, кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

В статье рассматриваются формулы речевого этикета в немецком языке и их применение в различных сферах общения. Выявлены закономерности употребления знаков речевого этикета и приведена их классификация, согласно их денотативному содержанию. В статье затрагивается вопрос о сферах применения знаков речевого этикета, что дает возможность определить пол, социальный статус и образование коммуниканта в разных ситуациях общения. Примеры приведены из романа М. Э. Ремарка «Три товарища».

Ключевые слова: речевой этикет, коммуникант, знаки речевого этикета, этикетные формулы, формулы вежливости.

Yu. A. Sokolova, K. A. Vlasova
Lobachevsky University of Nizhny Novgorod Arzamas Branch

Abstract. *The present article deals with the formula of speech etiquette in the German language and their application in various areas of communication. The regularities of the use of signs of speech etiquette are revealed and their classification according to the denotative content is presented. The article considers the issue of spheres of use of speech eti-*

quette signs, which gives the possibility to determine the sex, social status and education of a communicant in different situations. The examples are given from the novel by Erich Maria Remarque "Drei Kameraden".

Keywords: *speech etiquette, communicant, signs of speech etiquette, etiquette formulas, formulas of politeness.*

Культура поведения и общения занимает важное место в жизни общества, в бытовом и деловом обиходе людей во все времена. Без соблюдения культурных правил невозможно успешное взаимодействие. Важнейшей частью культуры речевого поведения выступает речевой этикет.

Под этикетом в целом подразумевается совокупность или свод правил поведения человека, в которых выражается внешняя сторона общения (обращения, приветствия, манеры, поведение в общественных местах, одежда); это совокупность специальных приемов и черт поведения в общении людей, с помощью которых проявляются и поддерживаются статусы общающихся. Этикет — это система знаков (символов), правила их правильного сочетания, построение устных сообщений и письменных текстов, форма регулирования общения, сущность которого заключена в диалоге, и особая, игровая форма поведения человека в общении, когда участники диалога ведут себя соответственно своему социальному статусу [1, 32]. Под речевым этикетом понимаются «регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфических стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [3, 127]. Изучение речевого этикета занимает особое положение на стыке лингвистики, теории и истории культуры, психологии и других гуманитарных дисциплин.

К речевому этикету относятся слова и выражения, употребляемые людьми для прощания, просьбы, извинения, принятые в различных ситуациях формы обращения, интонационные особенности, характеризующие вежливую речь [3, 130]. Знаки речевого этикета определяются как «слова и устойчивые словесные формулы, традиционно употребляемые в стереотипных ситуациях общения для выражения вежливого, доброжелательного отношения к адресату: *Guten Morgen, bitte schön, Hals- und Beinbruch, mit Vergnügen, vielen Dank*» [4, 5].

В соответствии с денотативным значением в примерах представлены следующие группы знаков речевого этикета: 1) знакомство; 2) приветствие; 3) прощание; 4) извинение; 5) благодарность; 6) просьба; 7) согласие; 8) отказ; 9) комплимент; 10) соболезнование; 11) поздравление; 12) приглашение. Данные ситуации общения являются универсальными для языка и самыми употребительными и необходимыми в межличностной коммуникации.

Рассмотрим группы знаков речевого этикета, проанализировав их.

Любой разговор начинается с приветствия. Как известно, оно может быть вербальным и невербальным. В немецком языке упрощение сложных форм приветствия привело к тому, что речевые клише стали отличаться и использоваться в определённой ситуации и социальной среде.

Универсальная формула немецкого приветствия *Guten Tag, Herr Fritz (Frau, Fräulein)* [4, 24]. Данное приветствие, в основном, встречается на официальных встречах. Здравываясь с товарищами можно сказать *Hallo, Grüß dich!, Grüßt euch!, Sei gegrüßt!, Seid gegrüßt!, Ach du meine Liebe/meine Süße!* [4, 30]. Среди молодёжи наиболее употребительно стилистически сниженное приветствие *Salüt* [4, 47], причём это слово используется как при приветствии, так и при прощании. В официальной и нейтральной обстановке общения, существуют такие варианты, как: *Tag!, Morgen!, Moin!, Abend!* [4, 7–8].

Традиционными выражениями при знакомстве в немецком языке являются выражения *Mein Name ist..., Ich heiße...* [4, 100]. В немецкой речи при знакомстве могут использоваться как модальный глагол *dürfen*, так и глаголы *mögen, erlauben, gestatten*, которые делаю речь и сами выражения стилистически возвышенными, например: *Darf ich mich bekanntmachen?, Ich möchte Sie gern kennenlernen, Gestatten Sie, dass ich mich vorstelle?* [4, 204]. Если знакомство происходит спонтанно, без посредничества, то ритуал знакомства всегда включает дополнительную этикетную группу-извинение: *Sie kennen sich noch nicht?, Wenn mich nicht alles täuscht/wenn ich mich nicht irre, so ist es Kurt Haber/Herr Faber, Entschuldigung, darf ich mich vorstellen?* [4, 167].

Употребление этикетных знаков группы «извинение» обычно обусловлено специфической ситуацией: говорящий просит прощения у адресата за какую-либо реальную провинность. Наиболее часто при извинении в немецком языке употребляются следующие фразы: *Entschuldigen Sie!, (Ich) bitte tausendmal/vielmals um Verzeihung!, Ich möchte mich bei Ihnen entschuldigen. Verzeihen Sie mir bitte!* [4, 34]. В данных выражениях отмечается возвышенность речи, а также преувеличение (*tausendmal / vielmals*). Стилистически возвышенные способы извинения употребляются в официальной обстановке общения. Сюда относятся такие выражения, как: *Erlauben Sie, Gestatten Sie*, а также модальные глаголы *mögen, können, müssen (Ich muß um Verzeihung bitten!), dürfen (Darf ich mich bei Ihnen entschuldigen?)*. [4, 65]

В ситуациях «извинения», в немецком языке используются формулы благодарности почти во всех случаях. Традиционным выражением благодарности в немецком речевом поведении является *Danke!*, которое имеет следующий набор: *Danke schön!, Danke sehr!, Danke vielmals!, Vielen Dank!, Herzlichen Dank!, Desten Dank!* [4, 250]. При указании причины благодарности используется выражение *Ich danke Ihnen für ...* Данное выражение может выражать и «усиленную благодарность», если добавить *herzlich!* (*Ich danke Ihnen herzlich für...*). Для усиления благодарности также используются такие выражения, как например,

Tausend Dank!, *Danke oftmals!* [4, 33]. Стилистической возвышенностью обладают обороты с кратким прилагательным «*признателен*». Более официальными при выражении благодарности являются фразы: *Ich bin Ihnen zutiefst dankbar!*, *Danke im voraus!* [4, 142].

Для группы знаков просьбы характерно использование вежливых слов и конструкций, предваряющих просьбу или сопровождающих ее, например: *Könnten Sie/könntest du?*, а также широкое применение сослагательного наклонения, с помощью которого выражается просьба. В немецкой культуре используются книжные и наиболее вежливые формулы: «*Wenn es Ihnen nichts ausmacht, warten Sie bitte einige Minuten*», «*Würde es Ihnen etwas ausmachen, wenn...?*», «*Gib bitte...*». Иронически используются просьбы: «*Es wäre freundlich von Ihnen...*», «*Es wäre mir so lieb...*» [4, 90]. Стилистически сниженная просьба употребляется в неофициальной обстановке общения и выражается следующим образом: «*Machst du das?*», «*Gehst du einkaufen?*».

Этикетные формулы, используемые в группе «согласие», весьма малочисленны: *Ja!*, *Bitte!* (*Ja, bitte, Bitte sehr*). Нейтральное полное согласие представлено выражением *Du hast Recht, Das stimmt*. Утвердительное согласие с оттенком усиления — *Ohne Zweifel*, разговорное, эмоциональное согласие — *Ich habe nichts dagegen, Selbstverständlich!*, в основном данные выражения встречаются в официальной речи. [4, 230]

Отказ с позиций речевого этикета — более сложное действие: нужно позаботиться о том, чтобы собеседник не был обижен. Существуют особые «смягчающие» средства. Мы выражаем сожаление по поводу того, что не можем выполнить просьбу, откликнуться на предложение *Tut mir leid...* Наиболее частыми фразами при отказе являются нейтрально спокойные несогласия *Nein, Ich kann nicht* [4, 24]. В рамках принципа сотрудничества и соблюдения правил вежливости в немецкой речи используются различные вводные конструкции, а также, в качестве вспомогательного, речевой жанр «извинение». Например: *Mit Vergnügen, aber ich kann leider nicht, Ich kann schlecht nein sagen, aber ich kann leider nicht, Ich kann leider nicht. Entschuldigen Sie, aber ich will nicht das machen* [4, 55].

Немаловажным компонентом речевого этикета является комплимент. В правилах немецкого речевого этикета распространены комплименты по поводу профессиональных способностей, одежды, внешности *Sie sind sehr kritisch veranlagt, Mit ihnen kann man interessant unterhalten, Sie sind ein kluger Mensch, Sie sind sehr klug!*, *Sie sind ein wunderbarer Mensch!*, *Sie sind schön!*, *Sie sehen gut aus!* [4, 67]. Высшую степень качества в немецкой речи выражают комплименты, содержащие слова *ausgezeichnet, großartig, hervorragend, Sie sehen ausgezeichnet aus!* [4, 93].

В молодёжном речевом этикете используются такие выражения, как: *Super!*, *Klasse!*, *Geil!*, *Fein!*, *Prima!*, *Toll!* [4, 52].

Соболезнование — это сочувствие горю или несчастью человека. При выражении соболезнования используются стандартные для таких ситуаций этикетные формулы, отличающиеся довольно высокой степенью официальности: *Mein Beileid, Herzliches Beileid, Ich möchte Ihnen mein herzliches/aufrichtiges/ tiefempfundenenes Beileid aussprechen, Darf ich Ihnen mein tiefempfundenenes Beileid aussprechen, Aufrichtige Anteilnahme!* [4, 176]. Эмоционально-экспрессивным выражением соболезнования являются следующие фразы: *Was für ein schreckliches Unglück!*, *Was für ein Unglück hat Sie ereilt!* [4, 307].

Традиционным поздравлением в немецкой культуре является формула (*Ich gratuliere!*). У немцев выражения «поздравления» могут обладать повышенным эмоциональным фоном: *Ich gratuliere Ihnen (sehr) herzlich!*, *Ich gratuliere von ganzem Herzen!*, *Frohes Fest!*, *Ich wünsche Ihnen/dir alles Gute!* [4, 11]. Для поздравления с общими праздниками применяются устойчивые выражения. Так можно поздравить немецких друзей: с Рождеством (*zu Weihnachten*), с Новым годом (*zu Neujahr*), с Пасхой (*zu Ostern*): *Frohe Ostern/Weihnachten, Gesegnete Weihnachten, Alles Gute zum Muttertag, Frohes/Glückliches neues Jahr* [4, 31].

По сфере употребления знаки делятся соответственно на *общеупотребимые* и *ограниченного употребления*. Степень употребимости определяется параметрами самого этикетного знака. Данный фактор зависит от того, является ли знак нейтральной этикетной единицей, в какой сфере общения он употребляется (например, только в сфере обслуживания, только при выполнении религиозных обрядов и т. д.), употребляется ли он только лицами определенной профессии, определенного пола, возраста и т. п. Другими словами, причины, по которым знак речевого этикета принадлежит только к одной сфере употребления, могут быть совершенно различными [2, 40].

Вполне естественно, что если подразделять этикетные знаки на группы согласно степени их употребимости, то наиболее объемную группу составят общеупотребительные этикетные знаки, так как не так много существует факторов, способных влиять на область употребления формул вежливости.

Например: *Ich heiße ...* — «*Меня зовут ...*»,
Danke alles in Ordnung — «*Спасибо, все хорошо*»,
Darf ich mich vorstellen? — «*Разрешите представиться*»,

Danke schön — «*Большое спасибо*»,
Bitte — «*Пожалуйста*»,
Gute Besserung! — «*Выздоровливайте!*»,
Auf ein baldiges Wiedersehen! — «*До скорой встречи!*» [4, 71].

Этикетные речевые знаки ограниченного употребления в свою очередь подразделяются на те, которые используются в неофициальном или официальном общении. Помимо этого существует целый ряд частных случаев, подробное описание которых нецелесообразно проводить в связи с ограниченными рамками данной работы [2, 41].

Was machst du denn hier? — «Какими судьбами?» (в неофициальной ситуации)

Wir haben uns eine Ewigkeit nicht gesehen! — «Мы не виделись целую вечность!» (в неофициальном общении)

Wie geht's, wie steht's? — «Как жизнь?» (в неофициальной ситуации)

Mach's besser! — «И тебе того же!» (в неофициальном общении)

Kein Problem! — «Ничего страшного!» (в неофициальном общении)

Ich begrüße Sie im Namen ... — «Приветствую Вас от имени ...» (в официальной ситуации)

Sie waren so freundlich! — «Вы были так любезны!» (в официальном общении)

Was möchten Sie gern wissen? — «Что Вас интересует?» (в сфере обслуживания) [4, 180].

В целом, критерий употребимости применим ко всем знакам речевого этикета. Нет таких формул вежливости, которые нельзя подвести под определенную категорию

и сказать, где, когда и кем используется тот или иной знак. Чаще всего данный критерий определяется наличием в этикетной формуле разговорных слов, профессионализмов, устаревшей лексики, сложной грамматической конструкцией, эллиптичностью предложений и т. д. Знание сферы употребимости знака очень важно для изучающих иностранные языки, так как неправильное употребление этикетных знаков может привести к недоразумениям и, следовательно, к коммуникативным неудачам.

Рассмотрев классификацию знаков немецкого речевого этикета с точки зрения их денотативного значения и сфере употребления можно сделать вывод о том, что существует большое количество разнообразных ситуаций общения и, следовательно, огромное разнообразие этикетных формул, применимых к тому или иному коммуникативному акту. Выбор наиболее подходящего этикетного знака коммуникант должен сделать исходя из своего личного жизненного опыта, социальной позиции, пола, возраста и других факторов, но с обязательным соблюдением правил этикета и вежливости.

Литература:

1. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. — Л., 1990. — 56 с.
2. Куликова Л. В. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение конфронтации национальных коммуникативных стилей // ВЕСТНИК ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация» № 2. — Волгоград, 2004. — С. 34–52.
3. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика / Н. И. Формановская — М.: ВК, 2009. — 334 с.
4. Remarque Erich Maria «Drei Kameraden» Nachw. Westphalen, Tilman. 1998. 398 S.

Процесс перевода с использование информационных технологий в самостоятельной работе студентов

Солиева Мадина Нодировна, преподаватель
Кокандский государственный педагогический институт (Узбекистан)

В методике обучения иностранным языкам вопросы организации самостоятельной работы обучаемых занимают особое место. Освоение иностранного языка, формирование переводческих навыков и умений требуют от студента интенсивной самостоятельной работы, готовности учиться всю жизнь.

В процессе обучения в нормативных группах учащиеся должны приобрести навык свободного чтения научной литературы по специальности и применять свои знания и умения к разным видам работ: конспектирование, составление письменных переводов (иногда для обслуживания целых лабораторий), иитирование.

Исходя из этой задачи, основную цель обучения следует видеть в развитии способности понимания языкового материала подлинника. Обучение же переводу, по нашему мнению, должно рассматриваться как основное средство

развития понимания. Сущность перевода как лингвомыслительного процесса подтверждает это положение.

Процесс перевода, как известно, складывается из двух этапов: достижения полного понимания и затем выражения понятого формами П. Я. Полное понимание предполагает умение оценить текст с точки зрения его переводимости увидеть в нем единицы перевода, которые в то же время представляют собой единицы смысла. Затем следует подыскание для этих единиц соответствующих форм для выражения на П. Я. Однако единица смысла, которую мы видим в тексте И. Я., потенциально многозначна. Происходящие в момент перевода мысленное сопоставление и оценка приводят к выбору точного значения единицы. Решающую роль в выборе оптимального варианта перевода играют детерминанты — набор оценочных критериев, который существует в мышлении каждого человека. Диапа-

зон этих критериев зависит, повидимому, от личного опыта переводчика. Основные детерминанты — это прежде всего контекст, т. е. то лингвистическое окружение, которое всегда заключает в себе указательный минимум, которым мы руководствуемся. Следующий детерминант — это сочетаемость в ПЯ, затем ситуационный контекст или знание фактов реальной действительности. Далее следуют детерминанты стиля (научного, делового, газетного и т. п.), эмоционально-экспрессивной окраски и так называемый установочный детерминант, т. е. то, к какой аудитории обращено данное речевое произведение. Вполне возможно, что существуют еще более тонкие критерии оценки, сформулировать которые пока не удастся. Значение контекста при установлении точного и единственно возможного значения переводимой единицы раскрывается из следующего простого сопоставления. Предложение *He came home* лишено контекста и в русском языке может быть понято как *пришел* и как *приходил*. Поэтому при объяснении времен важно давать два примера на Past Indefinite Tense: *He came home at six yesterday* и *He usually come home in time for dinner*, указывая на то, что форма Past Indefinite Tense должна восприниматься как неоднозначная, дающая возможность проводить сопоставление между формой совершенного или несовершенного вида.

Перевод, который сопровождается всесторонним анализом материала на всех языковых уровнях, создает широкую и прочную базу знаний, развивает «чувство» языка и повышает интерес к изучаемому предмету. Опыт показывает, что обучение полноценному переводу не препятствует, а, напротив, способствует усвоению всех других аспектов языка, в частности и разговорных навыков.

Обучение переводу предполагает систематическое накопление знаний и умений, постепенно переходящих в навык понимания, дающий потенциальную возможность перевода, т. е. в навык анализа и членения текста на смысловые единицы и сопоставления этих единиц с возможными эквивалентами ПЯ. Достижение этой стадии — основная задача обучения, так как только на ее основе может возникнуть способность к беспереводному чтению.

По мнению методистов, характер управления самостоятельной работой студентов меняется как в зависимости от степени их общей готовности к выполнению самостоятельной работы, так и от уровня их самостоятельности. На первом этапе речь обычно идет о сотрудничестве, о непосредственном управлении преподавателем самостоятельной работой обучаемых. В дальнейшем такое управление

приобретает опосредованный характер и осуществляется при помощи упражнений, инструкций к заданиям, особой организации материала.

Информационные технологии в настоящее время представляются наиболее значимым средством решения стоящих перед современным образованием. Современные информационно-коммуникационные технологии играют важнейшую роль в реализации концепции непрерывного образования (*lifelong learning*).

Сегодня, используя компьютер для формирования и развития навыков самостоятельной работы при обучении переводу, основными задачами являются: облегчить, привлечь, заинтересовать. Учитывая индивидуальные особенности обучаемых (когнитивные, мотивационные), исходя из потребности в усилении познавательной активности, стоящей на стыке лингвистики, лингводидактики и обучения переводу, является создание особой компьютеризированной среды обучения. В научной литературе по различным аспектам реализации компьютерных технологий в теоретическом и практическом курсе обучения иностранному языку прочно укоренилось мнение о том, что «современные технологии мультимедиа позволяют научно-методически обосновать создание и использование электронного учебника, который, совмещая функции традиционного учебника». На практике, с одной стороны, приходится сталкиваться с ситуацией, когда издательства зачастую не заинтересованы в появлении учебников по переводу в электронном виде. Но именно электронный учебник как дидактическое произведение, сочетающий типовые черты как печатного издания, так и видеофильма, звукозаписи, способствует решению важнейшей задачи организовать самостоятельную работу студента, находящегося в отрыве от языковой среды. С другой стороны, преподаватели, обучающие переводу, постоянно слышат утверждение о том, что в языке многое не так, как в других дисциплинах, что многие аспекты обучения и виды речевой деятельности плохо поддаются формализации. Действительно, пока еще трудно говорить о серьезных продвижениях в области компьютерной лингвистики, которые могли бы оказать существенное влияние на компьютерное обучение иностранному языку. Соглашаясь с такими утверждениями, в общем и целом, следует все же заметить, что в вопросе использования информационных технологий в обучении иностранному языку в вузе преподавательскому сообществу следует продвигаться быстрее, чтобы соответствовать современным условиям обучения иностранному языку.

Литература:

1. Азимов Э. Г. Теория и практика использования компьютерных программ в преподавании русского языка как иностранного. — М., 2000.
2. Болдова Т. А. Методика обучения студентов старших курсов иностранному языку в телекоммуникационных сетях с использованием Интернет-технологий (нем. яз. яз. вуз): дис. канд. пед. наук. — М.
3. Бреус Е. В. Перемены в системе российского образования и возможные подходы к решению проблем. — «Мосты», № 4 (16), 2007.

Роль инновационных технологий в обучении иностранному языку в вузе

Солиева Мадина Нодировна, преподаватель,
Кокандский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Сегодня в преподавании иностранного языка складываются тенденции, соответствующие нынешнему уровню технического прогресса. Эффективность применения информационных технологий на уроках иностранного языка уже не подлежит сомнению. Ученые отмечают, что, чем больше систем восприятия задействовано в обучении, тем лучше и прочнее усваивается материал. Активное же внедрение информационных технологий в учебный процесс приумножает дидактические возможности, обеспечивая наглядность, аудио и видео поддержку и контроль, что в целом способствует повышению уровня преподавания.

Инновационные технологии в образовании — это, прежде всего, информационные и коммуникационные технологии, неразрывно связанные с применением компьютеризированного обучения. Основными вопросами в использовании инновационных технологий является структура учебных компьютерных программ, их содержание и оптимальная организация Web-пространства.

Графика, анимация, фото, видео, звук, в добавление к тексту в интерактивном режиме работы, создают интегрированную информационную среду, в которой студенты обретают качественно новые возможности.

Многочисленные исследования в области применения информационных технологий в обучении свидетельствуют о том, что они обладают большими дидактическими возможностями, так как способны оказать влияние на эффективную организацию самостоятельного изучения иностранного языка.

Компьютер не определяет содержание обучения — он является лишь эффективным средством обучения иностранному языку, поэтому разработка методических основ обучения иностранному языку с помощью компьютера должна базироваться на глубоком анализе дидактических и методических возможностей, способствующих реализации основной цели в преподавании иностранного языка — формированию умений и навыков коммуникативной компетенции.

Средства информационных технологий способствуют: развитию навыков самостоятельной работы; повышению мотивации учения; реализации индивидуализированного обучения; развитию дивергентного и критического мышления; развитию информационной и образовательной компетентности студентов; реализации мультимедийности учебного материала; организации интерактивного обучения; развитию различных видов речевой деятельности.

Рассмотрим немного подробнее авторскую компьютерную обучающую программу Test yourself, цель которой — отработка и совершенствование лексико-грамматических навыков студентов на первом и втором курсах неязыкового вуза. Учитывая разный уровень подготовленности студентов (особенно это актуально для перво-

курсников), тесты организованы в двух уровнях: базовый уровень (Basic Level) и высокий уровень (Advanced Level). Отличие уровней заключается в форме заданий (Basic Level — задания закрытой формы; Advanced Level — задания открытой формы).

Компьютерное обучение несёт в себе огромный мотивационный потенциал. В присутствии доброжелательного инструктора-машины обучение становится более интересным. Компьютер гарантирует конфиденциальность. Результаты деятельности ученика известны только ему. Задача преподавателя сохранить психологически комфортную атмосферу, при которой не снижается самооценка ученика. В процессе обучения могут применяться как специально разработанные учебные программы, так и программы, установленные на любом компьютере. На занятиях иностранного языка с помощью интернета можно решать целый ряд дидактических задач: формировать навыки и умения чтения, используя материалы глобальной сети; совершенствовать умения письменной речи студентов; пополнять словарный запас учащихся; формировать у студентов устойчивую мотивацию к изучению иностранного языка. Учащиеся могут принимать участие в тестировании, в викторинах, конкурсах, олимпиадах, проводимых по сети Интернет, переписываться со сверстниками из других стран, участвовать в чатах, видеоконференциях и т. д. Учащиеся могут получать информацию по проблеме, над которой работают в данный момент в рамках проекта. Это может быть совместная работа Узбекских студентов и их зарубежных сверстников из одной или нескольких стран.

Согласно результатам нашего и многих других исследований, использование информационных технологий в обучении иностранному языку значительно способствует повышению качества самостоятельной работы студентов. Но при этом следует также учитывать, что преподаватель должен обладать глубокими знаниями в области применения информационных технологий в обучении, а также правильно и тщательно планировать содержание и способы реализации самостоятельной работы.

Итак, основная цель изучения иностранного языка — формирование коммуникативной компетенции все остальные цели (образовательная, воспитательная, развивающая) реализуются в процессе осуществления этой главной цели. Общаясь в истинной языковой среде, обеспеченной интернетом, студенты оказываются в настоящих жизненных ситуациях. Вовлеченные в решение широкого круга значимых, реалистичных, интересующих и достижимых задач, студенты обучаются спонтанно и адекватно на них реагировать, что стимулирует создание оригинальных высказываний, а не шаблонную манипуляцию языковыми формулами. Развитие образования в наши дни органично

связано с повышением уровня его информационного потенциала. Эта характерная черта во многом определяет как направление эволюции самого образования, так и будущее всего общества.

Литература:

1. Дистерверг А. Избранные педагогические сочинения. — М., 1956.
2. Кручинин В. В. Разработка компьютерных учебных программ. — Томск, 1998.
3. Гершунский Б. С. Компьютеризация в сфере образования: проблемы и перспективы. — М., 1987.
4. Колесова Т. В. Test yourself. — Йошкар-Ола, 2007.

Китайский язык. Особенности устного и письменного перевода

Сусоева Екатерина Константиновна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Chinese language. Features of interpretation and translation

Susoeva Ekaterina
National Research Tomsk State University

Китайский язык — язык, который становится все популярнее с каждым днем. Ни для кого не секрет, что в настоящее время, число говорящих на китайском языке свыше одного миллиарда человек — примерно шестая часть всего населения планеты. Однако, количество желающих изучать данный язык, к сожалению, не так велико. Может быть, дело в невероятно сложной языковой системе или в том, что китайская грамота испещрена множеством иероглифов. Так или иначе, мы попытаемся разобраться с тонкостями китайского языка, а именно с особенностями перевода китайского языка на русский язык.

В настоящее время нам известно два вида перевода: устный и письменный. В каждом из них есть свои нюансы, плюсы и минусы. Давайте рассмотрим оба варианта в отдельности.

Устный перевод. Особенностью устного перевода является высокий темп работы. Здесь у переводчика резко ограниченное количество времени, необходимо быстро подобрать русский аналог. Переводчик должен обладать быстрой реакцией, догадливостью, памятью и прекрасно разбираться в теме переговоров. Ведь особенностью китайского языка считается порядок построения предложения, а именно — перевод китайской фразы начинается с её конца. Получается, что в этом случае необходимо предугадать, о чем же говорит китаец [4].

Следует обратить внимание на то, что при устном переводе, у переводчика нет времени и возможности пользоваться какой-либо справочной литературой, словарями и конспектами. Это значит, что для эффективного осуществления переводческой деятельности необходимо глубокое понимание тематики перевода, знание соответствующих терминов. Отсюда можно сделать вывод, дабы свести

до минимума трудности в понимании смысла, переводчику нужно грамотно провести подготовительную работу — например, зная тему переговоров, накануне изучить весь активный вокабуляр, непосредственно касающийся этой темы. Заблаговременное предоставление подобной информации заказчиком, может самым благоприятным образом повлиять на качество, красоту и точность перевода [1].

Работа с людьми — неотъемлемая часть устного перевода. В этом деле мало разбираться в языке, нужно очень тонко чувствовать эмоциональную окраску сказанных слов, уметь передать правильную интонацию и, сохраняя хладнокровие, быть максимально дипломатичным. Особенно трудна работа переводчика в случае сложных, конфликтных ситуаций. Когда на кону успешность сделки или судьбы стран, переводчик не имеет права ошибиться в выборе тона.

Более сложной для переводчика во время переговоров зачастую является работа в обе стороны. Необходимость в быстром «переключении» из одной системы мышления в другую.

Сложностью устного перевода является и то, что китайский язык — язык тоновой системы, то есть важнейшую роль играет интонация, а не звуки. Таким образом, каждый слог китайского языка можно произнести четырьмя разными интонациями и смысл будет меняться, в некоторых случаях на совершенно противоположный.

Письменный перевод. Китайский письменный перевод не менее сложен, чем устный. Явной положительной стороной является то, что переводчик может воспользоваться словарем, справочником либо любым другим средством. Огромный плюс — это запас времени, конечно же, если речь не идет о срочной работе и сжатых сроках её выполнения. Однако требования к итоговому документу со-

всем другие по сравнению с устным выступлением. Так как во время устного перевода требования к информативности и «красиво» построенному предложению немного снижены в виду неких нюансов, которые мы рассматривали выше, чего нельзя сказать о письменном переводе. Всем известно, что перевод китайских текстов должен быть точным и полным. Идеальный перевод китайского языка на русском воспринимается так, как будто он написан на нем изначально. При этом важно, чтобы не терялся ни смысл, ни значение терминов.

Занимаясь переводом, переводчику нужно обязательно учитывать специфику текста. Различные публикации: научные, информационные, художественные, религиозные — все они имеют различную стилистику, используют различные средства. При этом в итоговом тексте требуется точно передать не только смысл, но и чувства. Ведь текст так ли иначе воздействует на читателя, после его прочтения автор рассчитывает на определенную реакцию прочитавшего.

Выполняя перевод на китайский язык, нужно учитывать ряд особенностей. Так как в китайском языке, в отличие от русского, отсутствуют грамматические изменения слов (окончания, склонения, спряжения и пр.), то ключевое значение для перевода (как устного, так и письменного) имеет порядок слов в предложении [2].

При переводе на китайский язык следует учитывать разницу между традиционным и упрощенным написанием иероглифов. Первый вариант используется в Гонконге, Тайване и Макао, второй — в материковом Китае. При этом

за годы изолированного друг от друга развития в этих вариантах языка выработались и другие различия, которые также необходимо учитывать при переводе [5].

Как и в любом языке, сложность для перевода на китайский язык представляют фразеологизмы, поговорки, которые чаще всего основаны на использовании имен легендарных персонажей.

В силу подобного своеобразия элементов письма китайская классическая письменность имеет свой совершенно несхожий с разговорной речью грамматический и стилистический строй.

Характерными признаками классической письменности являются:

- лаконичность и ритмичность предложений;
- отсутствующая пунктуация замещается строгими штампами в построении фраз;
- известная часть иероглифов, так называемые «пустые иероглифы», имеет значение служебных грамматических знаков [3].

Несмотря на то, что на мировом рынке, письменный перевод считают проще (или легче) устного, от этого он не становится легко выполняемым. Многие переводчики отдают свое предпочтение именно письменному переводу, считая, что он намного интереснее, познавательнее и увлекательнее устного. Спорить об этом бессмысленно, так как эти два вида перевода совершенно разные и имеют свои уникальные особенности, но, в то же время, ни без одного из них невозможно представить общение между народом Китая и других стран мира.

Литература:

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частичной теории перевода). — М.: Международные отношения, 1999. — 240 с.
2. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. — М.: Международные отношения, 1999. — 215 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
4. Латышев Л. К. Проблемы перевода. — М., 1998.
5. Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность. — М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. — 640 с.
6. Тихонова Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): дис. канд. пед. наук / Е. В. Тихонова — Томск, 2014. — 152 с.
7. Тихонова Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. — Томск, 2014.
8. Привороцкая Т. В., Волкова Ю. С. Языковые реалии как отражение национально-культурной специфики на материале рассказа Лу Синя «Лекарство» // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1434–1437.
9. Гураль С. К., Терешкова Н. С. Формирование профессиональной компетентности переводчика при обучении техническому переводу // С. К. Гураль, Н. С. Терешкова // Язык и Культура. 2015. № 3 (31). С. 80–86.

Образ России в произведениях Р. М. Рильке

Токарева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, начальник программно-методического отдела
 Медицинский информационно-аналитический центр г. Ханты-Мансийска

Проблема восприятия одной национальной культурой достижений и ценностей иной культурной традиции всегда является актуальной. Как западная культура стала активным фактором отечественного литературного процесса, так и русская культура на протяжении последних ста лет является источником, питающим творчество многих европейских писателей, в ряду которых находится и Р. М. Рильке. Вопрос о «русских истоках» поэтической образности Р. М. Рильке является одним из основных в современном «рилькеведении». На примере данной статьи мы попытаемся проследить развитие духовных исканий поэта и выявить реалии русского православия в творчестве Р. М. Рильке.

Ключевые слова: православие, «русские истоки», образ бога, русское искусство

Немецкий поэт Райнер Мария Рильке был одним из тех редчайших гениев, которые, вырастая из своего времени, вместе с тем стоят как бы вне времени, непосредственно укорененные в сверхвременных глубинах духа.

В завывании бурь ему слышится плач Бога «тихого», бесприютного, который не может, войти в «мир», «который, «как отверженный прокаженный, обходит города». «Ты — просящий и робкий», «дрожащий звук», еле слышный «в силе громких голосов». Ты никогда иначе не учил о себе, ибо Ты не окружен красотой и к Тебе не влечется богатство, Ты — простой... Ты — бородатый мужик во веки веков». И поэт воспеваает истинную бедность, это «великое сияние изнутри», как подражание Богу. В образе темного, бородатого нищего в русском храме поэт видит лик Божий, и он чувствует, что Бог, который не находит себе покоя в шумном ходе времени, имеет приют в сердце мужика.

Именно к этому периоду творчества Р. М. Рильке относится ряд произведений — результат путешествий поэта по России: серия небольших рассказов «О господе боге и другое» (1900) и поэтический сборник «Часослов», состоящий из трех книг: «о монашеской жизни», «о паломничестве», «о бедности и смерти» (1905). В этих сочинениях, коротких, но содержательных, носящих философский характер, поэт демонстрирует необычайно глубокие знания о России, начиная с исторических фактов и заканчивая деталями быта и интерьера.

Так в цикле «О монашеской жизни» — первой части сборника «Часослов» — тема путешествия в Россию звучит в завуалированной форме. Эта книга в стихах — монолог монаха, беседующего с богом. В центре находится идея бога. Однако образ бога у Рильке своеобразен. Он пишет не о боге определённой религии, а о боге вообще, как о «символе иррационального бытия» [1, с. 294]. Несомненным является тот факт, что предметность данного произведения вызвана глубоким резонансом от увиденного в России, её религиозностью, величием российских храмов и чистым перезвоном её церковей.

«Просторы России, знакомство с русской литературой, с русскими художниками, своеобразие русской православной церкви — всё это открыло шлюзы для глубинной и мощной реки гения Рильке». [3, с. 5] Он увидел Россию православную, Россию терпеливую и смиренную, Россию

паломников и богомольцев, которая, предстаёт перед нами во второй книге «Часослова» — «Книге о паломничестве»:

На богомолье. И всей толпою поднялись:
 Поклоны бью бородатые мужчины,
 И стягивают дети с плеч овчины,
 И на реку спешат, полны кручины,
 Молчальницы, чья родина — Тифлис.
 По-мусульмански чтут они Христа,
 По-христиански ожидая чуда;
 Вода в ладони входит, как в сосуды,
 И, чистая, вливается в уста. [7, с. 65]

Русские темы, столь существенные для «Часослова», играют заметную роль и в новой книге «Книге образов» (1902). Примером тому служит цикл стихотворений «Цари». Этот цикл сложился в 1899 году и был завершён в 1906 году в Париже. «Цари» интересны нам, с одной стороны, тем, что связаны с поиском подлинного лика России, с другой стороны, обращением к созданию художественного мира русских былин, что явилось своего рода их популяризацией в западной культуре. Необычайно выразительно и поэтично в этом цикле изображается Илья Муромец:

...Два странника призвали божье имя,
 И, хворость одолевши, перед ними
 Встал богатырь из Мурома, Илья.
 ...Но взрослый сын воспрянул, вышел в поле
 И в борозду вогнал тяжёлый плуг.
 Он вырывал деревья, что грознее
 Бойцов стояли твёрдо сотни лет,
 И тяжесть поднимал, смеясь над нею,
 И корни извивались, точно змеи,
 Впервые видящие свет. [8, с. 131].

Точкой наибольшего сближения Рильке с Россией являются восемь стихотворений, написанных по-русски. Темы этих стихотворений — Россия, одиночество, образ бога. В них идеал жизни и человека:

Родился бы я простым мужиком,
 То жил бы с большим просторным лицом:
 В моих чертах не доносил бы я,
 Что думать трудно и чего нельзя сказать...

В этих строчках, несмотря на видимые ошибки в грамматике, некоторые языковые неточности средств выражения, чувствуется поэзия, отголоски русской душевности

и теплоты, возымевшие влияние на Рильке в результате его поездок по России.

Известно намерение поэта посетить Россию в третий раз. В письме к Кларе Вестхоф 1900 году поэт сообщал о своём намерении следующее: «В январе 1901 года я снова уеду в Россию. Там для меня странным образом упрощаются все черты жизни, и всё становится яснее, там мне легче работать, улучшать, добавлять». [6, с. 305]. Однако третья поездка в Россию не состоялась в силу определённых обстоятельств.

Следует отметить, что особое место в творчестве Рильке занимает статья «Основные тенденции в современном русском искусстве» (1900), в которой, поэт подтверждает значимость русской литературы во всём мире, оригинальность и уникальность русского изобразительного искусства, пытается дать ответ на вопросы: каковы тенденции развития русского искусства, чем они вызваны. Рильке, изучая жизнь русского человека, совершает попытку понять суть происходящих явлений — основу возникающих тенденций. Он пишет: «Жизнь русского человека целиком протекает под знаком склоненного чела, под знаком глубоких раздумий, после которых любая красота становится ненужной, любой блеск — ложным. Он поднимает свой взгляд лишь для того, чтобы задержать его на человеческом лице, но в нём он не ищет гармонии и красоты. Он стремится найти в нём собственные мысли, собственное страдание, собственную судьбу и те глухие дороги, по которым прошли долгие бессонные ночи, оставив эти следы. Русский человек в упор рассматривает своего ближнего; он видит его и переживает и страдает вместе с ним, как будто перед ним его собственное лицо в час несчастья». [6, с. 311].

Погружение в изучение русского искусства у Рильке произошло настолько глубоко, что поэт может детально описать отличия русской иконы от итальянской иконы алтарного образца. Русская икона, как считает Рильке: «...является церковным атрибутом, как золотой сосуд или древняя молитва. Её форма традиционна. Столетия внесли в неё лишь самые незначительные изменения». [6, с. 315]. Однако он отрицает тот факт, что будто бы этот вид живописи не развивался, ведь русская церковь всегда жила своей жизнью. «Она живёт бесконечно тихой, бесконечно медленной жизнью, родственной внутренней жизни самого народа, душа которого наливается силой не как цветок — односторонне, а как деревья, чей рост замечаешь лишь тогда, когда расстаёшься с ними ребёнком, а возвращаешься стариком». [6, с. 315] И это является бесспорным фактом современности — проявление восторга и необыкновенного интереса к русским иконам со стороны ценителей мировых культурных памятников.

Описывая развитие русского искусства, Раймонд не забывает сказать несколько слов о древних промыслах, которые и поныне живут в русском народе — художественной вышивке на полотенцах и одежде, росписи деревянных и пр. изделий. Народное творчество в русском искусстве

вызывает необыкновенный восторг автора. Поэт приходит к выводу о том, что русская душа пытается выйти к искусству: к большому искусству, этому пониманию способствуют личные контакты Рильке с представителями русской интеллигенции, среди которых: А. Н. Бенуа, В. В. Голубев, С. В. Дягилев, и заочное знакомство с М. Цветаевой и Б. Пастернаком, которое произошло в 1926 году, когда началось эпистолярное общение с молодыми русскими поэтами. Поэзия как высшее духовное начало, проявляющееся во времени через его «носителей» — поэтов, становится одной из главных тем в этой переписке. Все трое пишут об изначальном, что способно возрождаться в поэтах «через времена». Узнав от Л. О. Пастернака, что Рильке помнит о нём и следит за его литературными успехами, Б. Пастернак отправил ему большое письмо по-немецки. Пастернак пишет Рильке о поэте, «который вечно составляет содержание поэзии и в разные времена, именуется по-разному». [8, с. 54] В свою очередь Р. М. Рильке ответил Б. Пастернаку следующим коротким письмом: «Вы дали мне увидеть и почувствовать всё то, что Вы так чудесно приумножили в себе самом. В том, что Вы способны ответить мне столь значительное место в Вашем духовном мире. Сказывается величие вашего щедрого сердца. Да снизойдёт всяческое благословение на вашу жизнь.» [8, с. 106] Из этого же письма мы узнаём о том, что Б. Пастернак заочно познакомил Р. Рильке с М. Цветаевой. Подхватывая эту тему, Раймонд Мария Рильке ответил М. Цветаевой известным лирическим четверостишием на форзаце «Дуинских элегий»:

«Касаемся друг друга. Чем? Крылами.

Издаю своё ведём родство.

Поэт один. И тот, кто нёс его,

Встречается с несущим временами...» [8, с. 83].

В приведённых строках — образ всадника, символизирующий двуединство поэзии и природы. М. Цветаева откликается на эти строчки признанием: «Вы — явление природы, Вы — воплощённая пятая стихия: сама поэзия, или Вы — то, из чего рождается поэзия и что больше её самой — Вас». [8, с. 84]

Впоследствии Р. М. Рильке посвятил два стихотворения М. Цветаевой. Первое — «Элегия»:

«О, утраты вселенной, Марина, звёздная россыпь!

Мы не умножим её, куда мы не кинься к любому

В руки созвездью, а в общем-то, всё сочтено...» [5, с. 412].

Приведённый отрывок «Элегии» к М. Цветаевой, как и письмо к Б. Пастернаку подтверждают оживлённую переписку поэтов друг с другом и постоянный, взаимный, творческий интерес.

Смерть Р. М. Рильке глубоко потрясла русских поэтов. М. Цветаева написала реквием в стихах «Новогоднее», позже перевела несколько писем Р. М. Рильке, сопроводив их необходимым комментарием. В «посмертном» письме она сообщала: «...Не хочу перечитывать твоих писем, а то я захочу к тебе — захочу туда, — а я не смею хо-

теть, — ты ведь знаешь, что связано с этим «хотеть»...», и далее: «не смей грустить! Сегодня в полночь я чокнусь с Тобой. (Ты ведь знаешь мой удар: совсем тихий!) Любимый, сделай так, чтобы я часто видела тебя во сне — нет, неверно: живи в моём сне. Теперь ты вправе желать и делать... С Новым годом и прекрасным небесным пейзажем!» [8, с. 222] Двое — Б. Пастернак и М. Цветаева в жизни были лишь бегло знакомы. Р. М. Рильке, с чьей смертью прервалась эта переписка, никогда не встречался со своими младшими корреспондентами. Однако это не помешало их удивительным письмам быть высочайшим образцом лирического порыва, преодолевающего пространство и границы и, как луч света, освещающего их гениальную

художественную одарённость, открытость и стремление друг к другу.

Таким образом, путешествия по России, изучение её культуры и обычаев, знакомство с русскими художниками и поэтами позволили Рильке создать «свою» Россию, которая предстала перед ним страной с огромным потенциалом: с народом — художником, народом- созерцателем и великим будущим; где он, как ему казалось, нашёл то, чего ему не доставало на Западе. Среди народа, ставшего ему родным и близким, он сполна ощутил своё призвание — поверил в свою поэтическую миссию, осознал в себе качества, которые считал необходимыми предпосылками творческого состояния: набожность, терпеливость, смирение.

Литература:

1. Азадовский К., Чертков Л. Русские встречи Рильке // Р. М. Рильке. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. — М., 1994.
2. Пастернак Л. О. Встречи с Р. М. Рильке // Р. М. Рильке. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. — М., 1994.
3. Пиккель М. В. Предисловие переводчика // Рильке Р. М. Часослов. — Архангельск, 1995.
4. Rilke R. M. Lou Andreas-Salome. Briefwechsel. — Fr. am Main, 1993.
5. Р. М. Рильке. Книга Образов. — СПб., 1999.
6. Р. М. Рильке. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. — М., 1994.
7. Р. М. Рильке. Часослов. — М., 2000.
8. Рильке Р. М. Дыхание лирики. Переписка с М. Цветаевой и Б. Пастернаком. — М., 2000.

Гиперболическая семантика имен прилагательных

Худайберганова Назокат Рахимовна, преподаватель;

Рузиматов Сардорбек, преподаватель

Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Khudayberganova Nazokate Rakhimovna, les professeus;

Ruzimatov Sardor, les professeus

Université d'Etat d'Urgentch (Uzbekistan)

Признаковые поля гиперболы занимают центральное место по количеству и определяющей роли для других полей. Основное средство выражения гиперболы в признаковых полях — имя прилагательное. Для единиц этих полей существуют специальные формы степеней сравнения. Аффиксальный способ построения градации признака наблюдается у качественных имен прилагательных и наречий: *неважный (неважно) маловажный (маловажно) — важный (важно) — архиважный (архиважно) — жизненно важно* и т. п.

Этот способ более характерен для построения положительных характеристик признаков, а отрицательные при этом могут быть представлены разнокоренными лексемами. Ср.: *хамский — грубый невежливый — вежливый — сверхвежливый — фантастически (божественно) вежлив* и т. п. С помощью аффикса уменьшительности в наречиях, образованных от имен при-

лагательных и называющих отрицательный признак, создается степень слабого проявления гиперпризнака (*тошновато, плоховато, паршивенько*), как и у наречий, называющих положительный признак (*недурненько, хорошенько*).

При создании гиперболы важна роль имен прилагательных с компонентом *полу-*, ср.: *Некоторый прирост обремененной огромными долгами полуживой экономики оказался возможен лишь в связи с неожиданным повышением цен на нефть на мировом рынке* (С. Галустян).

Наибольшее количество степеней градации представлено у имен прилагательных, характеризующих качества человека, его здоровье, внешность, характер и т. д. Ср. убывание признака «здоровье» у прилагательных *болезненный — слабый — некрепкий — хилый, жидкий — чахлый, хлипкий* (очень слабый) — *дохлый* и нарастание признака «полнота, жирность» у имен прилагательных

гладкий — сытый — упитанный — круглый — пухлый — полный — пышный, грузный, тучный — толстый — жирный — толстомясый. Это обусловлено социальной значимостью данных номинаций и наличием пар синонимов с положительной или отрицательной оценкой.

Ср.: *Досадно то, что самое последнее слово техники будет сказано за минуту до светопредставления; И осиновый кол есть вид памятника* (Дон Аминадо). В создании гиперболы принимают участие имена прилагательные, называющие рост человека: *карликовый, низенький, короткий, низкорослый, коренастый, средний, выше среднего, высокий, высоченный, здоровенный.*

Отметим убывание признака «торжественность» у имен прилагательных: *торжественный — праздничный — будничные — затрапезный (самый будничные, самый ненарядный).* Ср.: *спокойный — взволнованный — бурный — буйный — бешеный; тихий — взбудораженный — неистовый.* Аффиксальный способ построения гиперболы, называющей признак показан на примере следующих имен прилагательных: *неважный, маловажный, важный, архиважный», незначительный, малозначительный, значительный; несущественный, малосущественный, существенный, существеннейший.* При выражении гиперболизма имена прилагательные участвуют в создании комического эффекта, иронии: *У самородка все от Бога и ничего от среднего учебного заведения; Честный ребенок любит не папу с мамой, а трубочки с кремом; Чтобы любовь была вечной равнодушие должно быть взаимным* (Дон Аминадо) *До революции он был генеральской задницей. Революция его раскрепостила и он начал самостоятельное существование; И снова Г. Продал свою бессмертную душу за 8 руб.* (И. Ильф).

У имен прилагательных, характеризующих человека по признаку «трусливый» можно выделить следующие степени градации: боязливый, трусливый, пугливый, робкий, трусоватый и т. д. *Робкий* — крайне нерешительный, отступающий перед малейшей опасностью. Если эти же лексемы поместить в поле «смелости», то у них же будет градуироваться другой семантический признак — «смелый», но только с отрицательными значениями: *трусливый — боязливый — смелый — геройский.* Имена прилагательные, для которых основным семантическим признаком выступает признак «сильный», включаются в градацию по семантическому признаку «сила и интенсивность»:

- 1) слабый;
- 2) сильный;
- 3) чрезмерный, чрезвычайный, непомерный, безмерный, неимоверный. Лексемы *наименьший, минимальный, наибольший, максимальный,* предельный обозначают крайнюю степень, безотносительно к другому, если нет сочетаний из возможных, из допустимого и т. п.

Слабый (о физически слабом человеке) указывает на то, что беспомощен в меньшей мере, но недостаточно

силен, беспомощный, беззащитный, бессильный указывают на полное отсутствие силы. Имена прилагательные ряда *сверхмалый — мизерный — маленький, средний* (обычный по размеру, объему, величине и др.) — *немалый, большой, великий* употребляются в речи при характеристике степени или силы проявления чего-л., преимущественно чувства, состояния. Ср.: *с великим удовольствием, к великому удивлению, к великой досаде, очень большой, огромный, громадный, чрезвычайно большой* и т. п. В число важнейших для человека характеристик входят характеристики человека по его весу и росту: *болезненный, хилый, слабый, некрепкий, хлипкий (очень слабый), чахлый (очень слабый), дохлый (крайне слабый), жидкий; толстый, полный, жирный, тучный, упитанный, грузный, пухлый, пышный, гладкий, полнотелый, сдобный, дородный, дебелый, мясистый, толстомясый, сытный, круглый.*

Характеристика предметов по внешнему виду составляет важнейший пласт лексики языка: *Если вы когда-то на пляже в Сочи или где-то увидите красивую женщину, которая идет с достоинством и подчеркивает все свои прелести, — это мурманчанка, бесспорно* (О. Найденов); *Он походил на картинку из модного журнала, где тщательно вырисована каждая складка костюма, а лицо только намечено пунктиром* (Э. Кроткий). Ср.: *плюгавый — невзрачный — внушительный — грандиозный; махонький — незначительный — значительный — великолепный; убогий — несолидный — солидный — импозантный.* Легкий для выполнения, понимания: *легкий, нетрудный (довольно легкий), несложный (довольно простой), простой, элементарный (очень, чрезвычайно простой), нехитрый, немудреный, пустячный, плевый.* Для признакового поля «цвета» определяющим являются имена прилагательные-цветообозначения. Определяющим является соотношение имен прилагательных и соответствующих им классов объектов. Они взаимодействуют семантически, в результате чего образуются словосочетания: *белый снег, красный мак, черный уголь, голубое небо, зеленая трава* и т. п. Ср.: *ослепительно-белый снег; Черная как уголь кожа.*

Семантическое поле имен прилагательных, обозначающих цвета и их оттенки, понимается как упорядоченное множество, группируется вокруг схемы, представленной именами прилагательными *белый, черный, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, фиолетовый: Кто-то, огромный, в тумане бежит... / Тихо смеется. Рукою манит. / Кто это там? / Сел за рекою. Седой бородой / нам закивал / и запахнулся в туман голубой; Свой купол нежно-снеговой / Хаосом пепельным обрушит — / Тот облак. что над головой / Взлетающим зигзагом душит... {к. Белый}; «Богоматерь! / Для чего в мой черный (в знач. «недобрый» — авт.) город / Ты Младенца привела?» (А. Блок); Из колымского белого ада / Шли мы в зону в морозном дыму. / Я заме-*

тил окурочек с красной помадой / И рванулся из строя к нему. (Ю. Алешковский). Эти имена прилагательные служат идентификатором, на основе которого выделяются не только семантические классы имен прилагательных, но и входящие в них единицы с более сложной семантической структурой: Там, где обыкновено с несмолкаемым грохотом день и ночь работал исполинский завод,

была необычная, жуткая тишина (А. Куприн); Сумерки, угрюмый лес, густой туман и главным образом эта мертвящая тишина создавали картину невыразимо жуткую и тоскливую (В. Арсеньев); Еще спутан и свеж первоуток, / Еще чуток и жуток, как весть, / В неземной новизне этих суток, / Революция, вся ты, как есть (Б. Пастернак).

Литература:

1. Danièle Bandelier, “L’expression de la souffrance dans *Nuit de l’enfer*”, *Dix études sur “Une saison en enfer”*, À la Baconnière, 1994, p. 67–82.
2. Dictionnaire franco-ouzbek. Tashkent. 2008.
3. <http://ironie.free.fr/index.html>

Сохранение прагматического аспекта при передаче англицизмов на материале перевода романа Бенуа Дютертра с французского языка на русский

Чигиринова Ольга Юрьевна, студент
Российский государственный гуманитарный университет

Научный руководитель: Коваленко Антон Сергеевич, преподаватель
Московский государственный лингвистический университет

Данная статья посвящена проблеме передачи англицизмов при переводе. Рассмотрены причины возникновения англицизмов, а также варианты их использования как средств выразительности в художественном тексте. Также рассматриваются подходы различных переводоведов и лингвистов к анализу и переводу англицизмов и иноязычных вкраплений. На материале романа Б. Дютертра «Все должно исчезнуть» приводятся примеры переводческих решений с точки зрения их разделения на окказионализмы, потенциальные узуальные единицы и собственно неологизмы, при переводе делается акцент на сохранении прагматического аспекта. В заключении даны рекомендации автора по переводу рассматриваемых единиц.

Ключевые слова: англицизм, заимствование, окказионализм, потенциальная узуальная единица, неологизм, экзотизм, иноязычное вкрапление, контекст, переводческая трансформация, прагматический эффект, авторская интенция, экспрессивно-стилистический аспект, сочетаемость

В настоящее время ввиду участившихся активных межъязыковых и межкультурных контактов происходит «неологический бум», особенно сильно проявляющийся в распространении единиц лексики английского языка. Активное распространение и заимствование англицизмов связано, прежде всего, с тем, что английский язык в настоящее время является самым широко используемым языком делового общения. В процессе межкультурной коммуникации происходит языковой обмен, в ходе которого элементы английского языка проникают как в устную, так и в письменную речь носителей других языков. В связи с данными процессами возникает проблема перевода английских слов и выражений, присутствующих в текстах. Мы рассмотрим данную проблему и варианты ее решений на примере перевода французского художественного текста на русский язык на материале романа Б. Дютертра «Все должно исчезнуть».

Прежде всего, изучая проблему перевода таких сложных и неоднозначных единиц речи, как англицизмы, следует

определить, что представляют собой англицизмы и в чем основная сложность их передачи. Англицизмы по сути своей являются языковыми заимствованиями. Заимствование — «элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [6, с. 158]. Одновременно англицизм является неологизмом, либо являлся таковым на определенном этапе заимствования, пока полностью не ассимилировался в языке-реципиенте. Так, лингвисты В. В. Виноградов и М. Н. Золотарева считают определяющим в понятии неологизма временной критерий. Согласно их точке зрения, срок пребывания нового слова в статусе неологизма составляет 30 лет. Далее неологизм ассимилируется, проходит процесс конвенционализации и входит в строй лексики того или иного языка, либо устаревает и более не используется. Таким образом, англицизм точнее всего будет отнести к понятию «заимствование-неологизм» — это новая лексическая единица, образованная посредством ресурсов собственного языка на основе ино-

язычной лексической единицы, либо элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов. В. И. Заботкина рассматривает неологизмы типа заимствование как обладающие высокой неологической силой, то есть силой воздействия на читающего или слушающего. Высокая степень их новизны объясняется нехарактерной фонетической дистрибуцией заимствования и нетипичным морфологическим членением, а также отсутствием мотивации. [5]

Употребление англицизмов обусловлено многими факторами: языковыми, психическими, социальными, эстетическими; потребностью в уточнении понятий, в разнообразии средств, в понятности, краткости и удобности.

Опираясь на мнение таких лингвистов, как М. А. Брейтер и Л. П. Крысин, можно выделить следующие факторы, влияющие на появление заимствования в языке:

1. Отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора.
2. Отсутствие соответствующего, более точного наименования в языке-рецепторе.
3. Обеспечение стилистического эффекта.
4. Выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает единица языка-рецептора.

Существуют также социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью — иноязычного слова как более престижного, «ученого», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия, экспрессивность новизны [7, с. 58].

При переводе текстов мы считаем важным выделить три стадии адаптации заимствований-неологизмов к особенностям лексико-семантической системы принимающего языка. В зависимости от принадлежности к той или иной стадии адаптации следует по-разному подходить к переводу данных единиц.

1. Окказионализмы — слова, образованные применительно к данному случаю, к данному контексту» [9, с. 483].

2. Окказионализмы переходят в **потенциальные** узловые единицы.

3. Языковые единицы входят в систему заимствующего языка и становятся собственно **неологизмами**. [11]

Главное отличие неологизмов от окказиональных и потенциальных слов заключается в следующем: «неологизм — это факт системы языка» [12, с. 64]. Неологизмы используются изолированно, так как для них отсутствует необходимость привязки к контексту (*blog, star*). Потенциальные и окказиональные слова — факты речи, не вошедшие в язык [13, с. 154], понятные при отдельном случае их употребления (*addictage*). Окказионализм соотносится с определенной речевой ситуацией и вне контекста часто остается непонятным (*anti-team building*). Окончательным подтверждением вхождения неологизмов в систему языка является их регистрация сначала в словарях неологизмов, в дальнейшем — во французском языке в словарях «Petit Robert» и «Petit Larousse».

Не менее важно при переводе отличать англицизм от так называемого англицизма-неологизма. Англицизм — неологизм, образованный посредством заимствования элемента или целой лексической единицы из английского языка, прошедший три стадии адаптации и ставший фактом языка (*stock, Internet, blog*). Следует упомянуть, что интеграция англоязычных единиц чаще всего не характеризуется высокой степенью их ассимиляции (*must have, people*). Англицизм-неологизм в систему языка не вошел, следовательно, находится на предыдущих ступенях развития и имеет яркий оттенок новизны.

Употребление англоязычных единиц в данном случае связано со свободой выражения и расширением рамок собственного языка, но в то же время оно неоднозначно оценивается разными лингвистами. Многие заимствования не всегда оправданы и целесообразны и «засоряют» речь другого языка. Так, в связи с этим Главная Делегация по вопросам французского языка и языков Франции (DGLFLF) рекомендует французские эквиваленты вместо англоязычных лексических единиц.

Если англицизм уже является ассимилировавшимся в языке заимствованием — то есть является собственно англицизмом, подобного рода слова представляют собой факты языка. В этом случае появление в тексте заимствованного слова вызывается необходимостью, вытекающей из коммуникативной функции языка, слово не несет никакой экспрессивно-стилистической нагрузки, связанной с его иностранным происхождением, и должно переводиться так же, как и элементы слоя исконной лексики иностранного языка. В случае же наличия еще не вошедшего в систему языка англицизма-неологизма мы рассматриваем необходимость проанализировать данную единицу с точки зрения прагматики, цели его вкрапления в оригинал, авторской интенции, от чего мы и будем отталкиваться, принимая те или иные переводческие решения.

Далее необходимо выяснить, не относится ли рассматриваемая единица к экзотическим словам (экзотизмам), которые существуют в языке, чтобы обозначить вещи и явления жизни другого народа. И. А. Цыбова добавляет к ним ряд имен собственных, а также этнографизмы и регионализмы: *UNESCO, Times, General Motors, British Airways, John, USA* [14].

При переводе экзотизмов следует учитывать, что важно сохранить национальное своеобразие подлинника в переводе. Эта задача выполняется не столько за счет различных приемов передачи фоновой информации средствами переводящего языка, сколько творческим воссозданием всего идейно-художественного содержания произведения, передачей мироощущения автора, его стиля и манеры письма. При этом, употребляя экзотизм, писатель не всегда акцентирует внимание читателя на его отличии от других предметов того же рода, в таком случае переводчик может прибегнуть к приему генерализации понятия [2].

Отдельно следует рассматривать иноязычные вкрапления в авторских текстах. В экзотических словах изменена

только графика; иноязычные вкрапления часто не меняют даже своего графического облика.

Иноязычное слово может вкрапливаться в речь для создания колорита, для выделения какой-либо черты, специфика которой в большой мере утратится, если соответствующее слово заменить его переводом [8]. В прямой речи персонажей иностранные слова часто являются средством речевой характеристики [4].

Согласно С. Влахову и С. Флорину, самым естественным кажется перевести иноязычное вкрапление в сносках и дать комментарии в конце [3, с. 266]. Но большое количество иноязычных вкраплений (объясненных и необъясненных) затрудняет чтение и оригинала, и перевода. И. Левый говорит о том, что наиболее приемлемым решением будет перевести на свой язык важнейшие в смысловом отношении фразы и намекнуть на атмосферу чужезычности путем сохранения в переводе приветствия и кратких реплик. Далее в тексте намеки на иностранную речь можно комбинировать с пояснениями («обронил он по-турецки»)[10].

Однако наиболее сложные места, особенно, когда перевод осуществляется на язык вкрапления, требуют высокого мастерства и индивидуальных решений переводчика.

Делая промежуточный вывод, мы полагаем, что перевод рассматриваемых единиц является большой переводческой трудностью, и способ перевода каждого конкретного случая будет определяться особенностями употребления, а также природой иноязычных единиц, что будет требовать от переводчика индивидуального подхода к каждому встретившемуся в исходном тексте иноязычному элементу.

Рассмотрим конкретные примеры работы с англицизмами на материале перевода фрагментов романа Бенуа Дютертра «Все должно исчезнуть», рассмотрев встретившиеся трудности перевода англицизмов по группам.

1. Собственно англицизмы. В рассматриваемом романе автор употребляет англицизмы наравне с исконной лексикой французского языка, вследствие чего иноязычное происхождение данных слов при переводе не будет играть роли, например:

а. слово *interview*, проникшее во французский язык из английского (в свою очередь, появившееся в английском языке от заимствования французского слова *entrevue*), мы переводим словом *интервью*, которое также проникло и впоследствии закрепилось в русском языке.

б. слово *star*, часто употребляемое в анализируемом тексте. Данная лексическая единица (от английского *star*) также стала фактом французского языка, заимствовав одно из значений английского слова — *известная личность мира кино, театра* и т. д. Аналогичное значение присуще слову русского языка *звезда*, вошедшее в русский язык как калька с английского. При переводе слова *star* удобно использовать слово *звезда*.

с. Также можно рассмотреть слово *smoking*, заимствованное из английского рядом других языков, в том числе французским и русским (*смокинг*). На определенном этапе заимствования данное слово являлось экзотиз-

мом, но с приходом в язык самого понятия перестало таковым являться и также вошло в системы других языков. Таким образом, следует переводить слово *smoking* англицизмом *смокинг*, которое будет полностью эквивалентно французскому аналогу англицизма.

2. Англицизмы, англицизмы-неологизмы, иностранные вкрапления, использованные автором для достижения коммуникативной цели. Основная часть англицизмов и американизмов, встречающихся в тексте, использована автором намеренно для стилизации текста под «модный» и «современный» язык [8]. С переводческой точки зрения интересна прямая речь одной из героинь романа, по сюжету занимающей руководящий пост в издательстве модного женского журнала. Ее речь представляет собой речь на французском языке с частым употреблением междометий, разговорной лексики и сленга, с вкраплением англицизмов, английских слов или целых предложений на английском языке. Цель использования англицизмов персонажем в данном случае — подчеркивание своей успешности, энергичности, динамичности, современного взгляда на жизнь; ведь, как писал Л. П. Крысин и М. А. Брейтер, слова английского происхождения воспринимаются как более «модные», престижные и актуальные. Чтобы сохранить прагматический эффект, оказываемый на читателя, следует сохранять авторскую стилистику и передавать «модные» слова во французском языке «модными» словами в тексте перевода. Вследствие вышесказанного вариантами передачи англицизмов исходного текста будет в зависимости от ситуации употребление англицизмов, при невозможности сохранения англицизма — использование переводческих трансформаций (если это возможно), или же снятие экспрессивности с последующей компенсацией. При переводе необходимо учитывать, насколько текст будет понятен и насколько целесообразным будет использование англицизма в русскоязычном тексте. Рассмотрим примеры:

а. *C'est une rubrique franchement «in», tu vois?... Faut que ça rebondisse pour driver le lecteur sans effort. Chaque papier est un challenge!*

В реплике встречаются англицизмы и английские слова *in*, *driver*, *challenge*. Лексема *in* употреблена в тексте в качестве прилагательного, которое в английском языке имеет значение *модный, современный, актуальный*. В русском языке употребление английского слова неуместно, так как будет непонятно среднестатистическому читателю, одним из вариантов станет его замена на сленговое выражение *в теме*, широко употребляемое в настоящий момент и сохраняющее значение английского слова (передает актуальность и современность, английское *in* переключается с русским предлогом *в*, а также все выражение требует заключения в кавычки для выделения из общего текста). Англицизмы *driver* (от английского *drive* — *ехать, водить, управлять, гнать*) и *challenge* (от английского *challenge* — *трудность, вызов*) уже закреплены в словарях французского языка, однако являются неологизмами и не потеряли окраску новизны и принадлежности

к английскому языку. Чтобы сохранить прагматический эффект, возможно перевести слово *driver* нейтральным в русском языке глаголом *управлять*, снизив его стилистический эффект, и в качестве компенсации усилить акцент на слове *challenge*, сохранив его путем транскрибирования. Данное слово используется в сленге русского языка в подобных контекстах. Существует возможность, что слово может быть понято не всеми читателями, но и в таком случае его использование помогает сохранить прагматический эффект, так как главный герой произведения также не всегда понимает реплики рассматриваемого персонажа. Переведенная реплика будет выглядеть следующим образом:

— Наша рубрика всегда «*в теме*», понимаешь? Нужно иметь это в виду, чтобы легко *управлять* читателем. Каждая статья — это *челлендж*!

b. Je sors de la projection du dernier film de Brand Linson! Tu sais, ce truc hollywoodien, *completely nostalgic*!

Вкрапление из английского языка *completely nostalgic* — «*полностью, совершенно ностальгический*» не может быть передано в русском языке с сохранением английских слов по ряду следующих причин. Англицизм *nostalgic* как графически, так и фонетически близок французскому слову *nostalgique*, и не вызывает трудностей при понимании у французского читателя. Так как наша цель — стилизовать речь под «модную» и чаще всего нелицеподобную речь героини, мы сохранили англицизм *nostalgic*. При этом, как и англицизм во французском тексте, данное слово не будет вызывать трудностей в понимании, несмотря на то, что слово написано на латинице. В данном слове нет каких-либо сложных с фонетической точки зрения буквосочетаний, и рассматриваемый англицизм сможет быть правильно прочтен и не владеющим английским языком читателем, так как в России латиница широко распространена (в частности в названиях фирм, торговых марок и так далее). Таким образом, так как первые шесть звуков слова *nostalgic* повторяют звуки русского слова *ностальгический*, данное слово будет порождать у не владеющего английским читателя нужные ассоциации, а у человека со знанием английского вопросов вызывать тем более не будет.

Слово *completely* также не вызывает трудностей в понимании у французского читателя по причине того, что ассоциируется с лексической единицей *completement* ввиду возникновения между данными словами фонетической и графической анафоры (*complet-*). Мы заменили слово *completely* его синонимом *absolutely*, совпадающим первыми пятью звуками с русским словом *абсолютно*, таким образом сохранив смысл выражения и сделав его доступным для понимания русскому читателю:

— Я только что с показа последнего фильма Бреда Линсона! Знаешь, эта голливудская штука, *absolutely nostalgic*!

с. Рассмотрим другую реплику:

— *Why not?* On peut faire un truc *completement fou*. *Moi for exemple*, j'adore *Jessie Normann*. L'important, c'est d'en parler sous l'angle *fresh*!

Первое предложение представляет собой фразу на английском языке. Во французском языке данная фраза является иноязычным вкраплением, которое автор вставляет для стилизации текста под речь уверенной в себе дамы, демонстрирующей главному герою свое владение английским языком и свою успешность. Для сохранения данного эффекта при переводе одним из вариантов будет сохранение речи на английском языке с ее переводом в сноске. Далее, выражение *for exemple* при переводе на французский язык звучит как *par exemple*, слово *exemple* идентично по графике и близко по произношению вследствие относительной близости французского и английского языков, разницу составляет использование английского предлога вместо французского. В русском языке подобное выражение на английском не употребляется, а при сохранении английских слов смысл может быть неясен русскоязычному читателю. Следует перевести выражение средствами русского языка с последующей компенсацией экспрессивности, например, перевести глагол *adorer* в этом же предложении, используя англицизм *фанатеть*, относящийся к жаргону: *Я, к примеру, фанатею от Джессии Норман*. В таком случае прагматический эффект будет передан. В следующем предложении встречается английское слово *fresh*. Данный англицизм следует снять, так как он не распространен в русском языке, и перевести как *свежий* или *новый*. При рассмотрении реплики в целом мы получаем следующую картину:

— *Why not?* Мы можем сделать совершенно чумовую штуку. *Я, к примеру, фанатею* от Джессии Норман. Главное — писать о ней в *новом ракурсе*!

d. Помимо реплик героини романа, автор употребляет англицизмы в целях иронии, стилизуя свою речь под «модную» речь персонажей-представителей мира средств массовой информации. Так, автор использует английское слово *superwoman*, которое для сохранения прагматического эффекта возможно перевести способом транскрипции — *супервумен*. Данное слово не будет вызывать трудностей в понимании, так как создано по модели уже освоенного русским языком слова *супермен*, а также уже использовалось некоторыми русскоязычными публицистами (В. П. Аксенов, Я. Астафьев).

Подводя итоги, из проведенной нами работы можно сделать следующий вывод: к переводу англицизмов следует подходить в каждом рассматриваемом случае ответственно и индивидуально, изучив их функцию и степень экспрессивности в контексте, а также учитывая стиль авторского текста. Перевод англицизмов требует глубокого анализа каждой представленной в тексте лексической единицы и нередко творческого подхода при ее передаче в русском языке. При этом далеко не каждый англицизм может быть сохранен в тексте оригинала из-за языковой асимметрии, в данном случае (при переводе с французского языка на русский) из-за разной частоты заимствований англицизмов рассматриваемой парой языков, вследствие чего могут быть использованы и другие способы их передачи — англицизму во французском языке может соответствовать

элемент русского языка, лишенный иноязычной окраски, но эквивалентный по экспрессивно-стилистическим характеристикам (лексика, относящаяся к сленгу, жаргону, разговорные единицы речи и синтаксис). Это необходимо

для передачи в переводе прагматического эффекта, оказываемого на читателя в оригинале, в то время как текст не будет перегруженным и станет доступен для восприятия и понимания русскоязычному читателю.

Литература:

1. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. — Владивосток: Диалог-МГУ, 1997.
2. Виноградов. В. В. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: «Международные отношения», 1980.
4. Гальперин. И. Р. Очерки по стилистике английского языка. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
5. Заботкина В. И. Слово и смысл. — М.: РГГУ, 2012.
6. Кожевников В. М., Николаев П. А. (общ. ред.) Литературный энциклопедический словарь — М.: «Советская энциклопедия», 1987.
7. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. — М.: Язык русской культуры, 1996.
8. Крысин Л. П. — Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Русский язык. 2001.
10. Левый И. Искусство перевода. — М.: Прогресс, 1974.
11. Сеницын А. В. Функционирование англоязычных заимствований-неологизмов в медийном дискурсе французского языка
12. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. — М.: Академия Наук СССР; Институт языкознания, 1957 № 4.
13. Ханпира Э. О окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. — М.: Наука — 1966.
14. Цыбова И. А. Французская лексикология — М.: Либроком, 2010.
15. Benoît Duteurtre. Tout doit disparaître. — P.: Gallimard, 1992.

«Пушкинский миф» в прозе С. Довлатова

Ширяева Светлана Николаевна, аспирант
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

В литературе XX века складывается целостный «пушкинский миф», который стал объектом тщательного внимания литературоведов.

«... Пушкин всегда таков, каким он нужен новому поколению читателей, но не исчерпывается этим, остается чем-то большим, имеющим свои тайны, чем-то загадочным и зовущим». [4, с. 63]

Таким образом, понятие «пушкинский миф» после юбилейных торжеств 1999 года (200-летие со дня рождения А. С. Пушкина) прочно вошло в литературоведческий обиход.

Ключевые слова: «пушкинский миф», русская литература, повесть, персонаж

Сергей Довлатов в статье «Блеск и нищета русской литературы» писал, что литература в России была популярной и пользовалась уважением, что писателя воспринимали как пророка и ждали от него масштабных свершений. И наиболее показательным и значимым был Александр Сергеевич Пушкин, «что он олицетворил все лучшее и полноценное в русской литературе». [2, с. 4]

И. З. Серман — русский советский литературовед, специалист по истории русской литературы XVIII—XIX веков

отмечал: «С. Довлатов в своем творчестве сознательно ориентировался на русскую классику и в первую очередь на А. С. Пушкина... А между тем я совершенно однозначно считаю, что проза Пушкина — лучшая на русском языке, конкретно — «Капитанская дочка», и в еще большей степени — «Повести Белкина». И главное тут не простота и ясность Пушкина, а еще нечто большее. Читая Пушкина, видишь, что проза может обойтись без учености, без фило-

софии и религии, даже без явной, подчеркнутой духовности. То есть достаточно, как следует рассказать историю, житейский случай, и глубина жизни, ее духовное содержание и все прочее — проявятся сами собой. Чудо «Повестей Белкина» именно в том для меня, что это всего лишь «случаи из жизни», рассказанные без затей. «Ни одну книгу я не перечитывал столько раз, сколько «Белкина, может, раз тридцать». [5, с. 192]

Интересным будет факт, что Довлатов назовет свою дочь — Александрой.

Анализируя повесть «Заповедник», находим: «Заповедник» вылеплен по пушкинскому образу и подобию, хотя это и не бросается в глаза. Умный прячет лист в лесу, человека — в толпе, Пушкина — в Пушкинском заповеднике». [1, с. 2]

Повесть была написана в Ленинграде в 1977–1978 годы, но окончательный вариант был закончен в Нью-Йорке в 1983 году и в том же году издан. События повести отражают время работы самого Довлатова в Пушкинском музее (Михайловское, Псковская область) в 1976–1977 годах, экскурсоводом, когда писателю было 36 лет. В повести же главный герой под фамилией Алиханов и ему 31 год. Почему не совпадает возраст? Наверно, намеренно, Довлатов подчеркивает, что самому Пушкину был 31 год, когда он «погряз» в Болдино, и повествование будет строиться по образцу Болдинской осени.

Изображение заповедника будет напоминать «сказку», в которой отсутствует реальность, а преобладают несуровые образы и вымышленные факты, не совпадающие с реальностью.

1. «Я был здесь раза три.
— Этого мало.
— Согласен. Вот и приехал снова...
— Нужно как следует подготовиться. Простудировать, методичку. В жизни Пушкина еще так много неисследованного... Кое-что изменилось с прошлого года...
— В жизни Пушкина? — удивился я...
— Не в жизни Пушкина, — раздраженно сказала блондинка, — а в экспозиции музея. Например, сняли портрет Ганнибала.
— Почему?
— Какой-то деятель утверждает, что это не Ганнибал. Ордена, видите ли, не соответствуют. Якобы это генерал Захмельский. [3, с. 299–300]
2. Я взял с полки брошюру «Жемчужина Крыма». [3, с. 306]
3. Можно задать один вопрос? Какие экспонаты музея — подлинные?
Разве это важно?
Мне кажется — да. Ведь музей — не театр.
Здесь все подлинное. Река, холмы, деревья — сверстники Пушкина. Его собеседники и друзья. Вся удивительная природа здешних мест...

Речь об экспонатах музея, — перебил я, — большинство из них комментируется в методичке уклончиво: «Посуда, обнаруженная на территории имения» ...
— Что, конкретно, вас интересует? Что бы вы хотели увидеть?

- Ну, личные вещи... Если таковые имеются...
- Личные вещи Пушкина?... Музей создавался через десятки лет после его гибели...
- Так, — говорю, — всегда и получается. Сперва угробят человека, а потом начинают разыскивать его личные вещи...». [3, с. 314]

Постепенно при прочтении обнаруживаешь черты сходства между Пушкиным и Довлатовым. Это проявляется на личном уровне, жена Бориса Алиханова названа («пушкинским» именем — Татьяной, дочь — Машей), в творчестве, в отношениях с властями, долгами и желанием вырваться из этого места.

1. «А ведешь ты образ жизни знаменитого литератора, не имея для этого самых минимальных предпосылок...» [3, с. 297]
 2. «Жизнь расстилалась вокруг необозримым минным полем». [3, с. 303]
 3. «Во что ты превратил свою жену? Она была простодушной, кокетливой, любила веселиться. Ты сделал ее ревливой, подозрительной и нервной. Ее неизменная фраза: «Что ты хочешь этим сказать?» — памятник твоей изворотливости...» [3, с. 304]
 4. И все-таки я чувствовал — не может это продолжаться без конца. Нельзя уйти от жизненных проблем... Слабые люди преодолевают жизнь, мужественные — осваивают... Если живешь неправильно, рано или поздно что-то случится... [3, с. 331]
 5. Мы развелись полтора года назад. Этот современный изящный развод чем-то напоминал перемирие. Перемирие, которое не всегда заканчивается салютом... Потом мы иногда встречались как добрые знакомые, Но это показалось мне фальшивым, и я уехал в Таллинн. А через год мы снова встретились. Заболела наша дочка, и Таня переехала ко мне. Это была уже не любовь, а судьба... [3, с. 332]
 6. Мы продолжали балансировать на грани разрыва. [3, с. 332]
 7. В нашем браке соединились черты размаха и убожества. [3, с. 341]
 8. — К тридцати годам необходимо разрешить все проблемы за исключением творческих. Мне это не удавалось. Мои долги легко перешли ту черту, за которой начинается равнодушие. Литературные чиновники давно уже занесли меня в какой-то гнусный список. Полностью реализоваться в семейных отношениях я не хотел и не мог... Моя жена все чаще заговаривала об эмиграции. Я окончательно запутался и уехал в Пушкинские Горы... [3, с. 342]
- И чтобы понять, что такое «пушкинский миф» герою предстоит это пережить, прочувствовать самому. Оказав-

шись в Заповеднике, рассказчик понимает, что для приезжих туристов это место «для галочки», «расписаться в книге духовности», что они там были, видели. Алиханов (Довлатов) сначала усердно готовился к своим экскурсиям, но, показывая место, где жила няня Пушкина, он цитирует строки из «Письма матери» С. Есенина и замечает, что подмена не обнаружена. Он приходит к выводу, что людям важнее как он говорит, а не что. Вскоре он в качестве экскурсовода был «лучшим».

Все повествование пропитано «пушкинскими образами»: официанты с бакенбардами, реплики, название ресторана «Лукоморье», декоративные валуны с цитатами. Сцена знакомства (Алиханова с Эдиком Малиновым, братом жены) похожа на встречу Дон Гуана с командором: «Над утесами плеч возвышалось бурое кирпичное

лицо... Лепные своды ушей терялись в полумраке... Бездонный рот, как щель в скале, таил угрозу... я чуть не застонал, когда железные тиски сжали мою ладонь». [3, с. 340]

Но, все оказывается фальшивым: аллея Керн, места, где гулял Пушкин, портрет Ганнибала или генерала Закомельского. Алиханова (Довлатова) постоянно спрашивают: «За что он любит Пушкина?» Для других экскурсоводов важно, «что Пушкин не только великий поэт, но и гражданин». Алиханов (Довлатов) же в нем видит личность, что Пушкин совмещал в себе черты не только гения, но и человека.

Главные персонажи тоже представлены разнородно, рассмотрим некоторых, которые ближе всего связаны с Б. Алихановым в повествовании.

Таблица 1

Михаил Иванович Сорокин	Володя Митрофанов	Валерий Марков
беспробудный пропойца;	эрудит, зеркальная память; в нем сочетались безграничная любознательность и феноменальная память, жажда знаний;	фотограф, зарабатывает много, но полное отсутствие финансового контроля;
багровая рожа, щедро украшенная синими глазами; «широкоплечий, статный человек, рваная, грязная одежда не могла его по-настоящему изуродовать; бурое лицо, худые мощные ключицы под распахнутой сорочкой, упругий четкий шаг.	«прихотливый и яркий цветок»;	рыжеватые кудри, увитый локонами затылок выражал какое-то агрессивное нетерпение;
«нелепый в доброте и зле»; безрасудный, но добрый и внутренне интеллигентный;	уникальная память и безмерная жажда знаний — в сочетании — творили чудеса, он родился гением чистого познания.	речь как испорченный громкоговоритель; желание свободы от сложившихся обстоятельств; словно «луч света в темном царстве»;
живет невпопад, говорит случайно (его реплики для заполнения пауз), речь «как пение щегла»	не просто лентяй; у него обнаружилось редкое клиническое заболевание — абулия (полная атрофия воли)	напоминает попугая;
лучшее — дремучий язык, сквозь который иногда пробивается поэзия.	фантастический лентяй, прочитавший десять тысяч книг; «консультант по любым вопросам»;	как эхо;
входит в ряд алкашей-аристократов // как разбойники у Пушкина	экскурсовод, в заповеднике его ценили;	законченный пропойца, диагноз — хронический алкоголизм;

Все больше находясь в заповеднике, лучше узнавая жизнь и творчество Пушкина, герой заключает, что сотрудники заповедника погрязли только в рассуждениях и бессмысленности: «— Тут все живет и дышит Пушкиным, — сказала Галя, — буквально каждая веточка, каждая травинка. Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота... Цилиндр, крылатка, знакомый профиль.»... [3, с. 301]

Следуя принципам Пушкина, Довлатов стремится не оценить, а показать, не научить, а дать почувствовать.

Он напишет: «Что может быть важнее справедливости? — Важнее справедливости? Хотя бы — милость к падшим». [3, с. 901]

И являясь продолжателем наследия Пушкина, писатель объясняет: «В «Капитанской дочке» не без сочувствия изображен Пугачев. Все равно как если бы сейчас полжизненно обрисовали Берю. Это и есть — «милость к падшим». [3, с. 919]

Литература:

1. Генис А. Пушкин у Довлатова. — Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба // Звезда, 1999. С. 11.
2. Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы. — Нью-Йорк: «Новый американец», 1982, № 111. С. 4.

3. Довлатов С. Избранное: Повести, рассказы. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — 944 с. — (Избранное).
4. Лотман Ю. М. Пушкин 1999 года. Каким он будет? // Таллин. — 1987, № 1. С. 63.
5. Серман И. Гражданин двух миров // О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания. — Тверь, 2001. С. 192.

Идиостиль в переводе: к постановке вопроса

Шичкина Мария Геннадьевна, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

Современные условия, в которых существует наука переводоведения, вносят свои коррективы в процесс её развития, диктуют новые требования для дальнейшего её эволюционирования. Как и любая актуальная наука, наука о переводе не стоит на месте, постоянно меняясь и совершенствуясь, выявляя новые области, которые становятся предметом различных исследований и изысканий учёных. Одной из таких активно обсуждаемых в среде теоретиков и практиков перевода тем является тема роли идиостиля переводчика в процессе перевода. Вопрос о влиянии личности переводчика на процесс и конечный результат перевода стал подниматься совсем недавно: всего несколько десятилетий назад считалось, что такой фактор практически не имеет значения при переводе — достаточно исключительно переводческой компетентности. Однако в последнее время стали появляться научные труды, посвящённые этой теме и доказывающие, что личность переводчика оказывает немалое влияние на перевод, обуславливая появление ряда характерных особенностей в работах переводчика. Авторство большинства этих работ принадлежит М. В. Симоновой, А. И. Ивановой, Я. Л. Либерман, В. В. Булацкой, Е. В. Гулевич и т. д. Идиостиль, как фактор, влияющий на процесс и результат перевода, обращает на себя все больше и больше внимания со стороны ученых и исследователей, в том числе как у лингвистов, так и психологов, поскольку существует на стыке этих двух наук. Именно с точки зрения переводоведения, с учётом психологических тонкостей и нюансов мы бы хотели рассмотреть данную тему, внося крупную свою лепту в развитие науки о переводе.

Существует несколько различных определений для термина «идиостиль», варьирующихся от наиболее полных, охватывающих все сферы его употребления, до самых простых и лаконичных. Первым учёным, сформулировавшим понятие идиостиля, стал литературовед А. И. Ефимов, который обозначил дефиницию данного термина следующим образом. Это «индивидуальная система построения речевых средств, которая вырабатывается и применяется писателем при создании художественных произведений», а также «характерная для писателя манера выбора и употребления слов». [4, с. 29]. Оглядываясь в прошлое, можно сказать, что понятие идиостиля практически всегда присутствовало в области литературы, являясь неотъемлемой её частью, так как идиостиль, составляя литературное насле-

дие автора, всегда был в центре внимания профессиональных критиков и простых читателей. Однако в области переводоведения понятие идиостиля появилось сравнительно недавно — до этого времени считалось, что сама компетентность переводчика заключается в том, чтобы перевести текст на всех уровнях эквивалентности, и что проявление характерных личностных особенностей переводчика в процессе перевода того или иного текста может расцениваться исключительно как отклонение от нормы и непрофессионализм. Как показывают различные исследования в области психологии и психолингвистики, данное явление имеет место в контексте любой ситуации, так как черты характера индивидуума так или иначе отражаются в каждом акте его действия: в особенности это касается процесса перевода; работы, требующей от переводчика творческих проявлений и переживаний, через которые переводчик, как личность, переносит частичку своего внутреннего составляющего в текст. Это может выражаться в повторяющихся словах и фразах, особенной лексике, в пользу которой делает выбор переводчик при наличии других вариантов перевода — незначительных штрихах, в целом составляющих личностный портрет человека. Е. И. Курячая при описании данного психолингвистического феномена также вводит понятие когнитивной доминанты, что, как она пишет, означает «комплекс доминантных смыслов, транслирующих систему мировоззрения автора, определяющих стилистическую и композиционную организацию текста и его прагматическую направленность» [11, с. 8]. Но, принимая во внимание задачу переводчика приблизить продукт перевода в максимально возможной мере и на всех уровнях эквивалентности к исходному тексту, невозможно не внести свои изменения в данную дефиницию. С учётом специфики работы переводчика данное определение будет звучать следующим образом: это «комплекс доминантных смыслов, транслирующих систему мировоззрения переводчика и сохраняющих общую стилистическую и композиционную организацию исходного текста и его прагматическую направленность». Понятие когнитивной доминанты тесно связано с феноменом идиостиля, они существуют нераздельно друг от друга, и поэтому их следует изучать, рассматривать и анализировать в совокупности — в целях оптимизации процесса работы переводчика и повышения качества получаемого перевода. Как говорил Н. В. Гоголь, переводчик действительно

должен уподобиться «прозрачному стеклу», но полностью исключить человеческий фактор невозможно — переводчик может только, анализируя особенности своего идиостиля, не создавать препятствий между читателем и автором исходного текста в лице собственной персоны. Главное требование, как правило, предъявляемое переводчику, заключается в том, чтобы текст максимально соответствовал тем правилам к переводу, которые разработали пользующиеся авторитетом ведущие теоретики и практики перевода. Мы бы хотели привести несколько примеров, показывающих, в какой степени данный феномен оказывает влияние на процесс перевода. И. В. Войнич, проводя параллель между русскоязычными переводами трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь», указывает на особенности стиля каждого переводчика [3, 59 с.]. В данном случае — это переводчики А. А. Фет, М. А. Зенкевич, А. Л. Величанский и А. В. Флори. И. В. Войнич обращает внимание на фразу «I know no personal cause to spurn at him». Буквально эту фразу можно было бы перевести «Я не знаю ни одной (личной) причины, по которой я мог бы с презрением относиться к нему». Перевод А. А. Фета: «А я его столкнуть, причин не знаю личных». Перевод М. А. Зенкевича: «...нет у меня / Причины личной возмущаться им». Перевод А. Л. Величанского: «...Не мне, а Риму / Нужна его кончина». Перевод А. В. Флори: «Смерть его не мне — / Она для блага всех необходима». Исходя из этих вариантов перевода, мы можем узнать больше о характерных чертах личности переводчиков, об их социокультурных и исторических данных. Например, до 19 века слово «возмущаться», как и его производные — зачастую использовалось в значении «быть беспокойным», «испытывать волнение» (так для сравнения возьмём предложение из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя, 1842 года: «Ни гнева, ни возмущенья душевного не выражало его лицо»). Поэтому можно сделать вывод, что переводчик М. А. Зенкевич, в чьём переводе встречается такая конструкция, жил в 19 веке. Что касается психолингвистических и стилистических особенностей, которые можно заметить в данных работах, можно сказать, что, на наш взгляд, слог М. А. Зенкевича более спокойный, размеренный, А. А. Фета — «громкий» торжественный, А. Л. Величанского — лаконичный, сдержанный, А. В. Флори — вздумчивый, серьёзный.

Как мы видим, некоторые особенности стиля переводчика действительно проявляются на «полотне» перевода; проанализировав их, можно также сделать определённые выводы касательно социокультурных и исторических данных переводчиков. Однако мы не исключаем возможность, что некоторые черты, характерные для текста перевода, переводчик заимствовал у автора оригинала практически в таком же виде, в каком они были представлены в исходном тексте. Например, если автор обильно использует архаизмы с целью «погрузить» читателя в обстановку шестнадцатого века, переводчик не может не перевести их соответствующим образом на другой язык («beauteous» — «благовидный», «красный», а не «красивый»; to «beapaint» — «пи-

сать образ», а не «рисовать» и т. д.). Или, например, если автор хочет представить своего персонажа «холодным», равнодушным человеком, который использует исключительно нейтрально окрашенные слова, переводчик обязан передать этот образ таким, каким он был и в оригинале. Иными словами, при попытке дать какую-либо оценку тексту перевода, следует большое значение придавать исходному образцу, так как именно он определяет общее направление перевода, а переводчик, руководствуясь собственными навыками, интуицией и пониманием контекста, может в пределах допустимого делать на своё усмотрение выбор в пользу того или иного выражения. Для примера мы возьмём отрывок из перевода новеллы Б. Шоу «Серенада», выполненного переводчиком В. А. Ашкенази: «Пьесу, как обычно, я написал сам, — это была сказка в трех действиях, и ее сюжет строился на том, что герой, молодой персидский принц, владел волшебным рогом. Мои произведения настолько хорошо известны, что вряд ли есть необходимость подробно рассказывать содержание сказки. Следует только напомнить читателю, что в центральной сцене второго акта праздник нарушается звуками рога, доносящимися из недр магнитной горы, куда принца заточила злая фея. Изобразить звуки рога должен был музыкант, игравший на корнет-а-пистоне в оркестре моего полка; мы условились, что он будет находиться не на сцене, а внизу, в холле, чтобы создать необходимое впечатление, будто звуки доносятся очень издалека. Вечер начался замечательно. Конечно, мои гости испытали вполне естественное разочарование, узнав, что я сам не играю в спектакле, но охотно простили меня, когда я извинился и в свое оправдание сослался на то, что мне приходится выполнять двойные обязанности — хозяина и режиссера. Лучшее место в зрительном зале занимала красавица Линда Фицнайтингейл. Соседним стулом, который я предназначал для себя, весьма бесцеремонно завладел Порчарлестер из двенадцатого пехотного полка, довольно милый молодой человек, наделенный некоторыми музыкальными способностями и сладеньким баритоном, который он имеет слабость выдавать за тенор». [17, с. 1]

Далее предлагаем сравнить перевод с оригиналом: “The play, written by myself, was in three acts, and an important feature was the sound of a horn in the second act. I had engage a horn player to blow the horn. He was to place himself, not on the stage, but downstairs in the hall so as to make it sound distant. The best seat was occupied by the beautiful Linda Fitznightingale. The next chair, which I had intended for myself, had been taken by Mr. Porcharlester, a young man of some musical talent”. [1, с. 1]

Как мы видим, отрывок, переведённый на русский язык, занимает больше места, чем тот же самый отрывок — на английском. Отчасти это вызвано тем, что английский немного более лаконичный язык, но отчасти — также тем, что такой слог является особенностью идиостиля переводчика, который склонен писать более объёмными, развёрнутыми предложениями. Это совсем не портит текст, а, на-

оборот, способствует его «русификации», так как зачастую при создании письменных русских текстов используется именно развёрнутая, объёмная модель предложения. Это «изюминка» данного переводчика. Из небольшого анализа можно в некоторой степени сделать вывод, что среди личных качеств переводчика присутствует аккуратность, осмотрительность, старательность: учитывая, что Б. Шоу, возможно, не настолько популярен в русскоязычных странах, как в англоязычных, переводчик более детально описывает пьесу Б. Шоу. Мы считаем, что при более тщательном анализе данного отрывка можно также выявить и другие особенности стиля переводчика, в совокупности составляющие его идиостиль, его когнитивную доминанту, однако такой анализ следует выполнять профессиональным специалистам, хорошо ориентирующимся в области перевода, лингвистики и психолингвистики.

Подводя итоги нашего исследования, мы можем сказать, что идиостиль — это феномен, существование

которого на данный момент признают многие учёные в области переводоведения, лингвистики и психолингвистики; его активно изучают и исследуют с целью оптимизировать процесс перевода, а также составить более ясное представление о структуре переводческого процесса вообще. Идиостиль не считается переводческой ошибкой или отклонением; перевод так же должен передавать направление, заданное автором текста; идиостиль, определяемый когнитивной доминантой переводчика, это скорее «изюминка», которая может рассказать больше о личности и характере самого переводчика. Данная тема представляет большой интерес для теоретиков и практиков перевода, лингвистов и всех специалистов, занимающихся изучением психолингвистических факторов в переводе: эта тема — очень важна для полного понимания факторов, оказывающих влияние на процесс перевода, и по этой причине она требует дальнейшего изучения.

Литература:

1. Shaw G. V. *The Serenade*. — Simon and Schuster, 2012.
2. Булацкая В. В., Гулевич Е. В. Идиостиль как авторский почерк // *Novainfo. ru*. — 2014. — №. 23. — С. 50–54.
3. Войнич И. В. Стратегия перевода и «видимость» / «невидимость» переводчика (на материале русскоязычных переводов трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь») // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2009. — №. 30.
4. Ефимов А. И. *Стилистика русского языка*. — «Просвещение», 1969.
5. Жинкин Н. И. *Речь как проводник информации*. — М.: Наука. — 158 с.
6. Иванова А. И. Проблема передачи идиостиля и идиолекта в художественном переводе // *Вестник МГУ: лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2010. — №. 3. — С. 99–108.
7. Комиссаров В. Н. *Переводоведение в XX: некоторые итоги* // *Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник* / под ред. проф. С. Ф. Гончаренко. — М.: МГЛУ, 1999. — С. 4–20.
8. Кубрякова Е. С. *Лексикон и современные проблемы его изучения*. // *Картина мира: Лексикон и текст (на материале английского языка)*. — Сб. науч. трудов МГЛУ. — Вып. 375 / отв. ред. З. В. Семерикова. — М.: МГЛУ. — С. 4–11.
9. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира. // *Серебрянников Б. А. и др. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*. — М. — С. 141–172.
10. Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. *Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи*. — М.: Наука. — 240 с.
11. Курячая Е. И. *Разрушение стандарта как когнитивная доминанта идиостиля Б. Виана и способы ее репрезентации в тексте оригинала и перевода: дис.* — 2008.
12. Либерман Я. Л. *О воспроизведении идиостиля поэтического текста при переводе с иностранного языка на русский*.
13. Симонова М. В. *Лингвостилистический анализ переводов романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» на испанский язык: дис.*
14. Фесенко Т. А. *Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования*. — Автореферат. доктора филологических наук. — Москва, 1999. — 46 с. Admoni V. G. *Der deutsche Sprachbau*. — М.: Просвещение, 1986. — 335 с.
15. Фесенко Т. А. *Языковое сознание в интраэтнической среде*. — Тамбов: ТГУ. — 148 с.
16. Цвиллинг М. Я. *Переводоведение как синтез знания* // *Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник* / под ред. проф. С. Ф. Гончаренко. — М.: МГЛУ, 1999. — С. 32–37.
17. Шоу Б. *Новеллы*. — ФТМ, 2015.

Перевод кинотекста в историко-культурном дискурсе (на примере фильма «Римские каникулы»)

Шичкина Мария Геннадьевна, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

Известно, что одним из наиболее массовых проявлений культуры в настоящее время является кинематограф. Через него можно созерцать жизнь во всех её проявлениях, становясь наблюдателем как отчасти своей, так и чужой жизни. Кинематограф является средством художественно-эстетического воздействия с коммуникативно-прагматическим эффектом: как правило, в каждом фильме заложено некое сообщение для зрителя, которое создатели фильма стараются донести путём эстетической коммуникации. Эта имплицитная информация выражается через словесную составляющую фильма, а также его изображение и звуковое оформление. Фильм, недоступный для иноязычной аудитории по причине языкового барьера, приходится переводить — притом, с учётом многих культурных особенностей страны, в которой говорят на том или ином языке. Переводчики, работающие с кинематографическим материалом, зачастую вынуждены применять различные переводческие трансформации, чтобы добиться необходимого прагматического воздействия на зрителя. Особенности интерес представляют трансформации, выполненные в целях прагматической лингвокультурной, а в частности просто межкультурной адаптации исходного материала для иноязычных зрителей. Об этом явлении в переводческой практике писали И. К. Фёдорова, В. Е. Горшкова и другие учёные, занимающиеся изучением специфики данного вида перевода. В отношении данного приёма используется термин «культурного переноса». И. К. Фёдорова подробно расписывает его значение, а также цель в статье «Перевод кинотекста в свете культурного переноса: проблема переводческой адаптации» [8, с. 143]. Культурный перенос возникает там, где прямая межкультурная коммуникация невозможна. И в таком случае прибегают к различным замещающим приёмам лингвокультурной и культурной адаптации. На различных примерах из фильмов мы бы хотели показать действие межкультурной адаптации и культурного переноса. В связи с поднимаемой темой хотелось бы уделить более пристальное внимание именно тем фильмам, которые также подвергались строгой цензуре со стороны государства. Наиболее популярным фильмом зарубежного производства были «Каникулы в Риме» режиссёра Уильяма Уайлдера: согласно приведённым комиссией СССР статистическим данным, фильм посмотрело порядка двухсот шестидесяти тысяч человек, что намного превысило число зрителей других фильмов зарубежного (а также отечественного) производства [6, с. 259]. Сюжет фильма разворачивается в «городе на семи холмах» — Риме. Фильм показывает принцессу Анну, правительницу некоей европейской страны, которая прибывает в Рим для встречи с итальянской официальной делегацией, обсуждения по-

литических вопросов и общения с прессой. Обязанности утомляют принцессу, и она сбегает из дворца. Оказавшись на улице, она видит репортёра итальянской газеты, который из чувства жалости помогает ей. Наконец, узнав, что это принцесса, он пытается извлечь выгоду из своего положения, добиваясь у неё интервью. Такой сюжет явно создавал определённые трудности для тех, кто был ответствен за прокат фильмов в стране. Во-первых, очевидным препятствием был сам титул принцессы и её статус правительницы страны с монархической государственностью. Эта проблема была решена только частично — перед выпуском ленты в отечественный кинопрокат из неё вырезали несколько неподходящих фрагментов (например, был вырезан эпизод в начале фильма, где рассказывалось о благотворительной деятельности и заслугах принцессы Анны). Во-вторых, многие реалии, которые жителями большинства европейских стран воспринимались как обыденность, были непривычны для отечественных зрителей. Эта проблема была решена отчасти таким же способом, как и предыдущая — и отчасти посредством некоторыми переводческими приёмами и трансформациями, цель которых заключалась в полноценной адаптации киноленты для граждан советской страны. Например: в сцене, где репортёр итальянской газеты Джо Брэдли играет со своими приятелями в карты, один из них говорит такую фразу: «One more round and I'm gonna throw you gents right out in the snow». В переводе она звучит так: «Ещё один кон, и я обещаю вам, джентльмены, что вы останетесь без штанов». На самом деле выражение «I'm gonna throw you gents right out in the snow» означает «я заставлю вас уйти». Есть два способа объяснить использование данного выражения в контексте описанного нами фрагмента фильма. В средневековой Англии феодалы, недовольные работой прислужкой, имели обыкновение выгонять нерадивых работников в ночь на Рождество. Это первая версия. Вторая состоит в том, что победитель сравнил проигравших игроков с посетителями таверны (заведения, пользующегося популярностью в Англии и в Италии), которых после того, как они уже становились нетрезвыми, выбрасывали из помещения на улицу. Правда, из этой версии невозможно понять, причём здесь снег — можно только предположить, что эта деталь была добавлена, чтобы сделать выражение более ярким: в английском языке немало идиом со словом «снег» (to be as pure / clean as the snow — быть чистым, безупречным, невинным; to be snowed under with something — иметь много дел), и поэтому такое добавление автор сценария счёл нелишним. Учитывая привязанность словесной формы фразы к историческим событиям и культурным событиям другой страны, буквальный перевод на русский язык вряд ли бы был возможен, и по-

этому переводчик выбрал наиболее приемлемый вариант с использованием уже закрепившегося в русском языке фразеологизма: выражение «остаться без штанов» понятно зрителю, и такое решение было, на наш взгляд, совершенно оправданным.

Ещё один эпизод, достойный внимания с точки зрения переводчика: сцена, в которой принцесса Анна выслушивает своё расписание на следующий день: фраза «the Foundling Home for orphans, laying cornerstone» была переведена немного необычным способом — слова «laying cornerstone» (закладка камня) были полностью опущены при переводе. Такой переводческий приём можно объяснить тем, что, во-первых, торжественная церемония открытия закладного камня, как правило, в СССР не приветствовалась (так как это считалось расточительством), а, во-вторых, тем, что в русском языке фраза становится намного тяжеловеснее и звучит как отрывок из учебника по истории, а не слова из интересного фильма.

Другая сцена, в которой принцесса Анна садится в такси и восклицает «It's a taxi!» («Это такси!»), а Джо Брэдли отвечает ей: «It's not the Super Chief» («Конечно, не лимузин, но тем не менее»). Буквально это предложение можно было бы перевести так: «Это не супер-шеф». Если глубже проанализировать значение этого выражения, можно заметить несколько интересных фактов. «Super Chief» — так назывался поезд, ездить на котором могли исключительно знаменитости и голливудские звёзды. В связи со славой, которую приобрёл этот поезд, выражение прочно закрепилось в английском языке и вскоре стало означать также машину высокого класса (в большинстве случаев подразумевался роллс-ройс или лимузин). Так как такого понятия в русском языке не существовало, переводчики решили заменить выражение самым подходящим эквивалентом в русском языке — «лимузин» считался и до сих пор считается автомобилем элиты, одним из самых дорогих и самых престижных, и именно поэтому этот вариант был использован при переводе.

Также, в фильме есть сцена, где героиня декламирует фрагмент из поэтического произведения, авторство которого, как она считает, принадлежит английскому поэту Джону Китсу. Однако Джо Брэдли поправляет её, говоря, что автор не Джон Китс, а Перси Биши Шелли.

Принцесса Анна: «*Arethusa arose / From her couch of snows / In the Acroceraunian Mountains. Keats*» Джо Брэдли: «*Shelley.*»

Интерес представляет озвученный принцессой перевод стихотворения Перси Биши Шелли в русскоязычной версии фильма. Несмотря на то, что перевод стихотворения, выполненный Константином Дмитриевичем Бальмонтом, уже существовал на момент выпуска фильма, специалисты, осуществлявшие работу над фильмом, привели свой вариант перевода.

Предлагаем сравнить оба варианта:

а. Арегуза проснулась, / На снегах улынулась, / Между Акрокераунских гор. К. Д. Бальмонт.

б. И тогда Ариадна / Со своего ложа восстала / Высоко, высоко в горах, / На чистом белом снегу. Переводчик фильма «Римские каникулы».

Принимая во внимание тот факт, что по сюжету принцесса была в сонном состоянии и не могла произносить длинные сложные слова, адаптированный перевод стихотворения полностью подходил по форме и содержанию к контексту фрагмента фильма.

Ещё одно поэтическое произведение было написано самим Далтоном Трамбо для фильма «Римские каникулы»: *If I were dead and buried / And I heard your voice, / Beneath the sod / My heart of dust / Would still rejoice.*

На русском языке оно звучит следующим образом:

Если бы я умерла / И вдруг услышала твой голос, / Моё сердце в могиле сырой / От счастья бы точно забилось.

Как известно, буквальный перевод поэзии невозможен, так как при таком переводе теряется её важная составляющая — художественно-эстетическая направленность, один из важнейших столпов поэзии. При переводе поэтических произведений следует учитывать их звучание на языке оригинала и на языке перевода (по некоторым данным, например, определённые стихотворения Иосифа Бродского в переводе на английский язык не пользовались популярностью в англоязычной среде по той причине, что они звучали не по-английски). Однако, если автор поэтического произведения придерживался неких рамок (например, не используя в стихотворении некоторые звуки родного языка или, наоборот, используя только их), то такой факт переводчику обязательно следует принять во внимание. Даже в контексте перевода фильма, если, конечно, это не какая-нибудь особенная переводческая ситуация, все эти правила должны быть соблюдены. На примере перевода небольшого стихотворения Далтона Трамбо, мы видим, что переводчик не пренебрёг этими правилами, успешно адаптировав перевод стихотворения на английский язык. Также, учитывая тонкости дуближа фильма, переводчик выбрал наиболее подходящий размер стихотворения, который полностью укладывался в отведённую для этой речи минуту. Поэтому, говоря о переводе стихотворений в фильме «Римские каникулы», можно утверждать, что переводчик успешно справился с переводом каждого стихотворения.

В процессе работы над фильмом у переводчика также возникали и другие затруднения, обусловленные историко-культурными отсылками в сценарии. Например, само название фильма «*Roman Holidays*» — ничто иное, как отсылка к поэме Дж. Байрона «Чайльд-Гарольд» (1818 г.), в частности к следующему фрагменту поэмы: ... He, their sire, / Butcher'd to make a Roman holiday! [1, с. 148]

Строчка «*Butcher'd to make a Roman holiday*» в некоторых переводах на русский язык была опущена, в некоторых — изменена до неузнаваемости. В то же время фраза стала крылатой в английском языке, означая «убитый на потеху Риму»; и, если в русскоязычной речи выражение понималось бы буквально, не вызывая никаких ал-

люзий, то в англоязычной речи у собеседника бы сразу же возникали ассоциации с поэмой Дж. Байрона и трагической сценой с умирающим гладиатором.

Однако перевод «на потеху Риму» был бы невозможен по той причине, что фильм не является трагедией — по большей части это фильм развлекательного характера. Даже, несмотря на то, что в конце оба героя расстаются со слезами на глазах, фильм не рассчитан на слишком серьёзное восприятие зрителя. Практически всё время герои шутят, смеются, попадают в курьёзные ситуации. И соответственно, такое претенциозное название, как «На потеху Риму», уже заранее предупреждающее зрителя о том, что фильм будет как минимум невесёлым, вызовет лёгкое недоумение в конце просмотра. Гораздо лучше звучит такое название как «Каникулы в Риме»: оно полностью соответствует сюжету и практически в полной мере эквивалентно англоязычному аналогу. Переводчик, понимая, что не удастся передать ту двусмысленность, которая была в оригинальном тексте, остановился на названии, не несущем в себе такой смысловой нагрузки, однако по вышеперечисленным критериям более подходящем к фильму по сюжету. На наш взгляд, это было правильным решением, которое способствовало такой популярности фильма в СССР.

Работа над переводом всегда представляет трудности для переводчика, однако работа над переводом фильма

особенно сложна по причине того, что переводчику также приходится учитывать различные тонкости, связанные с художественно-эстетической стороной фильма. Внимательно изучив особенности перевода лексики, привязанной к историко-культурной жизни страны языка оригинала, на примере фильма «Римские каникулы», мы можем сказать, что затруднения, с которыми сталкивается переводчик в процессе работы, решаются посредством привязки формы и значения данной лексической единицы к историко-культурному фону страны языка перевода. Также, возможно опущение лексической единицы в том случае, если она не несёт в себе сюжетной нагрузки и «утяжеляет» текст. На примере перевода некоторых поэтических включений мы показали, что правила, предъявляемые к качеству перевода, должны соблюдаться вне зависимости от того, в какой форме выражен текст, над которым работает переводчик, однако в случае особой «внештатной» переводческой ситуации допустимы некоторые отклонения с учётом прагматической составляющей лексической единицы. Мы считаем, что переводческий анализ фильмов значительно расширяет кругозор, способствует накоплению знаний в историко-культурной области, а также даёт возможность научиться тщательно подходить к выбору перевода той или иной единицы, и надеемся, что и в дальнейшем будут проводиться исследования, посвящённые данной тематике.

Литература:

1. Rawes A. "The very first of his Art": Reading Burns Through Byron // *Studies in Scottish Literature*. — 2004. — Т. 33. — №. 1. — С. 13.
2. Байрон Д. Чайльд-Гарольд. Пер. А. Григорьева // *Время*. — 1862.
3. Горшкова В. Е. Особенности перевода фильмов с субтитрами // *Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика МФ Решетнева*. — 2006. — №. 3.
4. Горшкова В. Е. Перевод в кино [Текст] // Иркутск: Изд-во ИГЛУ. — 2006.
5. Идеологические комиссии ЦК КПСС / Сост. е. С. Афанасьева. — М.: РОССПЭН, 1998.
6. Мандель Б. Р. Всемирная литература: Новое время и эпоха Просвещения: конец XVIII — первая половина XIX века. — Directmedia, 2014.
7. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. — 2011. — Т. 62. — №. 8.
8. Федорова И. К. Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2009. — №. 43.
9. Шагланов А. Н. Волшебный мир Одри Хепберн // *Система ценностей современного общества*. — 2012. — №. 25.
10. Штокмар В. В. История Англии в средние века // Л.: ЛГУ. — 1973. — Т. 8.

Имя прилагательное с точки зрения лингвокультурологии.

Связь языка и культуры

Яхьяева Зебинисо Мусаевна, преподаватель
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

В данной статье анализируется имя прилагательное с точки зрения лингвокультурологии и определяется связь языка и культуры.

Ключевые слова: культура народа, прилагательное, язык, концепты, лингвокультурология.

The adjective in linguoculturology. The correlation of the language and the culture

Yakhyoyeva Z. M., Assistant Professor
National University of the Uzbekistan

In this article the adjective in linguoculturology is analysed and the correlation between the language and culture is explored.

Key words: culture of the people, adjective, language, conceptions, linguoculturology.

Лингвокультурология определяется как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)». Лингвокультурология — это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Язык есть зеркало культуры, в нем отражаются не только реальные условия жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, картина мира. Следовательно, язык дает возможность прийти к пониманию характера другого народа. В сложной системе языковых единиц и средств существует совокупность маркеров, которые являются носителями и источниками национально-культурной информации и ярче всего отражают специфику данного народа. И особую роль в этой трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как таковой играет, в частности, фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение. Нас в первую очередь интересуют фразеологические единицы французского языка с компонентом «прилагательное». Так, связь прилагательных с культурой мы решили проиллюстрировать на материале фразеологических единиц с прилагательными цветообозначениями в своём составе. Выбор данных единиц неслучаен. Цвет является одной из констант или одним из принципов культуры. Он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований,

цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей.

Мы проанализировали некоторые французские фразеологизмы с компонентом-цветообозначением сферы психоэмоционального состояния человека и выявили следующие особенности, составляющие национальный колорит данных единиц. Чтобы показать силу страха, французы придают ему цвет: *avoir la peur bleue* «иметь синий страх», *avoir la peur noir* «иметь чёрный страх», *avoir la trouille verte* «иметь зелёный страх», *avoir les foies blancs/verts/tricolores* «иметь белые/зелёные/трёхцветные печёнки». Например, *Jacqueline. — Je ne connais pas le besoin, mais j'en ai une peur bleue.* / Жаклина. — Я не знаю, что такое нужда, но смертельно боюсь её (H. Bernstein, Le Détour).

Яростный гнев, по представлениям французов, имеет свой цвет — жёлтый: *colère jaune*. Например, *Bonaparte sauta de sa chaise et bondit comme un léopard blessé. Une vrai colère le prit; une de ses colères jaunes* / Бонапарт вскочил со стула и подпрыгнул как раненый тигр. Он рассердился не на шутку. Это бы приступ яростного гнева, столь характерный для него. В обыденном представлении французов, глаза становятся белыми от удивления *faire les yeux blancs*. Например, *Elles lui font peur. Il dit qu'elles volent autour de lui et qu'elles lui font des yeux blancs.* / О них боится. Он говорит, что они летают вокруг и тарчат на него глаза (J. — P. Sartre, Lemur).

Символ грёз и мечтаний у французов — синий цветок: *être très fleur bleue, cultiver la petite fleur bleue*. Например, *... En vérité, il noyait là sa timidité de jeune bourgeois protestant, et sa nostalgie de petite fleur bleue et de jeune fille à la Francis Jammes.* / ... На самом деле он лишь топил во всём этом свою застенчивость молодого буржуа-протестанта и свою тоску по нежным поэтическим чувствам и молодой девушке в духе Франсиса Жама (J. — J. Oberlé, LaVied'artiste). Из приведенных примеров видно, что фра-

зоологические единицы с прилагательным-цветообозначением в своём составе не переводятся дословно на русский язык, а переводятся с помощью аналогов. Отсутствие эквивалентов фразеологизмов в переводящем языке — первый признак того, что семантика данных единицы маркирована национально-культурным колоритом, который отражает культурное своеобразие мировидения французов.

Язык — это вербальная сокровищница нации, средство передачи мысли, которую он «упаковывает» в некую языковую структуру. Знания, используемые при этом, не являются лишь знаниями о языке. Это также знания о мире, о социальном контексте, знания о принципах речевого об-

щения, об адресате, фоновых знаниях и т. п. Проблемами того, как хранятся наши знания о мире, как они структурированы в языке в процессе коммуникации, занимается когнитивная лингвистика. Важнейшим объектом исследования в когнитивной лингвистике является концепт. Концепты — это ментальные сущности, которые имеют имя в языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире. Концепты — концентрат культуры и опыта народа, по словам Ю. М. Лотмана, «как бы сгустки культурной среды в сознании человека». Но с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё.

Литература:

1. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М., 2001
2. Воробьёв В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. — М., 1997.
3. Ивин А. А. Логика: Учебное пособие. — М., 1998.

ПРОЧЕЕ

Schlüsselkompetenzen Für Lebenslanges Lernen

Shamuratova G. Yu.

In diesem Artikel werden Schlüsselkompetenzen der Menschen für lebenslanges Lernen — ein Europäischer Referenzrahmen untersucht. Höhe Fremdsprachenkompetenzen sind immer noch aktuell. Mit der Absicht weiterer Vervollkommnung des Fremdsprachenerlernens wurde am 10. Dezember 2012 der Erlass № 1875 des Staatspräsidenten der Republik Usbekistan «Über Maßnahmen weiterer Vervollkommnung des Fremdsprachenerlernensystems» verabschiedet.

Schlüsselwörter: Muttersprachliche Kompetenz, fremdsprachliche Kompetenz, mathematische Kompetenz und grundlegende naturwissenschaftlich-technische Kompetenz, Computerkompetenz, Lernkompetenz, soziale Kompetenz und Bürgerkompetenz, Eigeninitiative und unternehmerische Kompetenz, Kulturbewusstsein und kulturelle Ausdrucksfähigkeit

В статье исследуются вопросы должного уровня владения гражданами иностранными языками на примере Узбекистана и Европейского Союза, исходя из сущности и содержания постановления Президента Республики Узбекистан И. Каримова от 10 декабря 2012 года «О мерах дальнейшего усовершенствования системы изучения иностранных языков».

Ключевые слова: компетенция иностранного языка, ключевые компетенции, математические и технические компетенции, компьютерная компетенция, учебная компетенция, социальная и гражданская компетенции, инициативная и предпринимательская компетенции, культурологические компетенции.

The article investigates the problems of knowing foreign languages in special competences by citizens in the example of Uzbekistan and European Union according to the President's decree № 1875 from December 10, 2012 "About the ways of developing the system of learning foreign languages".

Key words: foreign language competence, mathematics and technical competences, computer competences, study competences, social and civil competences, initiative and entrepreneur competences, cultural competences.

Die Kenntnisse, Fertigkeiten und Kompetenzen der Arbeitnehmer sind ein wichtiger Faktor für Innovation, Produktivität und Wettbewerbsfähigkeit. Zunehmende Internationalisierung, rascher Wandel und die kontinuierliche Einführung neuer Technologien erfordern, dass die Menschen nicht nur ihre berufsspezifischen Fertigkeiten auf dem neuesten Stand halten, sondern auch über allgemeine Kompetenzen verfügen, die ihnen die Anpassung an den Wandel ermöglichen.

Die Kompetenzen der Menschen tragen auch zu ihrer Motivation und Zufriedenheit am Arbeitsplatz bei und wirken sich daher auch auf die Qualität ihrer Arbeit aus. Der Zugang zu Informationen und Dienstleistungen ändert sich laufend. Wir brauchen neue Kompetenzen, um eine ganz neue digitale Welt zu bewältigen, nicht nur durch technische Fertigkeiten, sondern auch durch ein eingehenderes Verständnis der Chancen, Herausforderungen und ethischen Fragen, die neue Technologien aufwerfen.

Zu den wesentlichen Fähigkeiten zur Kommunikation in Fremdsprachen zählt die Fähigkeit, mündliche Mitteilungen zu verstehen, eine Unterhaltung zu beginnen, aufrecht zu erhalten und zu beenden, sowie Texte, die den Bedürfnissen der

jeweiligen Person entsprechen, lesen, verstehen und erstellen zu können. Der Einzelne sollte auch in der Lage sein, Hilfsmittel angemessen zu benutzen und Sprachen auch informell im Rahmen des lebensbegleitenden Lernens zu erlernen.

In Usbekistan achtet man auch auf die tiefe Beherrschung der Fremdsprachen. Mit der Absicht weiterer Vervollkommnung des Fremdsprachenerlernens wurde am 10. Dezember 2012 der Erlass № 1875 des Staatspräsidenten der Republik Usbekistan «Über Maßnahmen weiterer Vervollkommnung des Fremdsprachenerlernensystems» veröffentlicht. Laut Erlass und Amtsblattes des Ministerkabinetts der Republik Usbekistan № 01–07 / 1–840 vom 24. Dezember 2012 werden die Fremdsprachen in den Mittelschulen Usbekistans ab 1. Klasse zu unterrichten gedacht.

Das Dokument *Schlüsselkompetenzen für lebenslanges Lernen — ein Europäischer Referenzrahmen* ist im Anhang zur Empfehlung des Europäischen Parlaments und des Rates vom 18. Dezember 2006 zu Schlüsselkompetenzen für lebensbegleitendes Lernen zu finden, die am 30. Dezember 2006 im Amtsblatt der Europäischen Union Nr. L 394 veröffentlicht wurde.

Die Empfehlung ist eines der Ergebnisse der Zusammenarbeit zwischen der Europäischen Kommission und den Mitgliedstaaten im Rahmen des Arbeitsprogramms «Allgemeine und berufliche Bildung 2010». Dieses Arbeitsprogramm ist die Grundlage für die politische Kooperation im Bereich der allgemeinen und beruflichen Bildung; es umfasst gemeinsam festgelegte Ziele, Indikatoren und Benchmarks sowie Maßnahmen für Peer Learning und die Verbreitung vorbildlicher Verfahren.

Schlüsselkompetenzen. Kompetenzen sind hier definiert als eine Kombination aus Wissen, Fähigkeiten und Einstellungen, die an den jeweiligen Kontext angepasst sind. Schlüsselkompetenzen sind diejenigen Kompetenzen, die alle Menschen für ihre persönliche Entfaltung, soziale Integration, Bürgersinn und Beschäftigung benötigen.

Der Referenzrahmen umfasst acht Schlüsselkompetenzen:

1. Muttersprachliche Kompetenz.
2. Fremdsprachliche Kompetenz.
3. Mathematische Kompetenz und grundlegende naturwissenschaftlich-technische Kompetenz.
4. Computerkompetenz.
5. Lernkompetenz.
6. Soziale Kompetenz und Bürgerkompetenz.
7. Eigeninitiative und unternehmerische Kompetenz.
8. Kulturbewusstsein und kulturelle Ausdrucksfähigkeit.

Die Schlüsselkompetenzen werden alle als gleich bedeutend betrachtet, da jede von ihnen zu einem erfolgreichen Leben in einer Wissensgesellschaft beitragen kann. Viele der Kompetenzen überschneiden sich bzw. greifen ineinander: Wichtige Aspekte in einem Bereich unterstützen die Kompetenzen in einem anderen Bereich. Kompetenzen in den wichtigsten Grundfertigkeiten — Sprechen, Lesen und Schreiben, Rechnen und Informations- und Kommunikationstechnologie (IKT) — sind eine wichtige Grundlage für das Lernen, und die Lernkompetenz fordert alle Lernaktivitäten.

Eine Reihe von Begriffen taucht immer wieder im Referenzrahmen auf: Kritisches Denken, Kreativität, Initiative, Problemlösung, Risikobewertung, Entscheidungsfindung und konstruktiver Umgang mit Gefühlen spielen für alle acht Schlüsselkompetenzen eine Rolle.

1. Muttersprachliche Kompetenz*. Muttersprachliche Kompetenz ist die Fähigkeit, Konzepte, Gedanken, Gefühle, Tatsachen und Meinungen sowohl mündlich als auch schriftlich ausdrücken und interpretieren zu können (Hören, Sprechen, Lesen und Schreiben) und sprachlich angemessen und kreativ in allen gesellschaftlichen und kulturellen Kontexten — allgemeine und berufliche Bildung, Arbeit, Zuhause und Freizeit — darauf zu reagieren.

* Im Kontext der multikulturellen und multilingualen Gesellschaften in Europa wird anerkannt, dass die Muttersprache nicht in allen Fällen eine Amtssprache des Mitgliedstaats ist und dass die Fähigkeit, in einer Amtssprache zu kommunizieren, eine Voraussetzung dafür ist, dass die Einzelperson in vollem Umfang an der Gesellschaft teilhaben kann. In einigen Mitgliedstaaten kann die Muttersprache eine von mehreren Amtssprachen sein. Maßnahmen, die sich auf diese Fälle beziehen und die Definition entsprechend anwenden, obliegen den einzelnen Mitgliedstaaten und sind von deren speziellen Bedürfnissen und Umständen abhängig.

2. Fremdsprachliche Kompetenz.** Die fremdsprachliche Kompetenz erfordert im Wesentlichen dieselben Fähigkeiten wie die muttersprachliche Kompetenz: Sie beruht auf der Fähigkeit, Konzepte, Gedanken, Gefühle, Tatsachen und Meinungen sowohl mündlich als auch schriftlich in einer angemessenen Zahl gesellschaftlicher und kultureller Kontexte — allgemeine und berufliche Bildung, Arbeit, Zuhause und Freizeit — entsprechend den eigenen Wünschen oder Bedürfnissen ausdrücken und interpretieren zu können (Hören, Sprechen, Lesen und Schreiben). Fremdsprachliche Kompetenz erfordert außerdem Fähigkeiten wie Vermittlungsfähigkeit und interkulturelles Verständnis. Der Grad der Beherrschung einer Fremdsprache variiert innerhalb dieser vier Dimensionen (Hören, Sprechen, Lesen und Schreiben) und innerhalb der verschiedenen Sprachen sowie je nach dem gesellschaftlichen und kulturellen Hintergrund, dem Umfeld und den Bedürfnissen und / oder Interessen des Einzelnen.

Die fremdsprachliche Kompetenz erfordert Wortschatzkenntnisse und funktionale Grammatikkenntnisse sowie die Kenntnis der wichtigsten Arten der verbalen Interaktion und der Sprachregister. Wichtig ist auch die Kenntnis gesellschaftlicher Konventionen sowie kultureller Aspekte und der Variierbarkeit von Sprachen.

3. Mathematische Kompetenz und grundlegende naturwissenschaftlich-technische Kompetenz. *Mathematische Kompetenz* ist die Fähigkeit, mathematisches Denken zu entwickeln und anzuwenden, um Probleme in Alltagssituationen zu lösen. Ausgehend von guten Rechenkenntnissen liegt der Schwerpunkt sowohl auf Verfahren und Aktivität als auch auf Wissen. Mathematische Kompetenz ist — in unterschiedlichem Maße — mit der Fähigkeit und Bereitschaft zur Benutzung von mathematischen Denkart (logisches und räumliches Denken) und Darstellungen (Formeln, Modelle, Konstruktionen, Kurven, Tabellen) verbunden.

Naturwissenschaftliche Kompetenz ist die Fähigkeit und Bereitschaft, die natürliche Welt anhand des vorhandenen Wissens und bestimmter Methoden zu erklären, um Fragen zu stellen und auf Belegen beruhende Schlussfolgerungen zu ziehen. *Technische Kompetenz* ist die Anwendung dieses Wissens und dieser Methoden, um Antworten auf festgestellte menschliche Wünsche oder Bedürfnisse zu finden. Die naturwissenschaftliche und die technische Kompetenz sind mit dem Verstehen von durch menschliche Tätigkeiten ausgelösten Veränderungen und Verantwortungsbewusstsein als Bürger verbunden.

** Man muss sich bewusst sein, dass viele Europäer in zwei- oder mehrsprachigen Familien und Gemeinschaften leben und dass die Amtssprache des Landes, in dem sie leben, nicht immer ihre Muttersprache ist. Für diese Gruppen kann sich diese Kompetenz auf eine Amtssprache anstatt auf eine Fremdsprache beziehen. Sie werden andere Bedürfnisse, Motivationen sowie soziale und / oder wirtschaftliche Gründe für die Entwicklung dieser Kompetenz zur Unterstützung ihrer Integration haben als beispielsweise Menschen, die eine Fremdsprache für Reise- oder Arbeitszwecke erlernen. Maßnahmen, die sich auf diese Fälle beziehen und die Definition entsprechend anwenden, obliegen den einzelnen Mitgliedstaaten und sind von deren speziellen Bedürfnissen und Umständen abhängig.

4. Computerkompetenz. Computerkompetenz umfasst die sichere und kritische Anwendung der Technologien der Informationsgesellschaft (TIG) für Arbeit, Freizeit und Kommunikation. Sie wird unterstützt durch Grundkenntnisse der IKT: Benutzung von Computern, um Informationen abzufragen, zu bewerten, zu speichern, zu produzieren, zu präsentieren und auszutauschen, über Internet zu kommunizieren und an Kooperationsnetzen teilzunehmen.

5. Lernkompetenz. Lernkompetenz — «Lernen lernen» — ist die Fähigkeit, einen Lernprozess zu beginnen und weiterzuführen und sein eigenes Lernen, auch durch effizientes Zeit- und Informationsmanagement, sowohl alleine als auch in der Gruppe, zu organisieren. Lernkompetenz umfasst das Bewusstsein für den eigenen Lernprozess und die eigenen Lernbedürfnisse, die Ermittlung des vorhandenen Lernangebots und die Fähigkeit, Hindernisse zu überwinden, um erfolgreich zu lernen. Lernkompetenz bedeutet, neue Kenntnisse und Fähigkeiten zu erwerben, zu verarbeiten und aufzunehmen sowie Beratung zu suchen und in Anspruch zu nehmen.

Lernkompetenz veranlasst den Lernenden, auf früheren Lern- und Lebenserfahrungen aufzubauen, um Kenntnisse und Fähigkeiten in einer Vielzahl von Kontexten — zu Hause, bei der Arbeit, in Bildung und Berufsbildung — zu nutzen und anzuwenden. Motivation und Selbstvertrauen sind für die Kompetenz des Einzelnen von entscheidender Bedeutung.

6. Soziale Kompetenz und Bürgerkompetenz. Diese Kompetenzen umfassen personelle, interpersonelle sowie interkulturelle Kompetenzen und betreffen alle Formen von Verhalten, die es Personen ermöglichen, in effizienter und konstruktiver Weise am gesellschaftlichen und beruflichen Leben teilzuhaben, insbesondere in zunehmend heterogenen Gesellschaften, und gegebenenfalls Konflikte zu lösen. Die Bür-

gerkompetenz rüstet den Einzelnen dafür, ausgehend von der Kenntnis der gesellschaftlichen und politischen Konzepte und Strukturen und der Verpflichtung zu einer aktiven und demokratischen Beteiligung, umfassend am staatsbürgerlichen Leben teilzunehmen.

7. Eigeninitiative und unternehmerische Kompetenz. Eigeninitiative und unternehmerische Kompetenz ist die Fähigkeit des Einzelnen, Ideen in die Tat umzusetzen. Dies erfordert Kreativität, Innovation und Risikobereitschaft sowie die Fähigkeit, Projekte zu planen und durchzuführen, um bestimmte Ziele zu erreichen. Unternehmerische Kompetenz hilft dem Einzelnen nicht nur in seinem täglichen Leben zu Hause oder in der Gesellschaft, sondern auch am Arbeitsplatz, sein Arbeitsumfeld bewusst wahrzunehmen und Chancen zu ergreifen; sie ist die Grundlage für die besonderen Fähigkeiten und Kenntnisse, die diejenigen benötigen, die eine gesellschaftliche oder gewerbliche Tätigkeit begründen oder dazu beitragen. Dazu sollte ein Bewusstsein für ethische Werte und die Forderung einer verantwortungsbewussten Unternehmensführung gehören.

8. Kulturbewusstsein und kulturelle Ausdrucksfähigkeit. Anerkennung der Bedeutung des künstlerischen Ausdrucks von Ideen, Erfahrungen und Gefühlen durch verschiedene Medien, wie Musik, darstellende Künste, Literatur und visuelle Künste.

Ein gutes Verständnis der eigenen Kultur und ein Identitätsgefühl können die Grundlage für Respekt und eine offene Haltung gegenüber der Vielfalt des kulturellen Ausdrucks sein. Eine positive Einstellung umfasst ferner Kreativität und die Bereitschaft, die ästhetischen Möglichkeiten durch künstlerische Betätigung und Teilnahme am kulturellen Leben zu kultivieren.

Quellenverzeichnis:

1. Erlass № 1875 des Staatspräsidenten der Republik Usbekistan vom 10. Dezember 2012 «Über Maßnahmen weiterer Vervollkommnung des Fremdsprachenerlernenssystems».
2. Amtsblatt des Ministerkabinetts der Republik Usbekistan № 01–07/1–840 vom 24. Dezember 2012.
3. Amtsblatt der Europäischen Union Nr. L 394 vom 30. Dezember 2006. Europäische Kommission. Schlüsselkompetenzen für lebensbegleitendes Lernen ein europäischer Referenzrahmen. Luxemburg: Amt für amtliche Veröffentlichungen der Europäischen Gemeinschaften. 2007–12 S. In: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/site/de/oj/2006/l_394/l_39420061230de00100018.pdf.
4. Arbeitsprogramm «Allgemeine und berufliche Bildung 2010» der Europäischen Kommission. In: http://ec.europa.eu/education/index_de.html.

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 14 (118) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.

Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадиров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 10.08.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25